

ФИЛОЛОГИЯ И ЧЕЛОВЕК

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Выходит четыре раза в год

№ 3

2016

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2016

Учредители

Алтайский государственный университет
Алтайский государственный педагогический университет
Алтайский государственный гуманитарно-педагогический
университет им. В.М. Шукшина
Горно-Алтайский государственный университет

Редакционный совет

А.А. Чувакин, д.ф.н., проф. (Барнаул, председатель), О.В. Александрова, д.ф.н., проф. (Москва), К.В. Анисимов, д.ф.н., проф. (Красноярск), Е.Н. Басовская, д.ф.н., проф. (Москва), В.В. Красных, д.ф.н., проф. (Москва), Л.О. Бутакова, д.ф.н., проф. (Омск), Т.Д. Венедиктова, д.ф.н., проф. (Москва), О.М. Гончарова, д.ф.н., проф. (Санкт-Петербург), Т.М. Григорьева, д.ф.н., проф. (Красноярск), Е.Г. Елина, д.ф.н., проф. (Саратов), Е.Ю. Иванова, д.ф.н., проф. (Санкт-Петербург), Ю. Левинг, PhD, проф. (Канада, Галифакс), О.Т. Молчанова, д.ф.н., проф. (Польша, Щецин), М.Ю. Сидорова, д.ф.н., проф. (Москва), И.В. Силантьев, д.ф.н., проф. (Новосибирск), К.Б. Уразаева, д.ф.н., проф. (Казахстан, Астана), И.Ф. Ухванова, д.ф.н., проф. (Белоруссия, Минск), Э. Хофман, Dr. Philol, доц. (Австрия, Вена), А.П. Чудинов, д.ф.н., проф. (Екатеринбург).

Главный редактор

Т.В. Чернышова

Редакционная коллегия

Е.А. Худенко (зам. главного редактора по литературоведению и фольклористике), Л.А. Козлова (зам. главного редактора по лингвистике), М.П. Гребнева, В.Н. Карпухина, Г.П. Козубовская, И.Ю. Колесов, Г.В. Кукуева, А.И. Куляпин, В.Д. Мансурова, С.А. Осокина, Ю.В. Трубникова, А.Т. Тыбыкова, М.Г. Шкуропацкая

Секретариат

С.В. Доронина, Е.И. Клинк, М.П. Чочкина

Адрес редакции: 656049, Алтайский край, г. Барнаул, ул. Димитрова, 66;
Алтайский государственный университет, факультет массовых коммуникаций,
филологии и политологии, оф. 405-а.
Тел./Факс: 8 (3852) 366384. E-mail: sovvet01@filo.asu.ru
Адрес на сайте АлтГУ: http://www.asu.ru/structure/faculties/mass/philo_journal/
Адрес в системе РИНЦ: http://elibrary.ru/title_about.asp?id=25826

ISSN 1992-7940

© Издательство Алтайского университета, 2016

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

И.Ф. Ухванова-Шмыгова. Интер-категории лингвистики дискурса: каузально-генетическая перспектива	7
М.В. Коновалова. Использование термина «эвокация» в зарубежной и отечественной науке	19
М.В. Мишаева, М.Ш. Гасанова. Отражение национального характера в антропоцентрических фразеологизмах лакского языка	29
Н.А. Прокофьева. Жанровые стили фатики в PR-коммуникации	40
Н.Н. Ефимова. Ослышка как предмет междисциплинарного исследования	51
А.Е. Козлов: Феномен «обывательской философии» в провинциальном сюжете русской литературы XIX века	63
С.А. Фисун, И.Н. Островских. Мотив блудного сына в художественном мире В.М. Шукшина	74
Е.А. Постникова. Анализ прямых идентификаторов художественного образа женщины-китаянки в романе Э. Тэн «The Joy Luck Club»	86

Научные сообщения

В.В. Соковнина. Языковая игра в web-комиксах	96
Г.В. Кукуева, О.В. Минина. Характеристика речевого жанра «народные мемуары» в интернет-коммуникации: медийные параметры	102
В.Н. Карпухина. Пространственные характеристики текстов М. Булгакова и С. Кржижановского и их переводов на английский язык	110
Н.А. Лаптева, И.А. Широких. Функционирование сложных синтаксических конструкций в контаминированной речи автора и персонажей (на материале романа J. Galsworthy «The Man of Property»)	117
Г.Т. Безкоровайная. Явление лексической многозначности в словаре и тексте (на примере английской лексемы <i>peer</i>)	125

О.В. Ломакина. Функционирование галлицизмов во фразеологии языка Л.Н. Толстого: из опыта описания тезаурусообразующих единиц (на примере <i>Fais ce que dois, advienne que pourra</i> и <i>Dans le doute abstiens toi</i>).....	129
А.З. Хабибуллина. Эстетическая интерференция и межлитературный диалог (на материале перевода стихотворения А.С. Пушкина «Когда твои младые лета» на татарский язык).....	137
Р.М. Иманкулова. Поэтика анималистических заглавий в ранней прозе А.П. Чехова	144
Д.В. Марьин. Рисунки В.М. Шукшина в аспекте литературоведческого анализа	151
Т.Н. Никонова, Л.И. Толстых. Коммуникативная культура старообрядцев Уймонской долины	157

Филология: люди, факты, события

И.И. Богатырева, О.В. Никитин. Профессору Александру Александровичу Волкову – 70 лет	170
Т.В. Чернышова, А.А. Чувакин. Филологи России и Казахстана обсуждают проблемы учебной книги по риторике	172
Н.В. Кудряшова. О третьем справочнике «Методика обучения русскому языку и русская филология в очерках об ученых российской федерации и зарубежья»	173
С.А. Мансков, Т.А. Семилет. Евразийский научно-исследовательский центр: организационная синергия в медиаисследованиях	176
Резюме	182
Наши авторы	198

CONTENTS

Articles

I.F. Oukhvanova. Intercategories of Discourse Linguistics: Causal Genetic Approach (CGA)	7
M.V. Konovalova. Use of the Term <i>Evocation</i> in the Works of Russian and Foreign Scientists	19
M.V. Mishaeva, M.Sh. Gasanova. Reverberation of the National Character by Anthropocentric Phraseological Units in the Lak Language.....	29
N.N. Efimova. Mishearing as a Subject of Interdisciplinary Research	40
A.E. Kozlov. «Philistine Philosophy» as a Phenomenon of the Provincial Stories of Russian Literature in the XIX century	51
N.A. Prokofyeva. Phatic Genre Styles in PR Communication	63
S.A. Fisun, I.N. Ostrovskiyh. The Prodigal Son Motif in the Art Works by V.M. Shukshin	74
E.A. Postnikova. Analysis of Direct Identifiers of Chinese Woman Literary Image in the Novel by A. Tan «The Joy Luck Club»	86

Scientific reports

V.V. Sokovnina. Language Game in Web-published Comics	96
G.V. Kukueva, O.V. Minina. The Description of Speech Genre «Popular Memoirs» in the Internet-communication: Media Parameters	102
V.N. Karpukhina. Space Characteristics of M. Bulgakov's and S. Krzhizhanovsky's Texts and Their Translations into English	110
N.A. Lapteva, I.A. Shirokikh. Functioning of Complex Syntactic Constructions in the Contaminated Author's and Character's Speech (Based on the Novel «The Man of Property» by J. Galsworthy)	117
G.T. Bezkorovaynaya. On the English Polysemy in Dictionaries and Texts (based on the lexeme <i>peer</i>)	125
O.V. Lomakina. Gallicisms Functioning in the Phraseology of L. Tolstoy's Language: Describing Experience of Thesaurus Forming Units (on the Base of Examples <i>Fais ce que dois, advienne que pourra</i> и <i>Dans le doute abstiens toi</i>).....	129

A.Z. Khabibullina. The Esthetic Interference and Interliterary Dialogue (Based on the Translation of Pushkin's Poem <i>When Your Calf Time</i> into Tatar).....	137
R.M. Imankulova. Poetics of Animalistic Title in Early A.P. Chekhov's Prose	144
D.V. Maryin. Drawings by V.M. Shukshin in the Aspect of Literary Analysis	151
T.N. Nikonova, L.I. Tolstyh. Communicative Culture of the Old Believers of Uimon Valley	157

Philology: people, facts, events

I.I. Bogatyreva, O.V. Nikitin. Marking the 70th Anniversary of Aleksandr Aleksandrovich Volkov's Birth	170
T.V. Chernysheva, A.A. Chuvakin. Philologists of Russia and Kazakhstan Discuss a Textbook on Rhetoric	172
N.V. Kudryashova. On the Third Reference-Book «Methods of Teaching Russian and Russian Philology in Essays about Scholars in the Russian Federation and Overseas»	173
S.A. Manskov, T.A. Semilet. Eurasian Scientific Research Center: Project Start Synergy in Mediastudies.....	176
Summary	182
Our authors	198

СТАТЬИ

ИНТЕР-КАТЕГОРИИ ЛИНГВИСТИКИ ДИСКУРСА: КАУЗАЛЬНО-ГЕНЕТИЧЕСКАЯ ПЕРСПЕКТИВА

И.Ф. Ухванова-Шмыгова

Ключевые слова: лингвистика дискурса, интер-категории дискурса, каузально-генетический подход (КГП).

Keywords: linguistics of discourse, inter-categories of discourse, the Causal-Genetic Approach (CGA).

1. Введение в контекст и контент статьи.

Всякое научное направление (и лингвистическое знание в этом отношении не является исключением) самоидентифицирует себя (свое исследовательское пространство) через:

- 1) исследовательский объект, репрезентированный освоенным и, тем самым, определенным набором категорий;
- 2) целевые установки, репрезентированные освоенным набором задач и, тем самым, определенным объемом исследовательской проблематики;
- 3) методологический аппарат, репрезентированный освоенным набором методик, которые определяют технологический потенциал научного направления.

Если посмотреть на каузально-генетическую исследовательскую перспективу как на методологическую программу освоения дискурсов разного типа, в том числе научного, мы можем утверждать, что у каждой из вышеназванных трех позиций есть свой глубинный смысл, свое назначение, что и определяет потенциал научного направления в контексте его дальнейшего развития.

- *первая* позиция характеризуется как *субъект-предметная*, а значит, несет в себе одновременно и предметную определенность научного направления и его открытость новой проблематике;

- *вторая* позиция характеризуется как *субъект-субъектная*, ибо находится в привязке к реальным субъектам научной деятельности и, тем самым, научному сообществу. Она зависит от силы его духа, от его видения и предвидения новых задач, требующих решения внутри научного направления (научный контент, характеризующийся определенной закрытостью научной деятельности) и за его пределами (научный контекст, неизбежно открывающий границы научного поиска в интердисциплинарное и трансдисциплинарное пространство);

- *третья* позиция объединяет обе вышеназванные, находясь при этом в привязке к технологическому процессу решения проблем. С позиции технологической состоятельности научного направления значимость обретают *как* методология когнитивного и прагматического начал, то есть собственно научного и прикладного планов реализации научного направления, *так и* методология коммуникативного, то есть знаково-системного и знаково-деятельностного начал (методология 1 и методология 2). Последняя указывает на значимость и актуальность коммуникативной реализации научного направления в целом и научного сообщества в частности. В результате развития технологий знаково-ориентированных планов (методология 2) создаются системы научного кодирования и декодирования и формы (форматы и жанры) реализации данных систем. Здесь речь идет о методологической двойственности и, тем самым, об источнике и результате процесса научного познания: *с одной стороны*, неизбежной закрытости научного поля (наука как структурно-системное образование, преобразуемое во времени и пространстве); *а с другой стороны*, его неизбежной открытости (наука как субстанция функционально и динамически преобразующая время и пространство).

Иначе, наука в целом и научный дискурс в частности – это единство многих начал в их единении, борьбе, развитии, что и является источником неисчерпаемости научного знания при правильной организации условий для ее развития.

Все три позиции являют собой диалектическую целостность феноменологического плана (объектность – объективность), идеологического (субъектность – субъективность) и деятельностного (единство субъект-предметного и субъект-субъектного планов реализации). О видении научного дискурса в трех лицах «феномен – идея – деятельность» (как, впрочем, и других типов дискурса с позиций эффективности реализации) см. в работах представителей научной школы каузально-генетического программирования дискурсов [Ухванова-Шмыгова, 2014; Попова, 2008; Курчак, 2012; Савич, 2012; Туркина, 2006].

Посмотрим в контексте вышесказанного на лингвистику сегодняшнего дня. Сохранив свой интерес к исследованиям исторического плана, сфокусировавшим внимание на реконструкции знания о микро-единицах языка (диахроническая лингвистика), современная лингвистика (открыв для себя поле синхронии) выходит на макро-знаковое пространство языка, которое успешно "пропальвает", осваивая сегодня уже так называемые супер-структуры. Процесс рефлексии, то есть самоидентификации лингвистики, осознание ею своих возможностей работает здесь на преобразование исследовательского объекта. Так, мы имеем дело с репрезентацией новых исследовательских единиц, освоением новых наборов категорий, постановкой иных целей, предложением новых методик и технологий, выходом на новый язык.

При этом понятно и естественно "сопротивление материала". Часть нового, зарождаемого внутри, может уходить на какое-то время вовне как бы вопреки логике его развития. Так, коммуникативистика в контексте англоязычного знания пришла в мировую науку из социального знания, а в русскоязычном контексте – из гуманитарного, изначально принимавшего социальное в качестве ее непосредственной данности, глубинной сущности. (Во многом это справедливо и для франкоязычной гуманитарной науки с ее плотным переплетением гуманитарного и социального начал). Быть вовне или остаться в контексте лингвистического знания (в согласии с национальной традицией), значительно преобразив его технологически – актуальный вопрос современной русскоязычной гуманитарной науки. Мы полагаем, что значимым для решения данного вопроса фактом является признание того, что именно лингвистика в русскоязычном научном пространстве активно занимается сегодня развитием теории дискурса, в то время как социальные науки являются, в большей степени, пользователями технологических разработок дискурс-анализа.

Наблюдая решение этого актуального вопроса в контексте развития восточно-европейской гуманитарной науки, мы обратили внимание на тенденцию сохранения во многих случаях лингвистического пути дискурсологии. Новое множится, и появляются иные тенденции: вместо отторжения происходит упорядочивание.

Так, появляется новый исторически отмеченный в лингвистике ряд, а именно: «лингвистика языка – лингвистика речи – лингвистика дискурса» [La Table Ronde, 2013]. При этом имеет место и иное (компромиссное, как мы полагаем) двусоставное решение: «(традиционная) лингвистика – функциональная лингвистика (лингвистика речи)» [Левицкий, 2012]. В этом варианте вторая ступень развития лингви-

стики максимально открывается, сохраняя место и коммуникативности и дискурсологии, и теории дискурса. Третий вариант упорядочивания нового знания предлагают научные лингвистические школы Латвии (Латвийский университет, Рига) и Польши (Варшавский университет, Варшава), где направление дискурс-исследований видится органичным в поле прикладной лингвистики. В других ситуациях, как например в Литве (Вильнюсский университет) дискурс-исследования попадают в поле непосредственной междисциплинарности, когда под каждую диссертационную работу по данной проблематике собирается междисциплинарный ученый совет, куда могут входить одновременно специалисты по лингвистике, литературоведению, журналистике, социальным наукам и ряду других направлений с учетом каждого конкретного случая. Мы полагаем, что каждый вариант оправдан в данном контексте (контексте активного развития дискурс-исследований в мировой научной практике) кроме одного – противостояние: вариант противостояния новому не соответствует целевым установкам научного дискурса.

Итак, мы обрисовали ряд тенденций, помогающих реконструировать контекст и сосредоточиться на контенте данной статьи. Непосредственным *объектом внимания данной статьи* является категориальный аппарат лингвистики дискурса (мы сохраняем приверженность идее упорядочивания лингвистического знания). Лингвистика трудом многих поколений пост-сосюрдовской эпохи заслужила право сохранить образ языкового знака (включая макро знаки) как двуликого Януса, одно лицо которого обращено в реальность, а другое – знаковую реальность. Уточнение образа не разрушает его суть, и вот уже перед нами трех-ликий герой: **язык** (систематизированная знаковая реальность) – **языковое функционирование** (знаковая реальность, соподчиненная правилам функционирования знаковых систем) – **языковое функционирование в обществе** (социальная реальность, соподчиненная правилам функционирования общества, сопряженная со знаковой реальностью в ее системной и функциональной данности). Научное направление с таким объектом исследования соподчинено одной цели – «не резать по живому», изучая живую ткань дискурса. Так перед нами синтез уже трех систем знаний – языковой, речевой, социальной. Но эти системы не сами по себе, а каждая в каждой. И именно вместе они организуют структурно-системно, функционально и динамически реализуемое основание того направления, которое мы называем лингвистика дискурса. Можно считать это направление лингвистики входящим в направление, изучающее специфику функционирования комплексных систем.

В качестве *предмета* нашего внимания мы выбрали группу интер-категорий дискурса, которая является, как мы полагаем, прототипической (матричной) для категориального аппарата лингвистики дискурса.

Целевая установка статьи дескриптивно иллюстративная: привлечь внимание исследователей коммуникации и эффективного взаимодействия людей и институциональных структур к особому исследовательскому аппарату *лингвистики дискурса* и его потенциалу для решения теоретических и прикладных задач современного гуманитарного (и, тем самым, социального) знания.

2. Интер-категории лингвистики дискурса: история и потенциал.

Интертекстуальность – это дискурс-категория, вместе с которой пришло осознание того, что тексты с позиции содержания – это своего рода саморазвивающаяся система. Они как бы воспроизводят себя в жанровом и тематическом планах в последующем текстовом пространстве, множественно отражаясь в них и участвуя, тем самым, в дальнейшем конструировании всего текстового пространства.

Лингвистика текста (текстопорождения и текстовосприятия, кодирования и декодирования), сосредоточила внимание на том что есть текстуальность, каковы ее ключевые принципы, ее основание прототипического плана [Beaugrande, Dressler, 1981]. Уже общим знанием стало упоминание в этом контексте семи категорий. Шесть из них рассматриваются хотя и по отдельности, но, все же, в некоторой перекличке. Это такие пары как когезия и когерентность, информативность и ситуативность, интенциональность и приемлемость. В одиночестве остается категория «интертекстуальность». Почему?

Явившись в мир с работами Юлии Кристевой, ученицы Дерриды, представителя французской школы постструктурализма и дискурс-анализа, категория «интертекстуальность» стала своего рода мостиком между лингвистикой речи / текста и лингвистикой дискурса. Приставка «интер-» понятийно задает термину как бы два берега, встречу иных начал, а вместе с этим и движение мысли, смыслов, значений, контентов, их столкновение и преобразование, превращение в нечто другое.

Значит ли это, что дискурс-лингвистика это выход лингвистики текста из статической в дихотомическую перспективу? Мы полагаем, что да. Так когезию и когерентность можно свести вместе в термине «речевая (языковая) деятельность», ибо речь идет по сути о вариантах синтагматической и парадигматической организации содержания коммуникации; информативность и ситуативность – в термин «дис-

курс», ибо речь идет о единстве текста и кон-текста (определение дискурса Тойном ван Дейком); интенциональность и приемлемость – в термин «интеракция». Так, категории дискурса уже по определению предстают как интер-категории.

Если присмотреться внимательно и проинтерпретировать дефиниции актуальных категорий дискурса, мы найдем открытое множество дихотомий, априори включенных в значение термина. В рамках каузально-генетического подхода (КГП) мы предложили термин «кортежное содержание». КORTEЖное содержание отражает и конструирует интерактивность коммуникативного процесса. Оно способствует актуализации памяти об адресатах как конкретных персоналиях и представителях определенного типа коммуниканта. Иначе, у общающихся происходит накопление информации о коммуникантах как прототипического плана (тип общающегося), так и функционального (ситуативное, контекстное знание о характере взаимодействия с другими), что дает основание для понимания также и эксклюзивности субъектов общения. Эксклюзивность ролевого выбора и наполнения роли, которую берет на себя общающийся, из возможного набора последовательностей взаимодействия создает динамику кортежного содержания. Выбор и постоянство (в том числе и в маркерах того или иного категориального содержания) становятся основанием для актуализации общего, особого, единичного.

Другие категории с заданной внутренней дихотомической организацией, разработанные представителями школы каузально-генетического моделирования дискурса и вошедшие в современную практику дискурс-исследований, это – *интер-событийность* (перекличка событий в процессе актуализации текстов в социальном контексте) и *интер-субъектность* (пересечение имен и реалий социальной жизни коммуниканта, актуальных для него или для нее в контексте ведения дискурсных практик).

Можно обратить внимание в данном контексте также на группу интер-категориальной терминологии, включенной в первый словарь дискурс-анализа, изданный в начале нашего века во Франции [Charaudeau, Maingueneau, 2002]. Среди них *interaction* (интеракция), *interculturel* (интеркультура), *interdiscours* (интердискурс), *interlangue* (интеркод), *interlocuteur* (со-беседник), *intertext* (интертекст), *intertextualite* (интертекстуальность). Любопытен тот факт, что почти все эти термины представлены также с приставкой «интра-», а одно еще и с приставкой «транс-», как например, *intradiscours*, *intranlangue*, *intrauteur*, *intratext*, *transtextualite*. Как видим, максимально интерактивной, внутренне подвижной становится терминология матрично-

го (для моделирования коммуникации) плана, где корень термина отражает жанр (беседа), средство (язык), процесс (дискурс) и продукт коммуникации (текст). Это обстоятельство – еще одно доказательство особой ценности данной группы терминологии дискурс-анализа для научного направления и, в частности, для понимания объекта изучения направления, характеризующегося как все во всем.

3. Интер-категориальные основания дискурса и другие актуальные тезисы КГП.

Первая публикация, представившая научной общественности основы каузально-генетического моделирования дискурса, появилась в 1993 году в журнале «Философская и социологическая мысль» под рубрикой «Логика, методология и философия науки» [Ухванова-Шмыгова, 1993, с. 10–27]. До этого логика развития каузально-генетического исследовательского подхода была описана в научном сборнике Алтайского государственного университета [Ухванова-Шмыгова, 1990]. А в настоящее время мы уже говорим о развитии подхода и его множественной апробации в процессе практического изучения и теоретического моделировании конкретных типов дискурса. Так, были построены теоретические (прототипические и функциональные) модели таких типов дискурса как дискурс элитарных средств информации – дискурс ЭСИ [Попова, 2008], дискурс медиалобирования [Савич, 2012], дискурс деловых переговоров [Журчак, 2012], дискурс народных сказок [Ухванова, 2012]; разработаны новые методики дискурс-анализа и синтеза, в частности метод дискурс-портретирования [Ухванова, Маркович, Ухванов, 2002], методы реконструкции дискурс-картин информационного и интерактивного планов содержания дискурса [Ухванова, Савич, Ефимова, 2009; Туркина, 2008]. В результате расширен и упорядочен категориальный аппарат исследований дискурса, уточнены методики, определены их верификативные возможности. С библиографией и терминологическим словарем подхода можно ознакомиться в: [Ухванова-Шмыгова, 2014]).

Факт опубликованности подхода дает нам возможность не повторяться в его презентации, а сосредоточить внимание исключительно на заявленном предмете разговора – интеркатегориальной специфике дискурса, которая весьма ярко проявляет себя в реконструкции разнообразных типов дискурса. В поисках оптимального способа описания этой специфики мы остановились на формате диалога или вопросно-ответной жанровой форме, которая помогает удерживать дискуссию с учетом сохранения фокуса внимания, а значит и интереса аудитории. При этом мы решили воспользоваться во-

просами, которые были адресованы нам относительно недавно в контексте работы Международного научного семинара, проходившего в АлтГУ 14 апреля 2015 года – «Многоязычие текста в коммуникации как филолого-коммуникативная проблема», где автор участвовал заочно. Вопросы касались специфики интер-категориального аппарата [Чувакин, 2015] дискурса и роли лингвистики дискурса в современном гуманитарном знании.

Вопрос 1: *«Можно ли сказать, что КГП созвучен идеям интерпретационистов, наиболее полно выраженным в следующей фразе В.З. Демьянкова: “Значения вычисляются интерпретатором, а не содержатся в языковой форме”?»*

И да и нет. Точнее, не совсем так. Все зависит от фокуса внимания и базового знания коммуникантов. Значения содержатся в языковой форме, то есть в языковых структурах, ибо в любом случае они парадигматически организованы (маркированы). Но также они репрезентированы и в речевой форме, ибо организованы (маркированы) синтагматически. Именно поэтому изначально, если аудитории не совсем понятны реалии, о которых идет речь, заинтересованный собеседник неизбежно реконструирует их из функционального потенциала языка и специфики его реализации. И в этом случае актуализируется одно из сосюровских лиц языкового знака, а именно то, которое смотрит в пространство языковой реальности. Вербальный ряд бесспорно способствует пониманию реалий, с которыми коммуниканту не приходилось встречаться воочию.

Однако одновременно значения содержатся и в когнитивной форме (ментальных структурах), и в прагматической форме (аксиологических структурах). Именно поэтому профессионалы, общающиеся на разных языках, могут, при желании и элементарных навыках социализации, удивительным образом понимать друг друга вопреки, а не благодаря навыкам общения на том или ином языке. И здесь актуальным становится второе из сосюровских лиц языкового знака, а именно то, которое смотрит в пространство реальности как таковой. КГП увидел еще два лица, то есть еще две возможные фокусировки с тем, чтобы фокус внимания был непосредственно в кадре. Они должны способствовать пониманию того, в каком именно сообществе (профессионалов) коммуникант находится (тип сообщества), а также то, какой именно рисунок взаимодействия коммуниканты «прорисовывают» своим общением.

Как видим, каждая из позиций дихотомична (двупланова), и значит, дискурс-наполняема. И дискурс здесь формируется интер-категориально. Конечно, объем и центровка реального значения, ак-

туализируемые коммуникантами, зависят от качества обучения (и, конечно, опыта использования коммуникантами) видеть реальность в разных фокусах внимания (то есть по существу видеть разные реальности, разные по сути миры) и переключать фокусы внимания при необходимости.

Вопрос 2: *«Как в КГП соотносятся контент и контекст?»*

Контент часто рассматривается лингвистами-дискурсологами как предмет разговора (или письма), то есть по сути как субъект-предметная картина мира, заключенная в реальной дискурсии (дискурсной практике). В то же время под контекстом понимается субъектная ситуация или, шире, социальный контекст. Впрочем, чаще под контекстом языкового знака лингвист видит окружающую текстовую реальность (другие языковые знаки) или реальность окружающего (материального) мира (внешний контекст). Для КГП контент – это центр внимания, то, что в фокусе общения, контекст – его рамка; но ведь и она может стать центром внимания, контентом в поле профессионального общения тех, кто конструирует рамки. Таким образом, контекст и контент могут производить своего рода рокировку: меняться местами. С учетом четырех-ликости дискурса (а значит и восьми-оконости: у каждого лика есть пара глаз) возможности рокировки преумножаются. И здесь опять речь идет об идее интеркатегориальности дискурса: одно есть отражение другого и наоборот.

Не могу не удержаться от иллюстрации вышесказанной идеи. В теории пропаганды это явление (замена контента на контекст и наоборот) есть своего рода классика манипулятивной коммуникативной деятельности (подмена ярлыков, подмена понятий, подмена ролей, статусов, да и самих коммуникантов не путем вычеркивания прежних, а лишь перемещением одних с центра на периферию. Тут и фактологическая пропаганда, и эмоциональная и семантическая...). В психологии семейного общения – как прием восстанавливать общение между рассорившимися супругами («рокировка» слов, стилистической окраски, модальности в ожидании позитивной реакции адресата), и т.д.

Вопрос 3: *«Факт – цель – деятельность: что есть “идея” в этой триаде? Коммуникативное намерение автора (интенция) или что-то иное?»*

Три позиции, в которых репрезентируется дискурс (согласно КГП) и которые могут быть реконструированы в процессе дискурс-анализа (*факт – идея – деятельность*) по сути представляют собой дискурс-картины – фактологическая, идеалистическая, деятельностьная. Будучи дискурс-картинами (то есть воплощением чего-то и зна-

ками чего-то) они несут в себе задаваемое множество типов содержания и их маркеров – фактологическое (иконические знаки как репрезентанты мира реальности, идея соотнесенности), идеологическое (символические знаки как репрезентанты идей реальности, идея сопричастности) и метатекстуальное (терминологические знаки как репрезентанты мира абстрактных знаковых систем, идея (профессиональной) деятельности). Каждый из типов идей определяет и тип взаимодействия коммуникантов, и глубину общения. Понимание того, что есть дискурс с позиции КГП, укладывается в эту триаду и принимается в единстве всех трех составляющих с учетом категориальной двойственности в пересечении и дублировании ее компонентов (содержание – маркеры содержания).

Но вернемся к вопросу. Как видим, перед нами две триады: в одной в центре находится слово «идея», а в другой «цель». Смысл идеи как центра триады с позиции КГТ мы объяснили. Что же мы видим в контексте помещения в центр триады слова «цель», где акцент на идее реализации коммуникативного намерения (интенции) адресантом с одной стороны, и идее постичь намерение с другой? КГП ближе в таком случае позиция «цели адресанта и адресата в их взаимодействии». С позиции КГП мы не ведем речь о самодостаточности авторской интенции: она всегда работает в связке с интенциями адресата, где обе цели проходят этап трансформации (адаптации) с учетом фокусировки «ликов» дискурса в их адресант-адресатной соотнесенности. В противном случае мы будем иметь дело с тем, что лингвисты называют квази-коммуникацией. Ведь целевая установка несет в контексте дискурса-реализации (в отличие от текст-реализации) идею активности, конструирования коммуникации и в плане контентной и в плане контекстной составляющих. Иначе, один делает вид, что говорит, а второй, – что слушает.

И, наконец, озвучим вопрос 4, ответ на который нам хотелось бы представить в заключительной части статьи, ибо ответ на него и есть вывод о месте интер-категориального исследовательского аппарата в учении о дискурсе. Вопрос был вербализован буквально так: *«Каково место учения о дискурсе в структуре гуманитарного знания?»*

Вместо заключения

1. Дискурс, будучи многосторонней и полифункциональной единицей анализа, изучается с позиции разных фокусов его проявления (категориальная определенность дискурса) и функционирования в реальной социальной среде / в реальном типе дискурса (типологическая определенность дискурса в контексте его функционирования)

с опорой на активно разрабатываемый методологический аппарат (исследовательская или технологическая определенность дискурса). Иначе говоря, знаковая репрезентация дискурса в контексте его исследовательской парадигмы (теоретический аспект изучения дискурса) организована категориально, типологически и методологически, что и способствует развитию терминологической системы данного научного направления с учетом прозрачности ее исходных системных, структурных, иерархических и функциональных параметров.

2. Многосторонность и полифункциональность дискурса, однако, создает ряд трудностей исследователю, который априори держит в уме необходимость аналитической (построение прототипических моделей типов дискурса) и синтезирующей (построение функциональных моделей типов дискурса) работы в процессе исследовательской деятельности. Разложение на составляющие и сборка работающих (актуализируемых) составляющих при этом не всегда совпадают количественно, что ведет к необходимости применения верификативных исследовательских практик – поле, где встречаются индуктивные и дедуктивные подходы, равно как абдуктивные (гипотетические) и другое, что непосредственно входит в логику здравого смысла. Активно развивающийся категориальный аппарат дискурс-исследований в этом контексте (с учетом сквозной проявленности категорий содержания дискурса) становится основанием для рождения соотносимых с категориальным аппаратом технологий (методик) анализа дискурса (так освоенная категория «дискурс-портрет» открывает нам метод дискурс-портретирования, категория «дискурс-картина коротежного взаимодействия» – метод ее реконструкции и т.д. На этом основании можно утверждать, что реконструируемая нами в данной статье группа интер-категорий открывает, в определенном смысле, поле методик интеркатегориального анализа дискурса, то есть анализа, реконструирующего маркеры взаимопроявляющихся категорий в их встречном движении, что и определяет характер порождаемых конкретными дискурсиями, а значит и типами дискурсов, смыслов.

3. Учение о дискурсе с учетом его трехмерной проявленности в непосредственном пересечении составляющих (коммуницируемые факты, идеи, деятельность) занимает неоднозначное место в структуре гуманитарного знания. В контексте русскоязычной гуманитарной науки учение о дискурсе имеет все основания входить в поле лингвистического знания с учетом социально значимых оснований лингвистики как науки о функционировании языка в социуме. Изучение (реконструкция) социального в контексте лингвистики функционально-динамических преобразований языковой системы всегда ориентиро-

вано на отдельное и специфическое (в дискурсе есть только отдельное и специфическое), в то время как изучение социального в собственно языке как структурно-системном образовании – на общее (в языке есть только общее). Конкретный фокус внимания – общее или единичное – и есть маркер разграничения лингвистики языка и лингвистики дискурса. Функциональная лингвистика в этой связи видится промежуточным, принципиально важным для сохранения общей функциональной целостности этапом развития лингвистического знания.

Литература

- Курчак Л.В. Дискурс деловых переговоров: опыт анализа. Минск, 2012.
- Левицкий Ю.А. Общее языкознание. М., 2012.
- Попова А.В. Дискурс-картины мира и кортежного взаимодействия элитарных средств информации. Минск, 2008.
- Савич Е.В. Медийный дискурс лоббирования: опыт анализа. Минск, 2012.
- Туркина О.А. Дискурс конфронтации: сопоставление картин мира, репрезентированных в дискурсах победителя и проигравшего в телевизионной игре «Последний герой 1» // Методология исследований политического дискурса: актуальные проблемы содержательного анализа общественно-политических текстов. Минск, 2008. Вып. 5.
- Туркина О.А. Исследование конфликта и конфронтации с позиций современной теории дискурса // Вестн. Мин. гос. лингвист. ун-та. Сер. 1. Филология. 2006. № 1.
- Ухванова-Шмыгова И.Ф. Семантика слова, предложения, текста: точки соприкосновения // Семантико-стилистические исследования слова и предложения. Барнаул, 1990.
- Ухванова-Шмыгова И.Ф. План содержания текста: от анализа к синтезу, от структуры к системе // Философская и социологическая мысль. Киев, 1993. № 3.
- Ухванова-Шмыгова И.Ф., Маркович А.А., Ухванов В.Н. Методология исследований политического дискурса: актуальные проблемы содержательного анализа общественно-политических текстов. Минск, 2002. Вып. 3.
- Ухванова И.Ф., Савич Е.В., Ефимова Н.В. Методология исследований политического дискурса: актуальные проблемы содержательного анализа общественно-политических текстов. Минск, 2009. Вып. 6.
- Ухванова И.Ф. Дискурс-картины мира и кортежного взаимодействия славянских сказок // Stylistyka. XXI. Styl naradowy – National Style. Opole, 2012.
- Ухванова-Шмыгова И.Ф. Каузально-генетический подход в контексте лингвистики дискурса. Минск, 2014.
- Чувакин А.А. Многоязычие текста в коммуникации как филолого-коммуникативная проблема: международный научный семинар // Филология и человек. 2015. № 3.
- Charaudeau P., Maingueneau D. Dictionnaire d'analyse du discours. Edition du Seuil, 2002.
- De Beaugrande R.A., Dressler W.U. Introduction to Text Linguistics. London, 1981.
- La Table Ronde. Минск, 2010. Вып. 1.
- La Table Ronde. Минск, 2013. Вып. 2.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТЕРМИНА «ЭВОКАЦИЯ» В ЗАРУБЕЖНОЙ И ОТЕЧЕСТВЕННОЙ НАУКЕ

М.В. Коновалова

Ключевые слова: эвокация, дискурсивная лингвистика, дефинирование.

Keywords: evocation, discourse linguistics, provide definitions.

Использование термина «эвокация» в зарубежном научном дискурсе не имеет четко определяемой отраслевой границы применения. Термин встречается в исследованиях различных научных отраслей, от биологии и религиоведения до искусствоведческих, литературоведческих и лингвистических изысканий, то есть в основном принадлежит сфере гуманитарных и частично естественнонаучных исследований. Энциклопедические и словарные дефиниции термина насчитывают 59 определений, в которых термин эвокация (*evocation* – на английском и французском языках, *Evokation* – на немецком языке) указывается в качестве определяемого понятия, и около двухсот определений, в которых присутствуют интерпретации и синонимы.

Термин происходит от латинского «*evocare*» – «вызывать», обозначающего один из обрядов древнеримских жрецов авгуров, который совершался непосредственно перед началом сражения на поле боя, когда жрецы пытались привлечь на свою сторону богов и духов противника, чтобы они помогали им в битве. Подобное понимание эвокации часто встречается в иностранных энциклопедиях и словарях. Например, толковый словарь Французской академии дефинирует эвокацию через аллюзию к древнеримскому обряду вызывания духов: «*L'évocation des démons, des ombres*» (Вызывание демонов, духов) [Dictionnaire de l'Académie Française, 8ème édition, 1935]. Также присутствует определение из области юриспруденции, раскрывающее при помощи данного термина исторический факт из делопроизводства средневековой Франции, подразумевающий право королевской юстиции (Королевского совета) истребовать дело у некорольевского суда к своему производству (Словарь терминов (глоссарий) по истории государства и права зарубежных стран).

Тот же результат показывают англоязычные словари и энциклопедические электронные издания, суммарное понимание термина можно свести к следующей подборке из англоязычных толковых электронных словарей (Британика, Большой Оксфордский словарь и т.д.): «The noun EVOCATION has 3 senses: 1) imaginative re-creation; 2) calling up supposed

supernatural forces by spells and incantations; 3) stimulation that calls up (draws forth) a particular class of behaviors» (Существительное ЭВОКАЦИЯ имеет 3 значения: 1) воссоздание образа; 2) вызывание предполагаемых сверхъестественных сил заклинаниями и заговорами 3) психол. стимуляция, способствующая формированию (закреплению) определенного образца поведения) [Encyclopedia Britannica, URL; What does evocation mean?..., URL]. Большой Оксфордский словарь дает похожую дефиницию: evocation – derivative, early 17th century from evoke 1) bring or recall (a feeling, memory, or image) to the conscious mind, 2) elicit (a response), from Latin evocare; from e- (variant of ex-) ‘out of, from’ + vocare ‘to call’ (эвокация – производное слово, до 17 века от «evoke» 1) доводить до рассудка или вызывать в памяти (чувство, воспоминание или образ) 2) выявлять, делать вывод (получать отклик), от латинского «evocare», от «e-» (вариант «ex-») обозначающее «из», от «+vocare», обозначающее «вызывать») [Definition of evoke..., URL].

Развитие и упоминание термина в исследованиях ученых Оксфордского и Кембриджского университетов по музыкальной, культурной, юридической, биологической, ботанической, литературоведческой, лингвистической и прочим научным тематикам логично было бы проанализировать на материале научных статей. Так подборка из оксфордских журналов со статьями, рассматривающими термин эвокации, охватывает в основном ботанико-биологическую, химическую и музыкально-культуроведческую тематику. Подборка с упоминанием термина «эвокация, эвокативный» среди статей на кембриджском электронном ресурсе Cambridge Journals Online представляет в основном социальную, философскую, страноведческую и лингвистическую тематику. Российский портал научной литературы Elibragy дает иную картину научного использования термина и развития эвокационных исследований – сочетание литературоведческих, филологических и лингвистических изысканий.

Самое раннее философское понимание эвокации можно найти в работах ученых Кембриджа. В частности, в статье А.В. Уильямса Джексона «The “Second Evocation” in the Manichaeic System of Cosmogony» из журнала «Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain & Ireland» (Журнал Королевского Азиатского общества Великобритании и Ирландии) за октябрь 1924 года. Эвокация упоминается в связи с основными манихейскими сущностями – тьме и свете, которые существуют вместо Бога: «*When the primeval attack upon the Realm of Light was made by the King of Darkness, the Sovereign of Light “evoked”, or emanated, three successive evocations in the form of divine personifications, designed to serve first in combating the onslaught of Evil, and then in weakening the pernicious*

effects of its force» (Когда король тьмы совершает первобытную атаку на силы света, суверен света «эвоцирует» или эмануирует три успешные эвокации в форме Божественной персонификации, которые призваны служить борьбе с натиском зла и потом ослаблению пагубного влияния его сил) [Williams Jackson, 2011]. Видимо из-за раннего упоминания значение эвокации приближается к первоначальному латинскому пониманию, означающему вызывание сущностей, божественных воплощений, но не принадлежащих враждебному лагерю, а скорее трансцендентальному миру, обладающих большой силой и ведущих бой против сил зла. Философский смысл, вкладываемый в это понятие, заключается в возможности выхода за пределы бытия и оперирования сущностями вне границ привычного восприятия.

Широкое использование термина «эвокация» в исследованиях ученых Оксфорда объясняется его латинским происхождением и удобством в обозначении естественнонаучных и мыслительных процессов в соответствии с его этимологией. Понимание термина «эвокация» в естественных науках может быть рассмотрено с позиций биологии и ботаники, и подразумевает обозначение процесса пробуждения зародышевой ткани. Так, в статье А. Жакомар, Р. Кеттман, Дж.А. Прайк, М. Тири, Р.М. Сакс (А. Jacquard, R. Kettmann, J.A. Pryke, M. Thiry, R.M. Sachs) «Ribosomal RNA Genes and Floral Evocation in Sinapis» (Рибосомные гены и цветочная эвокация растений горчицы) из оксфордского журнала «Annals of botany» (Анналы ботаники) эвокация рассматривается как один из процессов растительной генетики, подразумевающий индукцию или пробуждение зародышей посредством факторов генетического воздействия [Jacquard, Kettmann, Pryke и др., 1981, с. 415–417].

Тот же процесс упоминается в том же журнале в статье Е.Ф. Уолтон, П.Дж. Фоуке, К. Уайс и П.Л. Маклей (Е.Ф. Walton, P.J. Fowke, K. Weis, P.L. Mcleay) «Shoot Axillary Bud Morphogenesis in Kiwifruit (Actinidia deliciosa)» («Морфогенезис через воздействие пазушными почками на ткани киви (Актинидия делициоза)»), где также речь идет о генной инженерии и пробуждении к жизни зародышей киви. В журнале «Intergrative and comparative biology» (Интегративная и сравнительная биология) в статье Б.К. Холла (B.K. Hall) «Waddington's Legacy in Development and Evolution» («Наследие Уоддингтона в развитии и эволюции») эвокация упоминается среди других терминов, представляющих научное наследие Уоддингтона, одного из теоретиков эволюционной биологии [Walton, Fowke, Weis и др., 1997, с. 13–21]. Эвокации отводится роль термина, представляющего проблематику превращения внешних свойств во внутренние характеристики.

В естественнонаучных психофизиологических исследованиях эвокация тесно связана с изучением человеческой памяти: например, в журнале «Brain» в статье П. Глора (P. Gloor) «*Experiential phenomena of temporal lobe epilepsy: facts and hypotheses*» («Эмпирические проявления временной височной эпилепсии: факты и гипотезы») [Gloor, 1990, с. 1673–1694]. В том же журнале от 1990 года в статье Дж. Серджен и М. Понса (J. Sergent, M. Ponce) «*From covert to overt recognition of faces in a prosopagnosic patient*» («От закрытого до открытого распознавания лиц у пациентов с прозопагнозией») эвокация обозначает один из мыслительных процессов – вызывание в памяти характерных черт человеческих лиц при заболевании прозоагнозией – отсутствием умения распознавать лица при сохраняющейся способности распознавать предметы [Sergent, Ponce, 1990, с. 989–1004]. Использование термина «эвокация» встречается также и в химии: в журнале «*Chemical senses*» (Ощущения под воздействием химии) в статье Г.Т. Лоулесс, Д.А. Стевенс, К.В. Чапман и Э. Куртц (H.T. Lawless, D.A. Stevens, K.W. Chapman, A. Kurtz) «*Metallic Taste from Electrical and Chemical Stimulation*» («Металлический привкус при электрической и химической стимуляции») эвокация обозначает процесс появления металлического привкуса после электрической и химической стимуляции [Lawless, Stevens, Chapman и др., 1996, с. 553–566].

В гуманитарных науках спектр употребления понятия эвокации весьма широк и охватывает такие отрасли как юриспруденция, лингвистика, литературоведение, культура, музыковедение, дизайн, встречается использование термина и в исследованиях Холокоста. В юридической отрасли эвокация понимается как упоминание топонимов, брэндов, марок и т.п., о чем написано в журнале «*Journal of Intellectual Property Law&Practice*» («Журнал об интеллектуальной собственности, право и практика») в статье М.А.М. Гонсалеса (M.A.M. González) «*Protection of geographical indications against translation, generic use, evocation, and other potential enemies*» («Защита географических названий от перевода, какого-либо упоминания, эвокации и других потенциальных угроз») [González, 2012, с. 20–22]. В историческом аспекте эвокация упоминается в журнале «*Past&Present*» («Прошлое и будущее») в статье Д. Паркера (D. Parker) «*Sovereignty, absolutism and the function of the law in seventeenth-century france*» («Суверенитет, абсолютизм и функция права в XVII веке во Франции») [Parker, 1989, с. 36–74]. Эвокация рассматривается как одно из исторических правовых архаизмов, обозначающих процесс затребования королевскими судебными инстанциями дел, имеющих у гражданского суда к собственному делопроизводству. То же

понимание мы обнаружили в словаре Французской академии, которое приведено выше.

В контексте культуры эвокация упоминается в музыковедении и репертуаре отдельных композиторов в качестве названий музыкальных произведений. В журнале «Musik&Letters» («Музыка и письма») в статье Дрю Массея «Imagining the Infinite in Carl Ruggles's 'Evocations'» («Создание образа бесконечности в “Воскрешениях” К. Руггльза») речь идет о сочинении американского композитора К. Руггльза (1876–1971) для фортепиано, представляющих собой песнопения, написанные в 1945 году и получившие две редакции [Massey, 2011, с. 582–606]. В данном случае нет использования эвокации в рамках научного дискурса, эвокация получает значение в художественно-музыкальном дискурсе и обозначает нечто близкое к своему первоначальному значению вызывания воспоминаний, образов и ощущений в памяти слушающих произведение. В журнале «Early Music» в статье Дж. Роусона Роберта «Courtly contexts for Moravian Hanák music in the 17th and 18th centuries» («Придворные контексты музыки моравских ганаков в XVII и XVIII веках») эвокации соответствует вызывание в памяти слушателей сельских мотивов через использование их элементов в музыкальных произведениях [Rawson, 2012, с. 577–591].

В сфере дизайна эвокация используется в связи с возможностью работать с визуальными эффектами, вызывающими различные образы у реципиентов визуальной информации. Об этом пишет Ж.П. Варнье в журнале «Journal of design history» в статье «Material Memories: Design and Evocation» («Материал для памяти: дизайн и эвокация») и А. Гудден в журнале «Oxford art journal» («Оксфордский журнал искусств») в статье «Painting for the Eye and Painting for the Mind: Correspondences of the Arts in Eighteenth-Century France» («Рисование глаз и рисование взгляда: записи об изобразительном искусстве в XVIII веке во Франции») [Warnier, 2000, с. 263–264; Goodden, 1992, с. 113–122].

Все вышеприведенные статьи относятся к печатным изданиям за период с 70-х по 90-е годы включительно. После 90-х и ближе к сегодняшнему дню термин «эвокация» появляется в исторических, литературоведческих и лингвистических исследованиях, что находит свое отражение в оксфордских печатных материалах. Много статей с упоминанием эвокации в журналах, посвященных лингвистическим и литературоведческим исследованиям: «Forum for Modern language studies», «Contemporary women's writing», «English», «French history», «The English historical review», «The review of English studies», «Holocaust and Genocide studies», «Literature and theology», «American literary history» и т.д.

Статьи, рассматривающие эвокацию с филологических позиций, дефинируют ее как процесс вызывания в памяти различных образов, характеров, отдельных черт, как один из художественных приемов, используемых отдельными авторами для усиления художественной выразительности произведения, красочного описания героев, их характеров, отношений. С.Э. Пул в статье «‘Souvenirs, souvenirs’: The Role of Memory in the Work of Annie Saumont» («“Сувениры, сувениры”: роль памяти в произведениях Анни Сомон»), журнал «Forum for modern language studies» [Poole, 2012, с. 46–58]. Э. О’Бейрн в статье «Dying for Silence: Language and its Absence in the Late Work of Nathalie Sarraute and Samuel Beckett» («Смерть для тишины: язык и его отсутствие в поздних произведениях Н. Саррот и С. Бекетта») пишет о живом языке эвокации, не о «мертвом», а также о поэтической эвокации в лирическом произведении, вызывающей определенные образы и передающей оттенки смысла [O’Beirne, 2005, с. 397–406]. М. Макалистер в журнале «American literary history» статье «What is Your Heart For? Affect and Internationalism in the Evangelical Public Sphere» («Что предназначено для вашего сердца? Аффект и интернационализм в евангелической публицистической сфере») ассоциирует эвокацию с многократным обращением автора к какому-либо качеству главных героев или читателя, чтобы точнее и красочней выразить авторский замысел [McAlister, 2008, с. 870–895]. Д. Брайтон в статье «Sounding the Deep: Shakespeare and the Sea Revisited» («Звучание глубины: Шекспир и возвращение к морю»), журнал «Forum for modern language studies», 2010 год («Форум современных лингвистических исследований», 2010), пишет о вызывании в памяти живых образов моря, его дикости и жизни [Brayton, 2010, с. 189–206]. Таким образом, эвокация в литературоведении означает процесс вызывания в памяти читателя различных образов, напрямую связанных с воплощаемыми в произведении.

В оксфордских лингвистических исследованиях эвокация упоминается примерно с 2010 года и понимается как один из дискурсивных процессов и рассматривается воздействие или аллюзию того или иного плана. Д. Браун в статье «HD’s trilogy: modern gnosticism?» («Поэма Х.Д. Трилогия: современный гностицизм?»), журнал «Literature and theology», 1996 год, упоминает эвокацию Блица, служащую переходом к видению возрождения или обновления [Brown, 1996, с. 351–360]. Эвокация также упоминается в ряде статей, совмещающих литературоведческие и лингвистические исследования произведений на английском языке, где под эвокацией подразумевается обращение при помощи литературных образов к образам, сформированным в памяти читателя и ассоциирующимся с названными героями, пейзажами и т.д. Э.С. Фелл в ста-

тье «Life after Léa: War and Trauma in Colette's *La Fin de Chéri*» («Жизнь после Леа: война и травма в романе Коллет «Конец Шери»), журнал «French studies», 2005 год, рассуждает о творчестве Коллет и рассматривает аспект эвокации состояния высших слоев послевоенного французского общества [Fell, 2008, с. 495–507]. Эвокация в данном случае снова становится явлением, близким к аллюзии и вызыванию в памяти не только образов, но целой эпохи, а также с помощью эвокации создает текстовое пространство и определяется временная точка в сюжете.

Эвокация встречается также в теологических и исторических исследованиях, рассматривается в качестве термина, обозначающего процесс обращения к определенной эпохе в религиозных текстах, а также к определенному состоянию общества, или как попытка описать чувства и ощущения, испытываемые людьми в значимые, трагические события. Э. Энжел в статье «Inquiring into an Inclusio – On Judgement and Love in Matthew» («Погружение в Inclusio – кара и любовь у Матфея»), журнал «The Journal of theological studies», 2014 год, упоминает об эвокации также как о воспоминании, но неточном [Angel, 2009, с. 527–530]. С. Джиджиотти в сборнике «Holocaust and Genocide studies» в статье «Cattle Car Complexes: A Correspondence with Historical Captivity and Post-Holocaust Witnesses» («Автомобили для перевозки скота: историческая переписка с пленниками и свидетелями Холокоста»), исследующей воспоминания узников Холокоста, говорит об эвокации в качестве травматических воспоминаний о пережитой трагедии [Gigliotti, 2006, с. 256–277].

Таким образом, эвокация в большинстве случаев используется в качестве понятия, обозначающего мыслительный процесс, связанный с воспоминанием о каких-либо событиях. Подобным подходом к определению понятия отличаются литературоведческие, филологические, исторические и прочие гуманитарные направления. Дизайнерский и естественнонаучный подходы развивают понимание эвокации как процесса, вызывающего визуальные образы и ассоциации, а также превращения одних свойств в другие. Философский подход рассматривает эвокацию ближе к пониманию древних римлян, в качестве обращения к мировоззренческим доминантам других людей и отмечает ее трансцендентальный характер, а юридическая трактовка относит исследователей к историческим эпохам права и означает нечто совершенно отличное от предыдущих определений.

Современное развитие эвокации в российской лингвистике тесно связано с именем А.А. Чувакина. Впервые термин «эвокация» в лингвистическом аспекте был разработан им в 1995 году и обозначал один из уровней коммуникативной деятельности говорящего и слушающего

по реализации репрезентативной функции языка через текст в коммуникативных ситуациях. Эвокация является базовым процессом по обеспечению преобразовательного отношения текста к действительности и другим текстам (А.А. Чувакин, С.И. Везнер, Т.Н. Василенко, Ю.В. Ожмегова, Е.А. Савочкина, О.А. Сим и другие ученые, чьи труды находятся в русле лингвоэвокационного направления, развиваемого в Алтайском государственном университете). Эвокационная или эвокативная коммуникативная деятельность по Чувакину включает предметные и процессуальный компоненты: объект, средство, продукт и процесс эвокации. В качестве объекта эвокации могут выступать объекты действительности, любой – коммуникативной, текстовой, семиотической, мыслительной.

В процессе эвокации объект действительности переносится в текст и интерпретируется с помощью языковых средств, используемых в данном случае в качестве эвокационных. По представлениям авторов и разработчиков теории эвокации функционирование эвокационных средств в тексте базируется на центральных оппозициях: представление действительности осуществляется через выбранные автором для категоризации и интерпретации эвокационные средства. Результатом эвокационного процесса является продукт эвокации, категоризованный и интерпретированный с помощью выбранных автором средств, с позиции повествователя или с позиции героя повествования в художественном дискурсе и с позиции нейтрального повествования – в институциональном дискурсе. Когерентным продуктом эвокации согласно данной позиции является текст в виде составляющего компонента совокупности текстов или частичная эвокационная составляющая отдельного текста – коммуникативный блок в эвокационном аспекте. Эвокационный компонент охватывает несколько временных аспектов: прошлое – процесс эвокации, настоящее и будущее – процесс преобразования в тексте и коммуникации.

А.А. Чувакин отмечает связь взаимодействия непроецессуальных компонентов с реализацией коммуникатором своих интенций и два принципа, лежащих в основе взаимодействия – адекватности и активности. Принцип эвокации в данном аспекте предполагает позицию Карла Бюлера, заключающуюся в следующем: благодаря пластичной структуре языка принцип адекватности воспроизведения явлений действительности в текстовой реальности предполагает не простое подражание, бездумно копируемое воспроизведение, «вид материальной верности» по Бюлеру, но реляционную верность воспроизведения. Принцип адекватности предполагает соответствие дискурса по макропропозициям или по ключевым параметрам текста, принцип активно-

сти реализуется в активности использования стандартных для данного дискурса, текстуального стиля или жанра языковых эвокационных средств, дискурсивных и текстовых концептов непосредственно относящихся к теме и реме сообщения, активность реципиента воплощается в активности его концептуальной системы при восприятии текста и участии в коммуникативном разворачивании дискурса. Процесс эвокации завершается в продукте, передавая ему все необходимые эвокационные признаки для передачи объекта в тексте. Динамика текста и эвокативное взаимодействие коммуникаторов в дискурсе обеспечивают псевдобытие действительности в продукте эвокации [Чувакин, 1995; 1996].

Таким образом, термин «эвокация» используется в различных отраслях научных знаний, обозначает схожие понятия, полностью или частично соответствующие его этимологическому значению. Наиболее разработанный вариант представлен в лингвистической науке эвокационной теорией, предложенной рядом ученых – А.А. Чувакиным, Ю.В. Ожмеговой, О.А. Сим, С.И. Везнером и др. Эвокация видится частью коммуникативного процесса, отвечающей за репрезентацию объектов действительности в текстовой и дискурсивной реальности. Процесс эвокации имеет сложную, многокомпонентную структуру и завершается в продукте эвокации, в одном из эвокативных текстов, или коммуникативных блоков, в рамках одного дискурса.

Литература

- Василенко Т.Н. Новые возможности лингвоэвокационных исследований // Сибирский филологический журнал. 2007. № 3.
- Везнер С.И. Объект эвокации в тексте брачного объявления // Аспирантский сборник НГПУ-2005 (по материалам научных исследований аспирантов, соискателей, докторантов): В 3-х ч. Новосибирск, 2005. Ч. 2.
- Везнер С.И. Взаимодействие коммуникативной деятельности и деятельности по воспитанию как реализация принципа когнитивности коммуникации (на материале брачных объявлений) // Сибирский педагогический журнал. 2007. № 5.
- Чувакин А.А. Смешанная коммуникация в художественном тексте: Основы эвокационного исследования. Барнаул, 1995.
- Чувакин А.А. Основы эвокационной теории художественной речи: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Барнаул, 1996.
- Angel A. Inquiring into an Inclusio – On Judgement and Love in Matthew // The Journal of theological studies. 2009. № 60.
- Brayton D. Sounding the Deep: Shakespeare and the Sea Revisited // Forum for modern language studies. 2010. № 46.
- Brown D. Hd's trilogy: modern gnosticism? // Literature and Theology. 1996. № 10.
- Fell A.S. Life after Léa: War and Trauma in Colette's La Fin de Chéri // French Studies. 2005. № 59.

- Gigliotti S. «Cattle Car Complexes: A Correspondence with Historical Captivity and Post-Holocaust Witnesses // Holocaust and Genocide Studies. 2006. № 20.
- Gloor P. Experiential phenomena of temporal lobe epilepsy: facts and hypotheses // Brain. 1990. № 113.
- González M.A.M. Protection of geographical indications against translation, generic use, evocation, and other potential enemies // Journal of Intellectual Property Law&Practice. 2012. № 7.
- Goodden A. Painting for the Eye and Painting for the Mind: Correspondences of the Arts in Eighteenth-Century France // Oxford art journal. 1984. № 7.
- Hall B.K. Waddington's Legacy in Development and Evolution // Intergrative and comparative biology. 1992. № 32.
- Jacqmar A., Kettmann R., Pryke J.A., Thiry M, Sachs R.M. Ribosomal RNA Genes and Floral Evocation in Sinapis // Annals of botany. 1981. № 47.
- Lawless H.T., Stevens D.A., Chapman K.W., Kurtz A. Metallic Taste from Electrical and Chemical Stimulation // Chemical senses. 1996. № 21.
- Massey D. Imagining the Infinite in Carl Ruggles's 'Evocations' // Musik&Letters. 2011. № 92.
- McAlister M. What is Your Heart For? Affect and Internationalism in the Evangelical Public Sphere // American literary history. 2008. № 20.
- O'Beirne, Emer. Dying for Silence: Language and its Absence in the Late Work of Nathalie Sarraute and Samuel Beckett // Forum for modern language studies. 2005. № 41.
- Parker D. Sovereignty, absolutism and the function of the law in seventeenth-century france // Past&Present. 1989. № 122.
- Poole S.E. «Souvenirs, souvenirs»: The Role of Memory in the Work of Annie Saumont // Forum for modern language studies. 2012. № 48.
- Robert G.R. Courtly contexts for Moravian Hanák music in the 17th and 18th centuries // Early Music. 2012. № 40.
- Sergent J., Ponce M. From covert to overt recognition of faces in a prosopagnosic patient // Brain. August 1990. № 113.
- Walton E.F., Fowke P.J., Weis K., McLeay P.L. Shoot Axillary Bud Morphogenesis in Kiwifruit (*Actinidia deliciosa*) // Annals of botany. 1997. № 80.
- Warnier J.-P. Material Memories: Design and Evocation // Journal of design history. 2000.
- Williams J.A.V. The «Second Evocation» in the Manichaeic System of Cosmogony. [Электронный ресурс]. URL: <http://journals.cambridge.org/action/displayAbstract?fromPage=online&aid=5702744&fulltextType=RA&fileId=S0035869X001150671>

Словари и энциклопедии

- Dictionnaire de l'Academie Francaise. [Электронный ресурс]. URL: http://fr.academic.ru/dic.nsf/daf_1935/11910
- Encyclopedia Britannica. [Электронный ресурс]. URL: <http://global.britannica.com/EBchecked/topic/129024/communication/21935/Adaptability-of-language>
- What does evocation mean? Definition, meaning and pronunciation. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.audioenglish.org/dictionary/evocation.htm>
- Definition of evoke in Oxford dictionary. [Электронный ресурс]. URL: http://www.oxforddictionaries.com/definition/english/evoke?q=evocation#evoke__12

ОТРАЖЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА В АНТРОПОЦЕНТРИЧЕСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМАХ ЛАКСКОГО ЯЗЫКА

М.В. Мишаева, М.Ш. Гасанова

Ключевые слова: национальный характер, фразеологические единицы, лакский язык.

Keywords: national character, idioms, the Lak language.

На протяжении многих десятилетий проблема соотношения языка и культуры является объектом многочисленных исследований. До настоящего времени остается дискуссионным вопрос о взаимосвязи языка, национального характера и менталитета народа. Язык выражает специфические черты национальной ментальности и является одновременно продуктом культуры, ее составной частью и условием существования культуры. Более того, язык – специфический способ существования культуры, фактор формирования культурных кодов [Леви-Строс, 1994, с. 196]. Отношения между языком и культурой рассматриваются как отношения части и целого. Язык, с одной стороны, выступает как компонент культуры, с другой стороны культура живет и развивается в «языковой оболочке». Согласно современным концепциям, каждый носитель языка является носителем культуры.

Язык – система вербализации образов сознания человека, форма национальной социальной памяти. Как отмечают исследователи, из образов сознания строятся национально-культурные структуры сознания. Языковые знаки приобретают способность выполнять функцию знаков культуры и выражают основные установки культуры. Язык, являясь неотъемлемой частью культуры в самом широком смысле слова, обычно противопоставляется остальной, более узкой, внеязыковой части культуры. Делается это в силу особой объемности языка, его специфичности и непосредственной связи с мышлением [Арутюнов, 1989, с. 7]. Именно поэтому язык способен отображать культурно-национальную ментальность его носителей. Взаимоотношения языка и культуры превращаются в соотношение: язык – нация – культура. По мнению Э. Сепира «язык не существует вне культуры, то есть вне социально-унаследованной совокупности практических навыков и идей, характеризующих наш образ жизни» [Сепир, 1993, с. 193]. Б. Уорф, развивая идеи Э. Сепира, пишет о влиянии языка «на различные виды деятельности людей не столько в особых случаях употребления языка,

сколько в его постоянно действующих общих законах и в повседневной оценке им тех или иных явлений» [Уорф, 1960, с. 135].

Язык служит необходимым условием этнической общности, обеспечивает национальное единство культурных традиций. Этническое самосознание основывается, прежде всего, на родном языке. У каждого народа существуют неповторимые ассоциации образного мышления, обусловленные особым семантическим наполнением каждого слова – культурными смыслами. Они закрепляются в языковой системе и составляют ее национальную специфику. Каждый язык по-своему членит мир, то есть имеет свой способ его концептуализации. Сторонники идей Э. Сепира и Б. Уорфа убеждены, что особенности языка формируют в сознании его носителей определенную языковую картину мира, сквозь призму которой человек видит мир, и языковая личность обязана организовывать содержание высказывания в соответствии с этой картиной. Интерес к языковой картине мира обнаруживается еще в работах В. Гумбольдта, он отмечал, что «различные языки являются для нации органами их оригинального мышления и восприятия». Национальная языковая картина мира формируется под влиянием эмпирических знаний о действительности, общих для пользователей определенного естественного языка [Воркачев, 2001, с. 64–72]. Языковая картина мира формирует тип отношения человека к миру (природе, животным, самому себе как элементу мира). Она задает нормы поведения человека в мире, определяет его отношение к миру. Каждый естественный язык отражает определенный способ восприятия и организации («концептуализации») мира. Выражаемые в нем значения складываются в некую единую систему взглядов, своего рода коллективную философию, которая навязывается в качестве обязательной всем носителям языка [Маслова, 2001, с. 65].

Каждый конкретный язык представляет собой самобытную систему, которая накладывает свой отпечаток на сознание его носителей и формирует их картину мира. В национальном языке отражены выработанные данным социумом нормы и предписания. Этническое самосознание определяет «стереотип поведения», национальный характер, то, что объединяет всех представителей данного этноса, нации. Под национальным характером нами, вслед за Н.М. Фирсовой, понимается своеобразие национальных психологических черт, менталитета (в частности, концептуального видения картины мира, ценностных ориентаций), национальных традиций и обычаев, сформированных под влиянием климатических и географических факторов, особенностей исторического развития, религиозных верований данной нации, прояв-

ляющихся в специфике ее национальной культуры, в языке и коммуникативном поведении народа [Фирсова, 2004, с. 51].

Этнографическому исследованию народов Кавказа посвящены труды выдающегося лингвиста П.К. Услара. Для П.К. Услара под именем казикумухов или лакцев выступали классические леги [Услар, 1890, с. 2]. Он же обратил внимание на близость этого термина к имени Лекоса, мифического прародителя всех Дагестанских народов по грузинской летописи. Дагестан является одним из самых уникальных регионов с точки зрения этнокультурного многообразия проживающего здесь населения, на протяжении тысячелетий здесь формировались и развивались в непрерывном историко-культурном взаимодействии десятки народов, перемешались не только разные этнические культуры, здесь пересекается культура, близкая ближневосточной и переднеазиатской, с культурой западной [Народы Дагестана, 2002; с.10-12]. Особенность социально-культурной организации дагестанских этнических групп в том, что они поддерживали сознание своей самобытности, укрепляли и воспроизводили ее в каждом следующем поколении этноса, то есть сохраняли самостоятельность этноса и, следовательно, этническую пестроту Страны гор.

В изучении национального самосознания лакцев наиболее интересным оказалось исследование фразеологической картины мира. Фразеологическая картина мира – это некое образное представление носителя языка о действительности, выраженное в устойчивых оборотах. Именно фразеологический субуровень языка воспроизводит «характерологические черты народного менталитета» [Телия, 1996, с. 237]. Возникновение фразеологических образов не может происходить вне культурных, геополитических и исторических процессов, происходящих в социуме. Фразеологические единицы, обладая образной мотивированностью, ярко отражают национальную картину мира, культурные установки народа и содержат информацию, наполненную дополнительными ассоциативно-эмоциональными элементами. В основу нашего исследования легли фразеологические единицы, характеризующие человека. При этом антропоцентрические фразеологизмы исследуются нами с учетом аксиологического аспекта, который предполагает определение того, что человек считает ценным для себя, окружающих его людей и общества. Материалом выборки послужили устное народное творчество и обиходная речь лакцев. Опираясь на классификацию В.А. Никитина [Никитин, 1982], мы распределили антропоцентрические фразеологизмы на 12 групп с последующим делением на положительную или отрицательную эмоциональную оценку наличия/отсутствия определенного качества.

1. В первую группу вошли фразеологические единицы, определяющие **волевой контроль** как черту характера. Наиболее часто встречающимся компонентом фразеологизмов с положительной окраской явилось слово *огонь*: *цларал къавтл хъусса 'в огненный костер превратившийся'*, *цларк лавххума 'огонь одевший'*, *цларавун увтун пякъ къаучинсса 'в огонь кинешь, не лопнет'*, *цларавух ххуллу ласайсса 'в огне дорогу проложит'*, *цлу дуну цланнах къаацлайсса 'имея огонь, в темноте не остается'*. Как известно, еще до начала 20 века у лакцев сохранялись пережитки культа огня. Кроме того, продуктивна и лингвокультурема с образом животного *волк*, который своими повадками напоминает отважного, смелого горца: *барцц укунасса жагыл 'волкоподобный юноша'*, *бурццил кунма кушу бай 'волчья хватка'*, иронич. *магъ лачлурчан барцц бур 'приклеишь хвост – подобен волку станет'*, *бурццил къаццлива цлу дуккан тлссар 'из волчьей пасти огонь вытащит (достанет)'*. Беспощадно клеймят людей нерешительных и трусливых фразеологизмы: *царссанил хъаралун лявкхусса 'спрятавшийся под крыло жены'*, *цлуши магъ 'веник-хвост'*, иронич. *ажари жалту, аьнакли къекъу 'петух неухожен, курица нарядна'* - о несчастном подкаблучнике. Говоря о фразеологизмах лакского языка, хочется отметить такое явления как звукопись, когда эмоциональное воздействие достигается, в том числе, и за счет повтора определенных звуков, например: *къаццл цлу дургъусса жагыл; цлугу, цлупаргу хъусса жагыл; ажари жалту, аьнакли къекъу; аьрцарайгу цюлссисса, цамарайгу урссисса инсан (о баракатном, то есть благодатном человеке)*.

2. Многочисленная группа фразеологизмов колоритно репрезентирует **альтруизм** как систему характера человека. В общественной жизни горцев важное место занимал обычай взаимопомощи '*марша*', '*кумаг*'. Чувство необходимости помочь соседу, односельчанину, вообще нуждающемуся было неотъемлемой чертой сельского жителя, его духовной потребностью, одной из основ бытия в обществе. Коллектив, связанный общностью интересов, хозяйственной жизнью, еще больше спланивался на основе традиционно сохранившихся тактичных форм участия в личной жизни друг друга, руководствуясь при этом только моральными побуждениями: *ка авадансса 'рука богатая (дающая)'*, *тлртл кару 'открытые руки'*, *инсанишврл увчхусса 'человечностью наполненный'*, *барачатрал урццл 'милости скатерть'*, *гъели накллл клицл хъусса инсан 'парного молока пилалой ставший человек'*, *экина-нссисса царашуву цин къакъакъайссар 'из текущего родника вода не иссякает'*, *лув бивт зунтту 'вниз повернутая гора (вниз вершиной)'*. Горец, безразличный к чужим заботам, приобретал нелестное общественное мнение *агъулл зума увцлссисса 'ядом до краев наполненный'*.

Это, естественно, сказывалось на поведении сельского жителя, и его участие в чужой радости и беде, в торжествах и на работе было традиционной характерной чертой.

3. Колоритна идиоматическая интерпретация **непроизвольной неинтенсивности возбуждения** как черты характера личности. Например: *бивтсса ккулла куна* 'как выстреленная пуля', *цларал къавтли* 'огненный костер', *буран, тлюпан* 'вихрь, ураган'. Небезынтересен тот факт, что ряд фразеологизмов напрямую указывает на превосходство внутренних качеств человека над внешними физическими данными: *чливинугу члан куртлсса* 'хоть мал – дно глубоко', *лавайсаксса ялавайгу уссар* 'сколько в высоту, столько и в глубину', *члирсса риклирал хъунмасса мурхъ бутайссар* 'маленький топорик большое дерево срубают'. Символом такого маленького, но деятельного человека, символом трудолюбия является муравей: *битликъукъл зунтту ттириклайссар* 'муравей гору разбирает'. Отрицательно характеризуют человека фразеологизмы: *бюхъу бакъу* 'безрукий (пассивный, бездарный)', *татан бивхъу урша* 'сосуд для прокисания', *кливоа битту* 'двукратно ошпыиваемый'.

4. Оценка **контроля над действиями**, поступками со стороны разума как черта характера представлена в лакском языке фразеологизмами с компонентом 'голова'. Примерами могут служить: *бакл бусса инсан* 'голову имеющий человек', *чала баклрал заллу цувари* 'своей головы хозяин сам', *иширал бакл* 'деловая голова', *баклцараци* 'головной родник', *аьнаклл бакл* 'куриная голова (легкомысленный)', *баклраву нахъ дусса* 'в голове мякину имеющий (бестолковый)', *бакл баххана хъусса* 'умалишенный', *баклрал сагъ акъасса* 'головой нездоровый (психически больной)', *бакл дакъа аьрал* 'безголовая армия'. Положительно характеризуют личность идиомы: *арцул ненттабакл* 'серебряный лоб', *ненттабакл тливтлусса инсан* 'с открытым лбом (приветливый)', *аькълулл кълла хъусса* 'кладезь ума', *ттуришила кълл бувну къуцу тлима* 'сто раз узнав (проверив), двинется' и калька с русского *арилла дуца*, *цал къуква* 'семь раз измерь, один отрежь', *кару мусилсса усттар* 'с золотыми руками мастер', *аькълукар* 'мудрец'. Отрицательную оценку дают пословицы: *ненттабакл майрайх лавхсса* 'лоб на нос надетый (хмурый)', *кливоа къатта букул тарбия дакъассар* 'в двух домах питающийся воспитания не имеет', *хлхчалт гьарза хьурчан, тта чанур шайссар* 'когда чабанов становится много, овца подыхает'.

5. Воспитание культуры человеческого общения было важнейшей социальной проблемой, составляющей более общую проблему совершенствования образа жизни. Укреплению единства общины способствовал обычай взаимопомощи, он обеспечивал совместное

времяпровождение. На помощь в свободное, обычно вечернее время собирались молодые женщины и девушки. Общение позволяло скоротать время и обменяться новостями, это воспринималось обществом как общественное воспитание, обучение этикету. *Инсаннал махь – аькъдуллу дуцинни ‘человеческое слово – мера его ума’* утверждает пословица, поэтому фразеологические единицы о **коммуникативных способностях** человека дают достаточно точное описание человека. *Апатран пал куна ‘слово - знак к несчастью’* напоминают тому, кто накликает беду, *оьсса мазрал къацл ччуччайссар ‘злой язык рот сжигает’* предупреждает народная мудрость. Численное преимущество в данной группе имеют фразеологизмы с негативной оценкой, реализуется общеизвестный факт: все негативное в языке фиксируется подробнее, тщательнее, разнообразнее. Фразеологические единицы с негативной оценкой: *маз къуркъасса ‘тупой язык (плохо владеющий языком)’*, *аьгъу къацл, нацлу маз ‘жирный рот, сладкий язык’*, *накллил мазрай гьалгъа тлий ‘молочным языком говорящий’*, *къацл оьсса инсан ‘человек с грязным ртом’*, *мурччал ппай тлий, ккарччал къацл тлий ‘губами целует, зубами кусает’*. Фразеологизмы о болтливости, склонности к чрезмерной говорливости, пустословию: *члатла маз ‘лопата-язык’*, *мукъурттил аьрава къатл дан ‘слов телегу высыпать’*, *аврия рязийсса, инил ттупанг ‘толокняное ружье’*. Некоторые из фразеологических единиц этой группы отражают моральные качества, доминирующие черты личности. Например, фразеологизмы *маз идавсил бунугу, тлулумур шатлул дури ‘хоть язык как у пророка, повадки змеиные’*, *кликъартта маз ‘раздвоенный язык’*. В этих фразеологических единицах находит отражение отношение к змее, как к существу почти беззвучному, но крайне опасному. Фразеологизмы однозначно указывают на фальшь, лицемерие, неискренность. Вежливый только на словах человек может услышать *вил къацл ницлал, ххутли бурчлал, маз шатлул бур ‘у тебя медовые уста, кабаний клык, змеиный язык’*. *Зумув клисса ливкьлуну махь буккан буллау ур ‘засовывает палец в рот и вытаскивает слово’* говорят в народе о человеке, который всеми способами стремится выведать нужную ему информацию. Примером положительной оценки является высказывания: *ццац къутлайсса бунугу, тлутлул къанкь нахлуссари ‘хоть шиповник и колюч, аромат цветов приятен (сладок)’*.

6. Область чувств характеризуется разнообразием эмоциональных состояний и переживаний. Если удастся понять другого человека говорят *даклия цин хлачлан ‘выпить воды из души’*. Лингвокультуры фразеологизмов, номинирующих свойства личности строятся на

символах *сердца/души*: *аьчухсса дакI дусса инсан* 'с открытой душой человек', *дакI тIиртIусса* 'с открытой душой', *дакIгу, мазгу тIай-ласса* 'и душа и язык чисты', *дакI гьаргьусса* 'со сломанной душой (убитый горем, павший духом)', *кьюкI дакьу* 'бессердечный', *кьюкI дакI* 'глухое сердце (душа)', *чапурсса дакI* 'подлое сердце', *чарил дакI* 'каменное сердце', *чапурчув* 'с гнилой душой', *маз ницIал, дакI агьулл* 'язык медовый, душа ядовитая'. Общество было заинтересовано в формировании у молодого человека нравственных установок. Благородство, честь, щедрость, прямота имеют наибольшее значение в системе ценностей народа: *кIива бакьу* 'не двойственный (не двурушник)', *багьа бакьасса инсан* 'неоценимый человек', *аслансса* 'благородный', *духIиндарал увчусса* 'умный, самостоятельный', *уздансса* 'щедрый', *за бувчусса* 'имеющий понятие, образование', *яхIбакьу* 'бессовестный', *асбакьу* 'бесстыдный', *учIиакьу* 'негодяй', *цIими бакьу* 'милосердия не имеющий', *иттав цин дакьасса* 'не имеющий воды в глазах (безжалостный)'. Описание **самооценочной черты характера** находит отражение в ярких фразеологизмах: *жулама, цIу бувкьума* 'в меру подсоленный', *барзу левхнин, аьнакIи кьалеххайссар* 'туда, где орел летает, курица не долетает', *яхIларал кьатта ччувчуну* 'ради чести дом сгорел'. Негативную окраску имеют фразеологизмы: *куртI акьасса* 'не глубокий', *мальоьн чил чакмарду ларххун ур* 'пройдоха в чужих сапогах ходит', *сситтIул кьачIа* 'желчи бурдюк'.

7. Носители лакского языка часто прибегают к символам связанным с окружающим миром, животными. В основе зоонимов-символов лежит образ человека, ведущего себя определенным образом, имеющего определенные **доминирующие черты характера**. Данные лингвокультуемы представляют собой культурно-информационный фонд языка, абсолютно понятный носителям этого языка. Компоненты-зоонимы зачастую становятся словами-символами: *кьаз 'гусь'* - лингвокультурема с образом домашней птицы, своими повадками напоминающая чванливых зазнаек; *аслансса инсан 'как лев человек'* - лингвокультурема номинирует такое свойство личности, как благородство. Фразеологизмы, которые включают в себя компонент – название животного, наиболее точно передают культурный код народа.; *байкьусса кьурукь куна* 'как заблудившийся журавль' об одиноком человеке; *чакьал 'шакал', вахIиши ккаччи* 'дикая собака' - лингвокультуремы с семантикой необузданности, безрассудства, дикости и жестокости; *ккаччил лякьа* 'собачий живот', *ккаччил нацI* 'собачья вошь' несут семантику ненасытности, неразборчивости в еде; о трусе говорят: *бюрххул гьутрурду* 'заячьи легкие';

щинавун багъ клулу 'мышь, упавшая в воду'- безалаберная личность. Положительную характеристику личности дают высказывания хьинсса чан мархъ клутлу баву гьассар 'для хорошего коня взмах кнута достаточно', хьинсса чан мархъ аьркин бакъассар 'хорошему коню кнут не нужен'. Здесь обуздания человеком своих чувств находит образное сравнение с обузданием лошади, см.: адиминан ца махъ, чан ца мархъ гьассар 'мужчине достаточно одного слова, коню - одного удара плетью'.

8. *Ас-намусрай къуццу тлун 'жить согласно морали'* – настойчивое требование общества. Сохранность нравственных норм у горцев обеспечивалась общественным мнением. Оно выступало принудительной силой для обеспечения соблюдения этикета, моральных норм и норм обычного права и регламентировало поведение индивидуума. **Моральные качества личности** имеют большое значение для любого этноса. Лакские пословицы имеют образы-сравнения, схожие с ассоциациями других народов, например: *балчан ккакки – тья ласи, баба ккакки – душ буца 'посмотрев на кобылу – купи жеребенка, посмотрев на мать – выбери невесту'*, ср. нем. *Wie der Vater so der Sohn, wie die Mutter, so die Tochter* 'каков отец, таков и сын, какая мать, такая и дочь'; *бавккусса муьхъхьирая тлайласса ххют къади-зайссар 'от кривого дерева не вырастает прямая тень'*, ср. русское *яблоко от яблони не далеко падает; аьаь ттуккул ттяй хлуклу 'у скверной ослицы миловидный осленок (о восхвалении недостойного похвалы)'*. Несмотря на универсальность образов, их проявление обусловлено конкретной культурой, так фразеологизм *идавсил Патимат кунма 'как Патимат (дочь пророка) безгрешная'* раскрывает религиозность духовной культуры народа. В основе лингвокультуры, репрезентирующей *бесстыдство*, лежит лексема *собака*: ччан ччувччу ккаччи 'собака с обожженными лапами'; о распутной женщине часто говорят *шырал ккаччи, шырал оьл 'бездомная собака, корова'*. Здесь находит отражение резко отрицательное отношение социума к такому поведению, общественное осуждение должно было удерживать индивидуума от нарушения норм морали и обеспечить реализацию понятия целомудрия.

9. **Выражение взглядов** как черта характера. В этой группе количественно преобладают фразеологические единицы с эмоциональным отрицательным отношением носителей языка к подхалимству, притворству и равнодушию, см.: *уттуллуьх гьарал гуржи дукку 'по курдюку жир мажущий'*, *панмалух инсан ихху 'ватой человека режущий (подлиза, у которого есть коварная цель)'*, *ина марххалагу лухлуссар тлий ура 'готов даже снег очернить'*, *щин нанинийх члатла*

дукку 'по текущей воде лопатой водит (плывающий по течению)', пя дунин члатла цу 'в замешанную глину (раствор) тычущий лопату', чу бакъа нех 'беззвучная река (тихая река, тихоня)'. В компонентном составе фразеологизма лажин лякью 'лицо находящий, меняющий (лицемер)' проявляется отношение к лицу человека, его мимике, как к выразителю эмоций. Данный фразеологизм описывает человека, который в разных ситуациях ведет себя по-разному, является «многоликим». Несмотря на бытующий стереотип о том, что лакцы народ хитрый, мы видим резко отрицательное отношение к притворству и двоедушию, ср. лажин кляласса 'белолицый человек (честный)', дугъансса лажин дакъа личлан 'остаться не меняя лица'. Хитрость лакцев выражается скорее в смекалке, умении выпутаться из трудной ситуации.

10. Фразеологические единицы, описывающие **эмоциональное отражение восприятия жизни** связаны с отражением мира в сознании человека. Положительную оценку дают фразеологизмы ляхъаврия рязисса 'созданием (рождением) довольный', аврия рязисса 'рождением довольный', иялну увсса 'рожденный полноценным', бахти буну ляхъусса 'родившийся со счастьем', хъинма 'добряк (добродушный)', бургъил нур 'луч солнца', интнин дурксса дуниял куна 'как мир дождавшийся весны'. Вероятно, на формирование данных фразеологизмов повлияло религиозное мировоззрение народа, когда в человеке воспитывают чувство благодарности Богу и родителям. Негативно характеризуют личность фразеологизмы дунияллийна ххавхсса 'обиженный на весь мир', дардисандалун увма 'для проблем (горя) рожденный', заннал рищун 'быть наказанным Богом', дарцу кыни куна 'пасмурный день', аьтлала 'плакса', аьтлий бутла ласу 'плача, долю получающий'.

11. Достаточно суровые климатические условия жизни, исторически обусловленная необходимость всегда быть готовым к встрече с врагом сформировали резко отрицательное отношение народа к излишне изнеженным, неприспособленным к жизни людям. В связи с этим в группе фразеологических единиц, описывающих **патологию** как черту характера, мы встречаем такие негативно окрашенные фразеологизмы как: дирессу лажин, дюрчу кару 'умытое лицо, гладкие (изнеженные) руки', арулла бабал хъехъи 'семи матерей неженка', бабан ххира 'мамин любимчик', бювцу бярч 'вылизанный теленок'. К заболеваниям относятся как к Божьей каре, так, например, о страдающих болезнью Дауна говорят Аллагънал рищума 'Богом обиженный', аллав бакI – о том, кто часто жалуется на головные боли. Положительные стороны личности описаны во фразеологизмах о стойкости: зунттул хъачI хъусса 'как скала', бувкумур, къабивклуссар 'съеденное, но не

умерло', об отличном здоровье и духе: *цлакъсса мархлуй загълунсса мурхъ ххяххайссар* 'на крепком корне здоровое дерево вырастает' и в пожелании *вил жан цулли дивуй!* 'чтоб твоя душа была здоровой!'

12. Нервно-психологическая возбудимость человека нашла отражение в группе, разнообразной по семантике входящих в нее фразеологизмов. Положительную оценку дают следующие фразеологические единицы: *Аллагънал хлайван* 'Божье создание', *цяйтлан бакъу* 'чертей не имеющий', *духлин дусса, дан – дитан клулсса* 'человек, который знает меру (интеллигент)', *дуниял дукайсса* 'умеющий ладить со всеми'. Негативную семантику несут фразеологизмы: *къув-аьс* 'гром и молния', *бургъилух ририцу гъарал* 'быстрый дождь при солнце (импульсивный, быстро остывающий к затее человек)', *яру иттисса* 'слишком чувствительный человек'; другая отрицательная сторона характера человека – упрямство и необузданность, на это указывает группа фразеологизмов, например: *дугъала дакъасса* 'выдержку не имеющий', *дюххала куна бузасса* 'очень рассеянный человек', *ттупангран маз къабувчайсар* 'ружье язык не понимает (несговорчивый, упрямый человек)', *жин бувхсса инсан* 'человек, в которого вселился джин (неменяемый)', *къурул къяца* 'как морковный козел (сумасброд)', *къатир куна тарсъсса* 'как мул упрямый', *вилцуннул хасият дусса* 'имеющий упрямство мула'.

Образ жизни народа, наиболее ярко обозначенные черты национального характера способствовали формированию эталонов, используемых в антропоцентрических фразеологических единицах. Значительное численное превосходство в лакском языке имеют фразеологизмы, описывающие волевой контроль. Они составили 19%. Сила и храбрость выделяет джигита: *нартсса чув 'нарт', ссаячлав нигъа къау-сисса виричу* 'ничего не боящийся молодец', *барц! буту* 'волкодав', *цинавун увтун оькъакъайсса* 'бросишь в воду, не утонет'. Гипертрофированное чувство собственного достоинства находит выражение на фразеологическом уровне, что подтверждает данные этнографических, социально-психологических и социологических исследований [Крысько, 2002, с. 162–169]. Для дагестанца сила воли – это обязательное свойство личности: *адамина хъун аьнт гъассар* 'чтоб стать мужчиной и вершка (рост) достаточно'. Альтруизм, коммуникативные способности и произвольная неинтенсивность возбуждения отражены в равном количестве фразеологических единиц, по 11% от общего количества фразеологизмов, подвергнутых анализу. Это говорит о большой самостоятельности, активности и инициативности членов социума, упорстве и настойчивости в достижении поставленных целей во всех видах деятельности: *захлмат талихлрал нинур* 'работа – мать сча-

стья'. Хорошие коммуникативные качества, самостоятельность, используются для неформального лидерства в коллективах. *Инсан ганал мукъуйну увчайссар* 'человека узнают по его словам' гласит лакская поговорка. Группа, описывающая способность контроля над действиями, составляет 10% от общего количества фразеологизмов. По свидетельству социологов и социальных психологов, представители дагестанских народов обладают хорошими организаторскими способностями. Самооценочные, доминирующие черты характера и моральные качества личности имеют, вероятно, равноценное значение для народа. Количество фразеологизмов этих групп равное (суммарно составляют 26%). Лакцы, как большинство кавказцев, обладают чертами преимущественно холерического и сангвинического типов темперамента, ярко выраженным стремлением к самовыражению и самопрезентации. Отношение к способу выражения взглядов, патологии и нервно-психологической возбудимости репрезентируются в лакском языке одинаковым количеством фразеологизмов (по 6%), меньшее количество фразеологизмов посвящено эмоциональному отражению восприятия жизни (4%). Лакцы обладают высокой степенью эмоциональности, в то же время отмечается впечатлительность и повышенная чувствительность к чужим поступкам и суждениям, склонность в штыки воспринимать любую критику.

Литература

- Арутюнов С.А. Народы и культуры. Развитие и взаимодействие. М., 1989.
 Воркачев С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки. 2001. № 1.
 Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. М., 1980.
 Крысько В. Этническая психология. М., 2002.
 Леви-Строс К. Первобытное мышление. М., 1994.
 Маслова В.А. Лингвокультурология. М., 2001.
 Народы Дагестана. М., 2002.
 Никитин В.А. Опыт компонентного анализа лексико-семантического поля имен прилагательных со значением «характер человека» // Лексико-фразеологические исследования русского языка. Фрунзе, 1982.
 Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М., 1993.
 Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М., 1996.
 Уорф Б. Отношение норм поведения и мышления к языку // Новое в лингвистике. М., 1960. Вып. 1.
 Услар П.К. Этнография Кавказа. Языкознание. IV. Лакский язык. Тифлис, 1890.
 Фирсова Н.М. О национальных характерах испаноязычных и англоязычных народов в сопоставительном плане // Филологические науки. 2004. № 2.

ЖАНРОВЫЕ СТИЛИ ФАТИКИ В PR-КОММУНИКАЦИИ¹

Н.А. Прокофьева

Ключевые слова: фатика, речевой жанр, PR-дискурс, жанровый стиль.

Keywords: phatics, speech genre, PR discourse, genre style.

Понятие жанрового стиля введено в науку М.М. Бахтиным и описано в работе «Проблема речевых жанров». Исследователь дает такое определение этому явлению: «По существу языковые или функциональные стили есть не что иное, как жанровые стили определенных сфер человеческой деятельности и общения. В каждой сфере бытуют и применяются свои жанры, отвечающие условиям данной сферы; этим жанрам и соответствуют определенные стили» [Бахтин, 1979, с. 241]. Не становится исключением динамично развивающийся в настоящее время медиадискурс, который принято делить на три самостоятельных направления: журналистику, PR и рекламу.

Приведенное выше определение позволяет нам сделать вывод, что каждое направление медиадискурса определяется набором типичных жанров. Жанровый стиль описывается такими характеристиками, как тематическое и композиционное единство высказывания, эмоционально оценивающая позиция говорящего, а также отношение говорящего к другим участникам речевой коммуникации [Бахтин, 1979, с. 242, 264]. Разработка этого направления изучения речи представляется очень актуальной, поскольку позволяет создавать системное, комплексное описание явления. Более того, введение понятия жанрового стиля в анализ позволяет обращаться к описанию разных направлений в рамках одного дискурса.

Изучение жанрового стиля предполагает обращение к таким сторонам текстовой деятельности, как «процессы целеполагания, выбор и использование принятых в данной культуре жанровых образцов (целого речевого произведения и его компонентов, основных и факультативных), осуществление сложноструктурированных познавательно-коммуникативных действий, реализацию иллюкутивного потенциала высказывания с учетом иерархии интенций» [Салимовский, 2002, с. 47]. Именно изучение интенциональности текста и определение доминирующей интенции в иерархии интенций позволяет выделять самостоятельные жанры и жанровые стили различных сфер общения.

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект №14-34-01028

На современном этапе развития науки считается, что жанровые стили объединяются на основе типовых целеустановок, которые «детерминируют особенности построения дискурса, его функциональную окраску, закономерности отбора и использования языковых средств» [Салимовский, 2002, с. 64]. В связи с этим можно говорить о жанровом стиле журналистики, PR, рекламы.

Каждое из этих направлений массмедиа отличается своей интенциональностью – комплексом типовых целеустановок. Например, для журналистики характерны следующие целеустановки: информирование, формирование социально значимых оценок, побуждение к действию [Дускаева 2004, с. 63–65].

PR-коммуникация преобразует этот комплекс интенций в связи со своей основной направленностью – созданием и/или изменением имиджа субъекта PR. Информирование в PR-коммуникации строго ограничено интересами субъекта PR и его аудитории, отбор сведений производится в соответствии с этими запросами. Оценочная деятельность направлена на формирование положительной оценки деятельности субъекта PR. Побуждение связано с продолжением сотрудничества.

Внутри PR-коммуникации можно выделить следующие жанровые группы: информирующие, убеждающие и фатические жанры PR [Стилистика и литературное редактирование, 2016]. Последние как раз и представляют жанровый стиль фатики в PR-коммуникации.

Понимание фатики как интенции сформулировано еще в трудах Т.Г. Винокур [Винокур, 1993а, с. 5–6; Винокур, 1993б, с. 135], это позволяет говорить о ней как экстралингвистическом факторе, предопределяющем выбор и сочетание в речи языковых средств. Тем более что в языке не существует особых языковых средств – лексем, грамматических форм или синтаксических конструкций, – которые позволили бы безошибочно выделить фатическую речь в потоке речи информирующей и наоборот.

Фатическая коммуникация (по В.В. Дементьеву, разновидность не прямой коммуникации) требует дополнительных интерпретативных усилий, это не собственно содержание высказывания, это восприятие несказанного – ауры общения (Л.Н. Мурзин). Она может осуществляться при помощи приемов языковой игры, включения в текст прецедентных феноменов, обращения к аллюзиям и реминисценциям, использования иностилевой лексики, которая создает необходимый контактоустанавливающий эффект, обращений, вокативов, личных местоимений и пр.

Такая разноплановость проявлений фатической коммуникации позволяет утверждать, что фатика формируется уже на стадии возникновения коммуникативного намерения и получает воплощение не в от-

дельных языковых средствах, а в способах организации текста, специфических в каждой сфере общения, – композиционно-стилистических формах (тональности и жанрах). Это связано с тем, что «реализация частных типовых целеустановок определяет типовое содержание актов речи и в связи с этим особенности отбора равноуровневых языковых средств» [Салимовский, 2002, с. 56]. Иными словами, фатика – доречевое явление, связанное с целеполаганием, которое и является основным фактором формирования жанра. Назовем и главную установку фатики: она заключается в том, чтобы создавать атмосферу взаимно приятного общения.

Изначально фатику понимают как контактоустановление и ограничивают сферу ее проявления разговорно-бытовым дискурсом и диалогической художественной речью [Винокур, 1993б; Дементьев, 1997; 2006; Формановская, 2002; 2006; Быковская, 2003]. Исследования последних лет позволяют сформировать более широкое представление о фатике [Гущина, 2006; Зайцева, 2013; Самойленко, 2010; Солдатова, 2010; Федотова, 2001; Черник, 2002] и фатической интенциональности и утверждать, что это вполне самостоятельное явление, отчасти противопоставленное информативности и существующее наравне с ней – в том числе и в массмедиа [Андреева, 2006; Дускаева, Корнилова, 2011; 2013; Ключев, 1996; Федосюк 2000; Чепкина, 2000; Чернышова, 2004, Чернышова, 2007].

В современных исследованиях фатика понимается как нечто большее, нежели просто вступление в контакт: это и проверка, и поддержание контакта в течение всей коммуникации. Соответственно, мы можем говорить о фатической интенциональности, которая представлена следующими частными целеустановками: вступление в контакт, налаживание контакта, поддержка контакта, проверка контакта, разрушение контакта, размыкание контакта с установкой на его продолжение. Такие целеустановки актуальны именно для медиадискурса в силу его специфики, в том числе и для PR-коммуникации.

Имея в виду классическое определение PR-коммуникации как деятельности, направленной на содействие «установлению взаимопонимания и доброжелательности между личностью, организацией и другими людьми, группами людей или обществом в целом посредством распространения разъяснительного материала, развития обмена информацией и оценки общественной реакции» [Чумиков, Бочаров, 2003], можно утверждать, что фатическая интенциональность востребована в PR-коммуникации и может быть основой формирования особого жанрового стиля.

Обращение к эмпирическому материалу позволяет выделить собственно фатические жанры PR-коммуникации, например поздравление, и такие жанры, в которых доминирующая информативная интенция облекается в фатическую форму, например приглашение, байлайнер, письмо.

Надо сказать, что фатические жанры резко выделяются на фоне других жанров PR. Если для подавляющего числа текстов, существующих в сфере PR, характерна сдержанность оценки, бессубъектность и безэмоциональность изложения, причем воздействие на адресата реализуется в основном через отбор фактов, то фатические жанры, напротив, ориентированы на личностное общение, имитацию субъект-субъектного речевого взаимодействия, установление и сохранение контакта с читателем, солидаризацию с ним. Доминирующим коммуникативным намерением является налаживание и сохранение речевой коммуникации между субъектом PR и целевой аудиторией.

Покажем это на примерах, обратившись к жанрам, составляющим жанровый стиль фатики в PR-коммуникации и объединяющим информативные и фатические интенции.

Байлайнер представляет собой обращение к внешней или внутренней общественности с целью создания или поддержания имиджа организации и призван в первую очередь устанавливать контакт с аудиторией, сокращать дистанцию между высшим руководящим составом и подчиненными или компанией в целом и внешней аудиторией, через косвенно выраженную оценку создавать положительный имидж компании, повышать авторитет управляющего.

Байлайнер, как правило, представлен в виде статьи-обращения, подписанного высшим должностным лицом фирмы. Необходимыми составляющими жанра являются: обращение к аудитории, формулировка информационного повода публикации, прощание-пожелание. Подчеркнуто личное обращение к аудитории подкрепляется такими компонентами, как фотография и факсимильная подпись должностного лица, от имени которого публикуется текст. Обратимся к примеру (источник: официальный сайт Спартакиады ОАО «Газпром» (<http://gazpromspartakiada.ru/index.php?id=1211>). Дата публикации: август 2013 года):

(1) Приветственное слово председателя правления ОАО «Газпром» А. Б. Миллера

(2) Уважаемые участники и гости X летней Спартакиады ОАО «Газпром»!

От имени Правления ОАО «Газпром» и от себя лично поздравляю вас с началом соревнований.

(3) Этим летом Казань принимала Всемирную летнюю Универсиаду. Теперь мы с вами станем свидетелями еще одного значимого события — Спартакиады ОАО «Газпром». Это будет настоящий праздник спорта. В соревнованиях примут участие почти 2,5 тысячи детей и взрослых.

Спорт воспитывает в человеке самые лучшие качества: целеустремленность, решительность, умение работать в команде. Эти качества помогают сотрудникам Газпрома добиваться побед не только на спортивной, но и на профессиональной арене. А у подрастающего поколения спортивные состязания развивают лидерские навыки, приверженность здоровому образу жизни.

Для Газпрома стало хорошей традицией принимать активное участие в поддержке и развитии массового спорта. За прошедшие шесть лет около тысячи спортивных объектов построено и реконструировано в рамках программы «Газпром — детям». Более 90 тысяч детей получили возможность ежедневно заниматься любимыми видами спорта.

Мы считаем важным продолжать эту работу и в будущем как на корпоративном, так и на общенациональном уровне.

(4) Желаю всем участникам X летней Спартакиады спортивного азарта, удачи и новых достижений, а зрителям — положительных эмоций и ярких впечатлений!

В представленном материале можно выделить следующие смысловые блоки: заголовок (1), отражающий жанровую характеристику текста; обращение к целевой аудитории (2), подчеркивающее личностную форму коммуникации; констатирующую часть (3), в которую входит номинация события, осмысление его в рамках ряда подобных, рассуждение-обоснование значимости события, перспективная характеристика с обещанием продолжения начинания; пожелание (4), которое выполняет функцию размыкания контакта и в то же время поощрения дальнейшего коммуникативного взаимодействия.

Выражением фатической интенциональности в этом тексте является имитация субъект-субъектной коммуникации. Этому способствует включение имени собственного руководителя компании и прямое обращение к общественности (установление контакта). Укрепление и поддержка контакта возможны благодаря личностности общения, что подчеркивается включением в текст личных местоимений первого лица (*мы*) и возвратного местоимения (*себя*), личных местоимений второго лица (*поздравляю вас*), формул солидаризации (*мы с вами*), глагольных форм первого лица (*поздравляю, желаю*), наречием с семантикой отнесенности действия к говорящему (*лично*). Представлены в тексте и восклицательные конструкции, подчеркивающие эмоциональность говоря-

щего: *Уважаемые участники и гости X Летней Спартакиады ОАО «Газпром»!* Это также рассчитано на укрепление контакта с читателем.

Привлекает внимание повод обращения: событие напрямую не связано с деятельностью организации, но оно способно найти отклик в умах общественности, поскольку это благое дело (организация спортивных соревнований), и тем самым повысить публицитный капитал компании. Прямой выгоды от организации этого спортивного события нет, основное коммуникативное намерение авторов публикации – формирование положительного имиджа компании и благоприятной коммуникации с потенциальным потребителем продукта.

В байлайнере так же, как и в других PR-жанрах, востребована оптимистическая тональность общения с аудиторией. Это находит воплощение в неизменной для PR-текстов мелиоративной оценке, а также гипертрофированном подчеркивании значимости субъекта PR в организации того или иного события. Эта установка реализуется, во-первых, в плане содержания – благодаря точке зрения, аспекту освещения события: оно не берется отдельно, а только во взаимосвязи с организацией; во-вторых, в плане выражения, речевом воплощении – благодаря словам с положительной оценочной коннотацией (*значимого, настоящий, хорошей, важным*), суперлативам (*самые лучшие*), а также словам, которые в языке не обладают стилистическим значением, но воспринимаются обществом как положительные по своему значению (*целеустремленность, решительность, лидерские навыки*).

Итак, основной задачей авторов байлайнера является привлечение внимания к фирме, установление контакта с читательской аудиторией, поддержка контакта за счет создания благоприятной обстановки общения и размыкание контакта с установкой на его продолжение в заключительном пожелании, которое является социальным поглаживанием в отношении целевой аудитории. Все это свидетельствует о значимости в тексте фатической интенциональности.

Письмо – жанр PR-текстов, отличающийся несистематичностью появления, публикация письма, как правило, обусловлена каким-то событием или возникновением проблемы, требующей обсуждения и разъяснения.

В письме как жанре профессиональной коммуникации сохраняются национальные эпистолярные традиции, очень важным остается соблюдение формул речевого этикета. В связи с этим значительная роль отводится фатической речи. Текст письма характеризуется подчеркнутой адресованностью, личностной ориентированностью общения. Внимание сосредоточено на участниках общения *я – вы, мы с вами*. Подчеркнутая вежливость, этикетность общения в письме выявляется еще больше, чем

в байланере. Возникает самостоятельная интенция солидаризации с читательской аудиторией через поиск общих интересов, объединяющих поведенческих мотивов. Обязательной составляющей письма являются комплиментарные смыслы.

Адресант письма – отдельная личность, обращающаяся к узкой, четко очерченной аудитории. Эта особенность подчеркивается употреблением местоимений первого лица единственного числа и соответствующих глагольных форм. Сам жанр письма, пришедший из сферы межличностной коммуникации, предполагает неформальную ситуацию общения. PR-текст ориентирован на эту особенность письма. В нем реализуется установка на разрушение привычной дистанции между адресатом и адресантом в массовой коммуникации, стремление к сближению, сокращению дистанции между ними.

Важной чертой этого жанра является этикетное обрамление текста: приветствие (очень часто письмо предваряется персональным обращением к конкретному человеку по имени), комплимент (социальное поглаживание), личная подпись.

Обратимся к анализу примера: письмо кандидата в мэры Москвы С. Собянина к избирателю:

(1) Здравствуйте, уважаемая Серафима Ивановна!

(2) В воскресенье, 8 сентября, пройдут выборы Мэра Москвы. В этот важный для нашего города момент я решил обратиться к Вам.

Москва – это город, которому Вы отдали свои силы, талант и душу. Низкий поклон Вам за это.

(3) Работая Мэром Москвы, я стараюсь сохранить все, что Вы создали, и продвигаться дальше по всем направлениям развития города, включая социальную сферу, транспорт и благоустройство. За последнее время нам удалось добиться определенных результатов, но я понимаю, что надо еще много работать, чтобы наш город стал удобным и комфортным, чтобы Вы чувствовали себя в Москве защищенными и уверенными в завтрашнем дне.

У меня есть четкое понимание и программа решения актуальных проблем столицы. Я привык держать свое слово. Я избираюсь Мэром, чтобы честно и добросовестно трудиться на благо всех жителей Москвы.

(4) Прошу Вас прийти 8 сентября на избирательный участок. Для меня очень важен Ваш голос и Ваша поддержка.

Я верю, что вместе у нас все получится.

Искренне Ваш Сергей Собянин.

Выделим композиционно-смысловые блоки текста: приветствие (1) – рамочный компонент письма; номинация события (2) – информацион-

ный повод, поясняющий причины обращения и содержащий как комплиментарную часть, обращенную к адресату письма; детализация информационного повода (3), подразумевающая взгляд на событие с точки зрения адресанта и через его причастность к событию; завершающая часть письма (4) выполняет интенцию размыкания контакта с установкой на продолжение взаимодействия.

Особенностью письма, как мы уже сказали, является персонализация общения, в связи с этим возникает необычная форма обращения к адресату – по имени и отчеству. Таким образом сокращается дистанция между автором и читателем, устанавливаются отношения, характерные скорее для межличностной, чем для массовой коммуникации. Это имитация межличностного общения, которая позволяет реализовать фатическую интенцию установления контакта.

Информационная интенция в PR-текстах не существует вне соотнесенности с фатической, и в данном случае можно даже говорить о преобладании последней. Изложение информационного повода сопровождается укреплением установившегося межличностного контакта через употребление большого количества личных местоимений первого и второго лица (*я, вам, мне*), а также притяжательных местоимений (*ваш, ваша*). Подчеркивание значимости личности адресата сообщения имеет целью налаживание и поддержание речевой коммуникации, для этого в текст письма включаются такие фатические речевые жанры, как комплимент (*Вы отдали свои силы, талант и душу*) и благодарность (*Низкий поклон Вам за это*). Небезынтересным является употребление вежливой формы второго лица множественного числа (*Вас*), подчеркивающего этикетность общения, изысканную вежливость обращения.

Далее перечислены факты, связанные с участием адресанта в предстоящем событии. В этом информационном блоке также актуальна фатическая интенция, выражающаяся в подчеркнутой персонализации и субъективности общения. С одной стороны, приводятся объективные сведения, факты, с другой – они подаются в интерпретации, через восприятие говорящего. В этом блоке как раз достигает высшего проявления оценочная интенция через отбор деталей, получающих положительную оценку в представлении адресата. Нет оценочных лексем, которые явно бы выражали мелиоративную оценку, однако можно наблюдать обращение к семантическим полям, которые в сознании носителя языка ассоциируются с положительной оценкой (*привык держать свое слово*). Автор письма обращается к тому, что уже сделано (*удалось добиться определенных результатов*), кратко характеризует настоящее (*старюсь сохранить, надо еще много работать*) и дает свое видение дальнейшей

перспективы (*есть четкое понимание и программа решения, избираюсь Мэром, чтобы честно и добросовестно трудиться на благо*).

Наконец, завершающая часть текста содержит два этикетных речевых жанра: просьбу и прощание. Просьба – элемент текста, воплощающий побудительную интенцию в тексте и служащий дополнительным обоснованием для обращения. Это более мягкий и вежливый способ формирования поведенческих установок, чем прямое указание. Просьба ставит адресата выше адресанта, что также служит укреплению контакта с читателем.

Прощание отличается ярко выраженной установкой на солидаризацию, подчеркивание совместности усилий автора и читателя, которые необходимы для общего благополучия (*вместе у нас все получится*). Подпись сопровождается традиционной формулой, характерной для писем в рамках бытовой коммуникации (*Искренне Ваш*), что также создает впечатление межличностного общения. Просьба в совокупности с прощанием выполняет фатическую интенцию размыкания контакта с установкой на продолжение общения.

Использование потенциала межличностной коммуникации в сфере PR дает возможность оказывать сильнейшее воздействие на целевую аудиторию послания. Композиционно сохраняются части, характерные для эпистолярного жанра: приветствие-обращение, основная часть с большей или меньшей степенью детализации и прощание, выражающее готовность адресанта к дальнейшему взаимодействию.

Приглашение – жанр оперативного новостного информирования о предстоящем событии, совмещающий в себе реализацию информативной и фатической интенции. Приглашение в первую очередь ориентировано на создание приятной атмосферы общения, коммуникационной среды внутри организации или фирмы, а также между организацией и внешней общественностью. Информация о событии является смысловым центром жанра, а фатическая целеустановка реализуется в форме организации текста.

Обязательными композиционно-смысловыми блоками в приглашении являются обращение к целевой аудитории, сообщение о месте и времени проведения мероприятия. Речевое оформление жанра зависит исключительно от фантазии составителей, а также от формата мероприятия. В зависимости от того, какое мероприятие организуется, к какой целевой аудитории обращается организатор, может быть выбрана та или иная форма, востребованы разные языковые средства, стиль речи.

Рассмотрим текст приглашения на вручение дипломов (Источник: <http://jf.spbu.ru/tema/211-8410.html>. Дата публикации: 20 июня 2014 года):

(1) Студенты выпускных курсов!

(2) Вручение дипломов выпускникам 2014 года состоится 2 июля.

Приходите, обнимемся!

(3) Регламент

11.30, холл – Сбор выпускников. Фотосессия...

14.00, Библиотека – Чествование выпускников, окончивших университет с отличием

15.00 – Окончание церемонии

В этом приглашении представлены такие композиционно-смысловые блоки, как обращение (1), номинация события, сопровождаемая этикетной формулой приглашения (2), расширенная констатирующая часть с сообщением о деталях события (3).

В приглашении целевая аудитория может сужаться до одного человека, тогда, как и в поздравлении и в письме, формула приветствия включает обращение к конкретному человеку по имени и отчеству. В приведенном примере приглашение подчеркнуто неофициально, поскольку направлено на установление контакта со студенческой аудиторией. Восклицательные конструкции рассчитаны на создание приподнятого настроения, они обеспечивают эмоциональность текста.

Этикетная формула приглашения *Приходите, обнимемся!* задает тональность общения – неформальную, дружескую, а также сокращает дистанцию между говорящим и его аудиторией. Поскольку такая интерпретация события является неожиданной в академической среде, она обладает значительным контактоустанавливающим потенциалом.

Информирующая часть текста содержит ответы на следующие вопросы: что должно произойти (приглашение – жанр с футуральной перспективой); когда должно произойти; каковы особенности предполагаемого события. Каждый ответ на гипотетический вопрос адресата оформлен отдельным абзацем для удобства восприятия.

Творческий подход к созданию приглашений всегда обращает на себя внимание целевой аудитории и, безусловно, работает на выполнение основной жанровой целеустановки – вступление в общение и обеспечение внимания к событию.

Подводя итоги, отметим, что фатическая речь органично вписывается в структуру PR-коммуникации в связи с самой спецификой этой сферы медиадискурса. Фатическая интенциональность, сосуществуя и взаимодействуя с информативной, соответствует основным целеустановкам PR, так что обращение к ней способствует более эффективному решению задач PR-общения.

Фатика в PR востребована как форма подачи информации: в отдельных жанрах профессиональной коммуникации, включении речевых

фатических жанров в структуру литературных жанров, в реализации частных интенций. Фатическая интенциональность направлена на создание благоприятной атмосферы общения, сокращение дистанции между адресатом и адресантом, имитацию субъект-субъектного общения, личностность и адресность коммуникации. Все это способствует реализации основной направленности PR – созданию и закреплению в сознании целевой аудитории положительного имиджа субъекта PR.

В условиях современного развития речевой практики общества именно перечисленные особенности фатической речи ценятся выше всего и являются действенным способом решения задач эффективного общения.

Литература

Андреева С.В. Речевые единицы устной русской речи: система, зоны употребления, функции. М., 2006.

Бахтин М.М. Проблема речевых жанров // Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1979.

Быковская С.А. Фатический аспект немецкой обиходной речи: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2003.

Винокур Т.Г. Информативная и фатическая речь как обнаружение разных коммуникативных намерений говорящего и слушающего // Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект. М., 1993а.

Винокур Т.Г. Говорящий и слушающий: Варианты речевого поведения. М., 1993б.

Гущина Л.В. Фатическая функция обращения в диалогической речи (на материале современного английского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2006.

Дементьев В.В. Изучение речевых жанров: обзор работ в современной русистике // Вопросы языкознания. 1997. № 1.

Дементьев В.В. Непрямая коммуникация. М., 2006.

Дускаева Л.Р. Диалогическая природа газетных речевых жанров. Пермь, 2004.

Дускаева Л.Р., Корнилова Н.А. Речевой эпатаж как форма контактоустановления в современной медийной речи // Мир лингвистики и коммуникации. 2013. № 1 (30).

Дускаева Л.Р., Корнилова Н.А. Фатика как речевая форма реализации развлекательной функции в медиатексте // Гуманитарный вектор. 2011. № 4.

Зайцева Е.В. Социокультурная обусловленность письменной фатической коммуникации (на примере текстов открыток в британской языковой культуре): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2012.

Клюев Е.В. Фатика как предмет дискуссии // Поэтика. Стилистика. Язык и культура. Памяти Татьяны Григорьевны Винокур. М., 1996.

Кривонос А. Д. PR-текст в системе публичных коммуникаций. С.-Пб, 2001.

Салимовский В. А. Жанры речи в функционально-стилистическом освещении (научный академический текст). Пермь, 2002.

Самойленко Л.В. Фатические средства в речи пользователей компьютерной сетью (на материале жанра чата): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Астрахань, 2010.

Солдатова О.С. Фатические эмотивы и стиль коммуникации: сопоставление английской и русской лингвокультуры: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2009.

Стилистика и литературное редактирование в 2-х тт. М., 2016.

- Федосюк М.Ю. Публичная фатическая речь // Речеведение: научно-методические тетради. 2000. № 2.
- Федотова В.Ю. Функционально-прагматическая характеристика фатических стратегий французского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пятигорск, 2004.
- Формановская Н.И. Культура общения и русский речевой этикет, М., 2002.
- Формановская Н.И. Русский речевой этикет: лингвистический и методический аспекты. М., 2006.
- Чепкина Э.В. Русский журналистский дискурс: Текстопорождающие практики и коды. Екатеринбург, 2000.
- Черник В.Б. Фатические речевые жанры в педагогическом дискурсе и тексте урока: дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2002.
- Чернышова Т.В. Тексты СМИ в ментально-языковом пространстве современной России. М., 2007.
- Чернышова Т.В. Фатическое общение как социальный символ коммуникации (на материале текстов печатных СМИ) // Известия Алтайского государственного университета. Сер. история, филология, философия и педагогика. 2004. № 4.
- Чумиков А.Н., Бочаров М.П. Связи с общественностью: теория и практика. М., 2003.

ОСЛЫШКА КАК ПРЕДМЕТ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Н.Н. Ефимова

Ключевые слова: ослышка, восприятие, ошибочные действия, предвосхищение, когниция, феноменология.

Keywords: mishearing, perception, wrong activity, anticipation, cognition, phenomenology.

Междисциплинарный вектор развития современной парадигмы гуманитарного знания открывает новые возможности изучения традиционно актуальных объектов. Проблематика ошибки как одной из универсальных констант сознания и познания вписывается в глобальную задачу поиска общих оснований различных подходов к пониманию человеческого мышления. Ослышка с точки зрения логики представляется деформацией смысла высказывания, ошибкой восприятия. Однако ее исследование предполагает рассмотрение не только формально-логических характеристик, но и механизмов синтеза смысловых связей, что становится возможным в рамках междисциплинарного подхода.

Традиционно различают ошибки восприятия, нередко недоказуемые и незамечаемые, и ошибки суждения, которые, с одной сторо-

ны, более заметны, ибо озвучены или описаны, а с другой стороны, могут быть интерпретированы множеством способов и оспорены либо реабилитированы. Феномен ошибки как этапа и/или результата восприятия является объектом интереса целого ряда наук – логики, философии, психологии, литературоведения, этнолингвистики, теории коммуникации, семиотики. Ошибки суждения – логические и математические ошибки, программные ошибки – поддаются проверке при сопоставлении с идеальной формулой, матрицей или схемой. Судебные и врачебные ошибки также могут быть проанализированы и доказаны. Теория ошибок как раздел математической статистики занимается погрешностями измерений и процессом построения выводов о значениях приближенно измеренных величин, поскольку погрешности измерений неизбежны. Ставшее афоризмом высказывание Сенеки *«Человеку свойственно ошибаться»* восходит к выражению Цицерона *«Каждому человеку свойственно ошибаться, но никому, кроме глупца, не свойственно упорствовать в ошибке»*. Ему, в свою очередь предшествовало *«всем людям свойственно ошибаться»* греческого поэта Еврипида и еще более раннее *«так как ошибки неизбежны между смертными»* греческого поэта Феогнида, жившего за 500 лет до н.э. Контекст порождения этих высказываний указывает на их отнесенность к ошибкам суждения. Но так ли далеко отстоят друг от друга ошибки восприятия и ошибки суждения? Деление на перцептивные и когнитивные ошибки было оправдано на этапе накопления и анализа первичных данных. Современный американский психолог-когнитивист Л. Барсалоу отрицает автономное функционирование перцепции и когниции, утверждая, что когнитивные репрезентации изначально перцептивны [Barsalou, URL].

Интуитивные ошибки суждения находятся в центре внимания когнитивных психологов «по причине непосредственного интереса и их ценности в качестве диагностических показателей функционирования когнитивных механизмов» [Канеман, URL]. Рассматривая интуитивные суждения, Д. Канеман указывает на их промежуточное положение между автоматическими операциями восприятия и сознательными операциями рассуждения. Анализируя интуитивные выборы и предпочтения, Канеман и Тверски опираются на основополагающие концепции когнитивной психологии – положение о различной доступности мыслей и положение «о различии между интуитивным и сознательным мыслительными процессами».

В модели трех когнитивных систем, предложенной Канеманом, восприятие, интуиция и рассуждения сопоставляются по процессуальным (операционным) и содержательным параметрам. Процессы

восприятия и интуиции демонстрируют сходные характеристики – высокую скорость, отсутствие усилий (автоматизм), опору на ассоциации, неконтролируемость, слабую способность к адаптации, тогда как сознательные мыслительные процессы протекают медленнее, требуют усилий, подчиняются правилам и контролю сознания и в то же время являются более гибкими. Аспекты сходства интуиции и рассуждения носят содержательный характер – функции этих когнитивных систем не сводятся к обработке только текущей информации в отличие от восприятия, ограниченного стимулами, но осуществляют эту обработку с опорой на концептуальные представления, осознание прошлого, настоящего и будущего. Содержание и результат интуитивных процессов и рассуждений могут быть выражены с помощью речи, тогда как содержание и результат восприятия не всегда может быть вербализован. Ученый полагает, что вербализации предшествует «одобрение» системы суждений, контроль со стороны которой, «как правило, является достаточно слабым, что позволяет людям выражать многие интуитивные суждения, в том числе и ошибочные» [Канеман, URL]. Примером такого «ошибочного суждения» можно считать эпизод, описанный Тэффи в автобиографическом рассказе «Книга»: *«Иногда слово прочитывается не совсем верно, но тем лучше: оно приобретает особый, непонятный, еле улавливаемый, таинственный смысл»* [Тэффи, 1999, с. 199]. Рассматривая иллюстрацию к роману «Дети капитана Гранта», героиня вместо «*Паганель бодрствовал*» «сгоряча» прочла «*Паганель бодросовал*» и запомнила ощущение, порожденное этим необычным словом. *«Через несколько лет эта книга снова попалась мне в руки, и узнала я, что Паганель просто напросто бодрствовал, – и закрутила. Жалко стало яркого, особенного впечатления, какое дало то несуществующее слово»*. Осознание и «исправление» ошибки восприятия нередко сопровождается сожалением и разочарованием, пожалуй, это сожаление об ускользающем (ускользнувшем?) возможном мире. В мемуарной литературе немало примеров такого отношения к «исправлению» ослышки. Любопытен пример, приводимый А.П. Чудаковым в автобиографическом романе «Ложится мгла на старые ступени»: он вспоминает, как в голодные послевоенные годы его дед, ставя на стол миску с печеной картошкой, восклицал: *«Ребята, мимоскаль за нами!»*. *«Замечательное слово “мимоскаль” означало: налетай. Только много позже Антона осенило, что дед говорил: “Ребята, не Москва ль за нами!”*. *Клич нравиться перестал»* [Чудаков, 2012, с. 235]. Именно словесное выражение интуитивного суждения, почти

не отделимого от восприятия, позволяет проанализировать обе эти когнитивные системы.

Ошибочное восприятие сопоставляется с правильным, поскольку человеку свойственно опираться на идею эталонного устройства, положительного и бесперебойного функционирования аппарата приема и переработки информации, а также корректной связи этих двух аспектов с характеристиками реципиента. Отрицательный результат восприятия – несовпадение с идеальным – предмет междисциплинарного исследования, сочетающего методологию нейропсихологии и нейропсихолингвистики и феноменологические подходы к восприятию.

Ошибки восприятия выявляются в письменном или устном общении ошибающегося, поэтому анализ их возможен только при условии их вербальной репрезентации, которая в случае ослышки не всегда имеет место или не всегда принимается в расчет. Например, фабула рассказа Тэффи «В вагоне» основана на ослышке одной из героинь, которая на свой вопрос: «*А где вы, извините мене, имеете постоянное жительство?*» получает ответ «*Мы живем себе в Риге*», но слышит «*в Риме*» [Тэффи, 1999, с. 148] и далее строит беседу с соседкой в заискивающем тоне, а узнав истину, не признает ошибки. На эффективность использования «отрицательного языкового материала» (речевых ошибок, детской речи, ошибок в ходе освоения иностранного языка, различных видов афазии) указывал Л.В. Щерба. Он утверждал также, что «языковая система и языковой материал – это лишь разные аспекты единственно данной в опыте речевой деятельности, <...> языковой материал вне процесса понимания будет мертвым, само же понимание вне как-то организованного языкового материала (то есть языковой системы) невозможно» [Щерба, URL].

Нейрофизиологические исследования отрицательного языкового материала обогатили не только афизиологию, но и расширили сферу лингвистического анализа, включив в число его объектов ошибочное речевое действие и его продукт. В работах Р.О. Якобсона об афазии установлена корреляция между нарушениями процессов упорядочивания языковых единиц (на оси комбинации (синтагматики) – метафоры и оси селекции (парадигматики) – метонимии) и типом афазии. Типологические исследования афазии А.Р. Лурия, проведенные на обширном языковом материале, позволили установить корреляцию между типами речевых расстройств и локализацией поражений мозга. Значимым этапом в изучении закономерностей восприятия стала теория установки, разработанная Д.Н. Узнадзе, – опыты, основанные на «контрастной иллюзии», позволили определить установку как состо-

ание предвосхищения, готовности к восприятию и связанным с ним действиям. Феномен установки позволяет объяснить многие факты психической жизни: опираясь на подсознательно сформировавшуюся внутреннюю норму, человек невольно сопоставляет с ней все стимулы извне, воспринимая их как нормальные или девиантные. Предвосхищение или установка на восприятие играет определяющую роль в этом процессе.

В воспоминаниях В. Маяковского упомянут эпизод, когда поэт, увидев вывеску *«Сказочные материалы»*, удивился и, прочитав ее внимательнее, обнаружил, что это «Смазочные материалы», и приписал свою ошибку увлеченной работе над сказками. Пример очитки, приводимый Фрейдом, ситуационно близок описанному: человек, желающий найти туалет в незнакомом городе, на одной из вывесок видит надпись *«Klosetthaus»*, но прочитав ее внимательнее, убеждается, что это *«Korsetthaus»*. Таким образом, знание ситуации может оказаться ключом к толкованию ошибочного восприятия.

Феномен предвосхищения при восприятии поэтической речи на слух подробно описан Ю.М. Лотманом, который полагал, что слушатель стремится устранить непонятное из текста, запуская своего рода процесс народной этимологизации: «когда слушатель имеет дело с незнакомой лексикой, легко возникают возможности «сдвигов», при которых ритмическая пауза начинает восприниматься как конец слова» [Лотман, URL]. Примеров таких своего рода «ослышек» немало, среди них ставшие классическими: *«Шуми, шуми, волна Мирона»* вместо: *«Шуми, шуми волнами, Рона»* и *«Колокольчик, дарвалдая»* вместо *«Колокольчик, дар Валдая»*. Паузация незнакомого текста заменяется привычной моделью расстановки пауз, что, в сочетании с незнакомой лексикой, может приводить к смешению грамматических форм: «ряд звуков был спроектирован на потенциально имеющуюся в сознании слушателя форму дееспричастия» [Лотман, URL]. Неверное членение на паузы может происходить и при восприятии прозаических текстов – слияние фонем между соседними словами ведет к образованию новых слов: *«где же ребенок?»* – *«где жеребенок?»*; *«там арка упала»* – *«та марка упала»* – *«Тамарка упала»*. Это естественное языковое явление также стало предпосылкой игровых ходов: *«Что делал слон, когда пришел на поле он?»* и *«Что делал слон, когда пришел Наполеон?»*. Среди ошибок, допускаемых переписчиками древних текстов, Д.С. Лихачев выделяет неправильное разделение текста на слова – поскольку в древнерусских текстах многие слова писались слитно, переписчику более позднего времени не всегда удавалось воспроизвести изначальный строй текста. Так, устаревшее слово

«желве» (черепаха) оказывается незнакомым переписчику списков Истории иудейской войны Иосифа Флавия, и в описании осады города Веспасианом вместо «устроивши желве» (то есть особый военный строй, называемый «черепаха») появляется: «устроивши *же львь*». Черепаха превращается во льва и в переписанной версии Паисиевского сборника собрания Кирилло-Белозерского монастыря, где в числе прегрешений латинян значится: «*ядять же львы*» вместо «*ядять желвы*» [Лихачев, 1962].

Изучая ошибочные действия, З. Фрейд приходит к выводу, что если в силу каких-то причин человек не может отказаться от чтения «чего-то нежелательного», он склонен исказить читаемое. Вероятно, эта тенденция к искажению проявляется при чтении и прослушивании не только нежелательного, но и просто непонятного, по какой-то причине трудно воспринимаемого. Так, классифицируя типы отклонений от канонического текста, возникающих при переписке древних текстов, Д.С. Лихачев утверждает, что «Особенно часты замены малопонятных писцу слов сходными по звучанию понятными: вм. «на стогнах» (то есть на площадях) – «на стенах», вм. «рыдель» (рыцарь) – «рыдатель», вм. «зърно горюшно» (или «горушно» – горчичное) – «зърно горошно», «иконому» – «и ко оному» и т.д. В «Повести о Басарге» в основных ее списках говорится «и бысть голка (шум, мятеж) велика». В одном же из списков это место переделано так «бысть же во дворце *голкъ* (горшок) великий». Частотны случаи замены незнакомых церковнославянских слов единицами, современными переписчику: вместо «слы» (послы) появляются «*слуги*», вместо «ипаты и тироны» – «*тироны и попы*» [Лихачев, 1962].

К этой же категории деформаций относятся ослышки (в англоязычной литературе *mondegreens*) – например, «*Вам пряник в рот людской*» вместо «Воспрянет род людской», или *Rainman* вместо *Raunond* – ослышка, давшая название известному фильму; случаи омофонического перевода (*soramimi*) – «*Кум клопа / Пуп клопа / У клопа*» вместо «*Pourquoi pas*» в фильме «Три мушкетера» (подробнее см.: [Ефимова, 2013]). Другую категорию представляют собой псевдоослышки – карнавализованные тексты, имитирующие ослышку; их создатель преследует определенную цель – от создания комического эффекта («*я буду, я буду для тебя всегда твоей мартышкой*» вместо «...малышкой») до перевода разговора в нужное ему русло – так, герой романа Сесилии Ахерн «*Thanks for the memories*» [Ahern, 2008, с. 239] в разговоре с дочерью, упрекающей его за развод с женой, переиначивает ее фразу о балетной школе: «*Ballet school? I thought*

you said break up fool», тем самым ослабляя напряженность разговора и как бы снимая с себя ответственность за развод.

Очитку Фрейд отчасти противопоставляет другим ошибочным действиям, поскольку «то, что следует прочесть, в отличие от того, что намереваешься написать, не является ведь собственным продуктом психической жизни читающего» [Фрейд, 1991, с. 42]. При анализе очитки Фрейд прибегает к исследованию не самого неверно прочтенного текста, а того, «какая мысль пришла в голову читавшему непосредственно перед очиткой и в какой ситуации она происходит» [Фрейд, 1991, с. 42]. «То, что занимательно и интересно, заменяет чуждое и неинтересное. Остатки [предшествующих] мыслей затрудняют новое восприятие» [Фрейд, 1991, с. 43].

Отрица возможность объяснения ошибочных действий только физиологическими причинами – усталостью, болезнью, либо только эмоциональными – отвлеченностью, волнением и рассеянностью, считая эти факторы ширмами, за которые не надо бояться заглянуть, Фрейд выходит на более глубокие причины ошибок, тем самым расширяя методологическую базу анализа именно языкового материала.

Фрейд полагает, что помимо фонетического сходства слов, на возникновение оговорок влияют и словесные ассоциации, а также сказанное ранее и то, что предполагается сказать позднее. Он утверждает, что в ряде случаев оговорка имеет смысл, то есть является полноценным психическим актом с определенной целью, формой выражения и значением. Этот подход перекликается с положением Л.В. Щербы о важности изучения отрицательного языкового материала. Одним из аргументов в пользу идеи наличия смысла у ошибочных действия Фрейд считает и намеренное использование этого приема автором художественного текста, приводя в качестве примера оговорку Порции в «Венецианском купце» Шекспира, – сам факт внесения такого выразительного средства в текст демонстрирует его важность. Нередко намеренное искажение имен собственных предстает как оговорка (*Швайнкаре* вместо Пуанкаре) и «часто приходится спрашивать человека, от которого слышишь подобное, пошутил он или оговорился». «Договоримся о том, что мы понимаем под «смыслом» (Sinn) какого-то психического процесса не что иное, как намерение, которому он служит, и его место в ряду других психических проявлений. В большинстве наших исследований слово «смысл» мы можем заменить словом «намерение» (Absicht), «тенденция» (Tendenz) [Фрейд, 1991, с. 22].

С. Коннор, анализируя обширный материал ослышек с опорой на теорию ошибочных действий Фрейда, приходит к выводу о том, что ослышки прагматически и функционально отличаются от оговорок (составляющих большинство изученных Фрейдом примеров), поскольку они упорядочивают бессмыслицу, придавая ей смысл, в отличие от оговорок, разрушающих смысл и порождающих бессмыслицу [Connor, URL].

Лингвистические исследования речевых ошибок сосредоточены на результатах продуктивной речевой деятельности – оговорках и очитках, однако многие выводы, справедливые для этих видов искажения восприятия, применимы к ослышкам.

З.А. Побидько на основании исследования метатезы – разновидности оговорки или описки, заключающейся в перестановке звуков или слогов в составе слова – приходит к выводу о психофизиологической природе этого явления, опираясь на положение о наличии определенной зоны в коре головного мозга, отвечающей за интеграцию разрозненных информационных и двигательных импульсов [Побидько, 2005]. Не ставя целью анализ причин транспозиций, Д.С. Лихачев указывает их в списке ошибок переписчиков древних текстов и иллюстрирует следующими примерами: «не *позира* я» вм. «не порази я», «*покоры*» вм. «порокы», «*хорваты*» вм. «хорваты», «*из горь его*» вм. «из рогь его» [Лихачев, 1962]. Опираясь на предлагаемое Философским энциклопедическим словарем определение случая как «цепи непознанных или недостаточно хорошо познанных причин и следствий» (цит. по: [Побидько, 2005]), З.А. Побидько высказывается за необходимость интеграции чисто лингвистического подхода, рассматривающего метатезу как фонетическое явление, и психофизиологических методов. Анализ обширного материала позволил автору прийти к выводу, что при наличии случайных фактов метатезы (индивидуальный факт речи) наблюдается и устойчивая повторяемость ее отдельных случаев (постепенное внедрение в коллективный узус) и что природа метатезы не объясняется только фонетическими правилами, но может быть проанализирована с опорой на закономерности более общего порядка.

Лексико-семантическая вариантность языковой единицы не всегда позволяет установить закономерности семиозиса. И.К. Архипов полагает, что «говорить о многозначности» самой формы как ее имманентного свойства некорректно» [Архипов, 2012, с. 22]. Он указывает на «слабое место обыденного видения мира: оно не делает различий между тем, что забрано «извне», а что из памяти» [Архипов, 2012, с. 103]; этот взгляд имеет точки соприкосновения с моделью

Канемана, описанной выше. Критикуя идею давления контекста на значение, И.К. Архипов ссылается на С.Д. Кацнельсона, который полагал, «что все значения полисемантической формы создает и изменяет автор высказывания: он описывает речевой контекст, посылая в качестве сигналов формы единиц языкового контекста, строя и изменяя его» (цит. по: [Архипов, 2012]). Постулируя доминирующий характер непрерывных процессов категоризации, Архипов утверждает, что соотнесение понятия, закодированного в слове, с индивидуальным распределением категорий неизбежно происходит при восприятии и является «сугубо субъективным процессом».

Такое когнитивное профилирование – выделение наиболее значимой в данный момент части высказывания – происходит непрерывно, всякий раз меняя результат восприятия. Не потому ли «нельзя дважды войти в одну реку»? Примат внутреннего времени над внешним, постулируемый Э. Гуссерлем, во многом раскрывает феноменологическую природу семиозиса. Концепции природы и механизмов понимания, появившиеся в последние десятилетия, разрабатываются с привлечением междисциплинарных методологий и опорой на положения культурологии, литературоведения, антропологии, семиотики, психологии и социологии, что подтверждает экспансионистский характер современной лингвистической парадигмы, на который указывает Е.С. Кубрякова.

В воспоминаниях С. Кайсаровой описан случай непонимания детьми слова в прослушиваемой песне, которую им предстояло выучить: *«в начале песни все было вроде бы знакомо, смущала лишь некая Изабэля, к которой надо было прокладывать путь трудом:*

*Трудом мы к **Изабэлье**
Проложим путь себе.
Пусть гнутся наши нивы
Колосьями к земле!*

Детское недоумение не могли развеять и взрослые, призванные на помощь. Старики напрягали слух, пытаясь опытным ухом уловить то, что молодым неизвестно. Приглашали соседей, спрашивали у родителей. Пластинку заездили вконец – все тщетно: тайна Изабэльки оставалась нераскрытой... Все вдруг встало на свои места, когда Леонид Николаевич объяснил, что о женщине в песне нет речи, а неизвестное слово «изобилие» означает непонятное в ту пору явление – это когда у всех всего много, даже больше, чем нужно. Люди не знали слова, потому что не существовало явления, которое оно обозначает...» [Улицкая, 2013, с. 322].

Этот пример порождения нового смысла иллюстрирует вышеприведенные теоретические положения. В контексте концепции триады языковых явлений Л.В. Щербы «Изабелья» (как и ее «сестра» Леди Мондегрин (см.: [Ефимова, 2013]) представляет собой отрицательный языковой материал. Появление несуществующего персонажа вызвано эффектом предвосхищения, описанного Д.Н. Узнадзе: пафос упорного движения вперед и преодоления трудностей тяготеет к эффектной кульминации, которая обретает архетипические черты прекрасной незнакомки. Выбор детьми женского иностранного имени вписывается в психоаналитическую трактовку, которая предполагает, во-первых, замену непонятого (набор звуков) на понятное (женское имя) и, во-вторых, замену чуждого и неинтересного на занимательное. Согласно С. Коннору, ослышка создает смысл из бессмыслицы – так в тексте появляется действующее лицо, не предусмотренное авторским сценарием, пополняя список персонажей, порожденных деформацией означаемого, таких как поручик Кижэ, Lady Mondegreen, Rainman, и другие.

Фон, который Ю.М. Лотман считал неперменным условием существования знака, неизбежно характеризуется через время. Феноменологическая интерпретация внутреннего сознания времени предполагает первичность субъективного переживания и вторичность осмысления объективного времени. Согласно Э. Гуссерлю, настоящее воспринимается не как точка, а как фрагмент (точка и ее окрестности). Хронотоп как организующее начало человеческой жизни определяет интерпретативные стратегии. Время его, характеризующееся определенными знаками и структурой семиозиса, становится доступным наблюдению благодаря рассмотрению отдельных дискурсов, которые конструируются вокруг центрального события, воплощенного в концепте. Время его, как и время культуры, подчиняет деятельность сознания осмыслению внешних знаков в свете конкретной интенциональности. Знаки попадают в поле внутреннего времени его, сформировавшееся вокруг ключевого концепта. Материальным подтверждением времени его становится дискурсивная деятельность, сосредоточенная вокруг базовых знаков – семантических и прагматических фокусов времени как его отличительных признаков. В рассматриваемом примере знак «Изабелья» рождается на горизонте внутреннего времени, интенциональность которого характеризуется идеей единого порыва к идеалу через преодоление. «Изобилие» в исходном тексте и «Изабелья» во вторичном тексте вербализуют концепт желанной и труднодостижимой цели. Горизонт внутреннего времени его автора, определяемый как «бесконечная последователь-

ность событий-переживаний, в которой надлежит определить место переживания единого образа» [Воскобойник, 2004, с. 46], не тождествен горизонту внутреннего времени реципиента, поэтому один и тот же знак обретает в их пределах разные означаемые.

Ошибка рецепции – результат несовпадения интенциональных горизонтов адресата и адресанта, смысл, заложенный в текст адресатом, подвергается деформации, попадая в поле воздействия внутреннего времени его адресанта и достигая феноменологического тождества с доминирующим концептом.

Ориентация современной парадигмы познания на предмет изучения, а не на методологию отдельной дисциплины, подтверждает актуальность комплексного подхода, сочетающего традиционные лингвистические методы анализа с доминирующими методами новейшей лингвистики – интерпретацией, моделированием, концептуальным и категориальным анализом, анализом семантических примитивов, прототипическим анализом, а также с методами психолингвистики, философии языка, эпистемологии и герменевтики, среди которых – теория ментальных пространств и концептуальной интеграции Ж. Фоконье и М. Тернера, теория языковой личности Ю.Н. Караулова, теория интерпретации В.З. Демьянкова, концепции дектики и возможных миров Ю.С. Степанова, теория языкового эгоцентризма Р. Якобсона, концепция открытого произведения У. Эко, феноменология внутреннего сознания времени Э. Гуссерля, семиотические концепции Р. Барта. Серия «Между ложью и фантазией» издания «Логический анализ языка» под редакцией Н.Д. Арутюновой, посвященная анализу «внутренних – ментальных и эмоциональных – состояний (видений), отвлекающих человека от действительного мира и погружающих его в сферу воображения и фантазии» демонстрирует продуктивность интеграции различных подходов. В предисловии к ней постулируется единство восприятия и когниции: «Непосредственное восприятие действительности органами чувств, прежде всего зрением и слухом, соединяясь с внутренними впечатлениями, исходящими из духа и души человека, совместно образуют эстетическое восприятие мира» [Арутюнова, 2008].

Правило Шалтай-Болтая: «Когда я употребляю слово, это означает только то, что я выбираю, что бы оно означало, – ни больше, ни меньше» применимо и к реципиенту: «Когда я слышу слово... – я выбираю, что бы оно значило». Оно соприкасается с концепцией языкового эгоцентризма Ю.С. Степанова, который полагал, что «отношение языка к говорящему заключается в присвоении себе языка в момент – и на момент – речи» [Степанов, 1985].

Ошибка рецептивной речевой деятельности – феномен, раскрывающий необходимость интегрированного исследования перцепции и когниции, которые в течение десятилетий были объектами анализа различных дисциплин. Предполагалось, что механизмы этих процессов не зависят друг от друга, но протекают последовательно: «системы перцепции принимают информацию извне и передают ее отдельным системам, поддерживающим различные когнитивные функции, такие как язык, память и мышление» (перевод наш) [Barsalou, URL]. Опровергая такой подход, Л. Барсалоу утверждает, что когниция изначально перцептивна, она использует те же системы, что и перцепция, как на когнитивном, так и на нейронном уровне. Очевидно, что ошибка как возможный результат перцепции, будучи выражена вербально (в случае оговорки, очитки или озвучивания ослышки), представляет собой уникальный материал, исследования разных сторон которого дополняют и обогащают друг друга.

Литература

- Арутюнова Н.Д. Логический анализ языка. Между ложью и фантазией. М., 2008.
- Архипов И.К. Лексические прототипы и явление полисемии // Прототипические и непрототипические единицы в языке. Иркутск, 2012.
- Воскобойник Г.Д. Лингвофилософские основания общей когнитивной теории перевода: дис. ... д-ра филол. наук Иркутск, 2004.
- Ефимова Н.Н. Туманность леди Мондегрин // Вестник ИГЛУ. 2013. № 4.
- Канеман Д. Контуры ограниченной рациональности: возможность интуитивных суждений и выбора. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.research.by/webroot/delivery/files/ecowest/2004n4r01.pdf>
- Лихачев Д.С. Текстология. На материале русской литературы X–XVII вв. М.; Л., 1962.
- Лотман Ю.М. Структура художественного текста. [Электронный ресурс]. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Literat/Lotman/_08.php
- Побидько З.В. Явление метатезы в системе лексико-фонетической вариантности слова: дис. ... канд. филол. наук. Псков, 2005.
- Степанов Ю.С. В трехмерном пространстве языка: семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства. М., 1985.
- Фрейд З. Введение в психоанализ: Лекции. М., 1991.
- Щербатова Л.В. О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruthenia.ru/apr/textes/sherba/>
- Barsalou L.W. Perceptual symbol systems. Behavioral and Brain Sciences. [Электронный ресурс]. URL: userwww.service.emory.edu/~barsalou/
- Connor S. Ear slips: Of Mishearings and Mondegreens. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.stevenconnor.com/earslips/>

Список цитируемых источников

Тэффи. Собрание сочинений: в 3-х тт. СПб., 1999. Т. 1.

Улицкая Л. Детство 45-53: а завтра будет счастье. М., 2013.
Чудаков А.П. Ложится мгла на старые ступени. М., 2012.
Ahern C. Thanks for the memories. – 2008.

ФЕНОМЕН «ОБЫВАТЕЛЬСКОЙ ФИЛОСОФИИ» В ПРОВИНЦИАЛЬНОМ СЮЖЕТЕ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XIX ВЕКА

А.Е. Козлов

Ключевые слова: провинциальный текст, провинциальный сюжет, русская литература XIX века, вторичность и альтернативность.

Keywords: provincial text; provincial story; Russian literature of the XIX century, secondary-type of narration and presence of alternatives.

Провинция как концептосфера и сверхтекст, образующий и поддерживающий эту концептосферу [Меднис, 2003], представлена в художественной литературе устоявшимися вариантами. Кажется правоммерным утверждать, что феномен русской провинции самоосновен и существует в культурном пространстве самостоятельно, вне западноевропейских аналогов¹. В частности, большинство сюжетов западноевропейской литературы, независимо от своей типологической принадлежности, имеют ярко выраженный векторный характер; в то время как сюжеты русской литературы и отражающей ее беллетристики обычно лишены обязательной векторности и линейности [Лотман, 1992]. Это является одним из многочисленных оснований для утверждения, что феномен русской провинции обладает особой семантической емкостью.

Рассмотрение провинциального текста в сюжетологическом аспекте позволяет установить ряд дифференциальных признаков на уровне фабульной комбинаторики, модальности и нарратива [Козлов, 2014]. Обращаясь к описанию провинциального сюжета в этом ракурсе, можно констатировать, что наиболее частотный тип организации его событийности построен на так называемом событии не-события.

¹ Иной точки зрения придерживается М.М. Бахтин, выделяя общую разновидность «...флюберовского города, созданного, правда, не Флобером» [Бахтин, 2000, с. 182].

Этот термин, примененный М.В. Строгановым для характеристики специфического действия в гоголевских комедиях [Строганов, 2011], кажется возможным использовать в отношении рассматриваемой проблемы. Поскольку внешнее разнообразие провинциальных историй является мнимым и легко опровергается при эмпирической проверке материала, большая часть сюжетов такого типа сводима к примитиву; почти каждое происходящее здесь событие квазисобытийно. Вместе такие квазисобытия образуют циклическую последовательность взаимно отменяющих эпизодов, представляющих время в провинциальном городе как дурную бесконечность всеу проживаемой жизни. Наиболее это характерно для беллетристики и т.н. «тиражной литературы» («Провинция в старые годы» Н.Д. Хвошинской, «Из галереи провинциальных портретов» Н.С. Соханской, «В стороне от большого света» Ю.В. Жадовской, «Портретная галерея» Н. Данковского, «Ольшанский молодой барин» И.А. Салова и пр.).

Как правило, провинциальное время не рефлексивируется героем. В связи с этим в сюжете такого типа внутренний мир и «внутренний человек» редко становятся предметами художественного анализа. Животные, биологические интересы, соединенные с симуляцией и сублимацией большинства жизненных процессов, закрывают то, что касается внутреннего мира и горизонта познания героя. Это время, завершающееся в самом себе, можно назвать по-хайдеггеровски инзистентным¹ [Хайдеггер, 1991].

Кажется закономерным, что тип философствующего провинциала мало свойственен такому типу сюжета. В беллетристике конца 30-х – начала 40-х годов философствование в провинции приравнивалось к современному безумию («Сильфида», «История о петухе, кошке и лягушке» В.Ф. Одоевского, «Вакх Сидорович Чайкин» В.И. Даля, «Записки доктора Крупова» А.И. Герцена, далее – «Необычный поединок» А.Я. Кульчицкого и «Кулик» Е. Гребенки). С этого периода философствующий провинциал, как правило, представлен в комическом модусе (например, почтмейстер в «Мертвых душах»). Тем более специфичными становятся тургеневские герои, приехавшие в провинцию для просвещения местных жителей. И Рудин, и Базаров, и Нежданов, – все они являются носителями ущербной философии, дилетантский характер которой становится очевидным в провинции. Особенно иронически представлен Базаров: несмотря на серьезность своего намерения познакомить старшее поколение с брошюрой Бюхнера, он сам предстает

¹ «Инзистентен человек тогда, когда он обращен к ближайшей повседневности сущего» [Хайдеггер, 1991, с. 51].

навязчивым дилетантом, чрезвычайно поверхностно понимающим современный позитивизм и придерживающимся вульгарного социологизма¹.

Практически до Достоевского никто из писателей не показывал целостной философии провинциального героя. Однако Шигалев, Кириллов, Иван Карамазов мыслят вне пространства; их философия носит имманентный характер и в меньшей степени определяется декартовыми координатами. Анализируя художественное пространство «Бесов», Н.П. Анциферов констатирует: «Писатель, видимо, в этот раз создавал сознательно обобщенный образ губернского города...» [Анциферов, 2009, с. 289]. Хаос жизни, заново открытый и утвержденный Достоевским в романе, исключает возможность локализации мысли и идеи. Мизантропический коммунизм Шигалева, равно как и мазохистскую философию карамазовского страдания, можно рассматривать в непосредственной социальной обусловленности, однако на поверку она выполняет здесь пассивную функцию².

Появившиеся одновременно с «Бесами» «Соборяне» Н.С. Лескова представляют целостное мировоззрение протопопа Савелия Туберозова. Туберозов мыслит вне обозначенных топологических пределов; его онтологическая философия находит предельные и незыблемые основания в вере. Придерживаясь такой точки зрения, И.В. Мотеюнайте пишет: «...укорененность лесковского героя на земле не географична, он в большей степени детерминирован изнутри, Божественно заданной натурой, чем биологически или социально» [Мотеюнайте, 2013, с. 557]. Более того, можно утверждать, что Овцебык, Юстин Помада, Однодум и прочие «православные социалисты» Лескова наделены точно таким же герметическим сознанием. Эти герои как бы выпадают из дурной бесконечности провинциального времени. И бытие, и время образуют здесь две разные, нетождественные системы, вступающие в антиномические отношения.

В литературе конца XIX века, преимущественно в рассказах и повестях, эта традиция переживает значительные изменения. Незначимые, часто случайные события дают повод для переживаний и рассуж-

¹ Об этом в полемическом тоне пишет В. Набоков: «Отправляясь на ловлю лягушек, Базаров находит редкий, как он и Тургенев считают, экземпляр жука. Правильнее было бы сказать, вид, а не экземпляр, и этот водяной жук вовсе не редкий. Только невежда в биологии мог перепутать вид с экземпляром» [Набоков, 1999]. Несмотря на очевидную полемичность и демонстративную непримиримость с разночинским мировоззрением, Набоков довольно точно описал нарративную стратегию Тургенева.

² Иными словами, локальный или провинциальный текст вторичны по отношению к «сильному» авторскому тексту.

дений. Именно такой повествовательный эффект наблюдается в рассказах писателей чеховского круга: К.Н. Баранцевича, В.А. Тихонова, М.Н. Альбова. В частности, Тихонов и Баранцевич показывают, как фабульные (тривиальные на общей шкале) события супружеской измены и замужества становятся косвенной причиной глубинных размышлений героев. Так, накануне бракосочетания героиня рассказа Тихонова задается вопросом, ведущим к поиску предельных оснований: «*Эх, в сущности говоря, какой все это вздор! Ну, и к чему создавать себе всевозможные формы, условные отношения, бессмысленные обязанности?*» [Тихонов, 1982, с. 238]. Итогом рассказа становится осознание невозможности переступить заданные пространством границы. Подобная обывательская философия представлена и в рассказе «Котел». Здесь рассуждения героя сопряжены с идеей поступка и действия: «*Сотни тысяч людей – сытых и голодных, счастливых и обиженных судьбою, скученных в каменных стенах, людей с самыми разнообразными стремлениями, страстями, пороками, – казались брошенными в один громадный котел, который бурлил и кипел и будет кипеть бесконечное число лет, сколько бы ни сменилось в нем поколений*» [Баранцевич, 1982, с. 218]. Знаменательно, что в обоих произведениях размышления героя имеют отвлеченный характер и не находят отражения в поступках и делах.

В этом контексте этапным становится рассказ В.Г. Короленко «Не страшное». Бытовой эпизод безобразной семейной расправы, положенный в основу произведения, служит своего рода опровержением категорических императивов И. Канта. Герои рассказа поступают вопреки трансцендентальной этике; *не страшное* здесь становится синонимом страшного: «*Да, есть в этом обыденном, в этой смиренной и спокойной на вид жизни благодатных уголков свой ужас... специфический, так сказать, не сразу заметный, серый... Где тут, собственно, злодеи, где жертвы, где правая сторона, где неправая?. И так хочется, чтобы проник в этот туман хоть луч правды живой, безотносительной, не на чертах карандашом основанной, действительно разрешающей всю эту путаницу...*» [Короленко, 1984, с. 358]. Очевидным образом обращаясь к теме «темного царства», Короленко не только резюмирует литературный опыт, но и показывает неизменность утвержденной ранее идеи, ее органичность национальному сознанию.

Это состояние доводит до закономерного предела А.П. Чехов в рассказе «Обыватели», показывая, как раздражение отставного польского военного Ляшкевского распространяется не только на жителей провинциального городка, но и предметы, и вещи: «Засыпает он к полнотчи, и снится ему, что он обливает кипятком обывателей, Финкса,

старое кресло...» [Чехов, 1976, с. 196]. Злая, обывательская философия – редуцированная до предела мизантропия Шопенгауэра – вырастает из общей пошлости провинциального мира. Герой чеховского рассказа предельно негативно оценивает быт южного русского городка – отражающего в себе и Таганрог, и литературный город N. Разумеется, в контексте юмористического чеховского рассказа мышление героя подвергается пересмотру: Ляшковский становится неотъемлемой частью ненавидимого им мира, хотя и не осознает этого.

Таким образом, к концу XIX века за провинцией закрепляется семантика особенного пространства, исключая самую философию, а за провинциальным сюжетом – статус литературного клише, построенного на повторении нескольких, обычно многократно воспроизводимых эпизодов. На этом фоне особое значение приобретают три художественных текста конца XIX века, в которых по-разному реализована идея провинциального одиночества: «Филипп Филиппович» (или «На точке») М.Н. Альбова, «Поправка доктора Осокина» Д.Н. Мамина-Сибиряка и «Палата №6» А.П. Чехова. Три этих рассказа объединены общей сюжетной ситуацией: одинокий, часто не женатый провинциал затворяется от всего мира, углубляясь в научную или художественную работу.

В рассказе «На точке» перед героем Альбова открывается две альтернативы – раствориться в провинциальной жизни или уйти в науку. Повседневность, не освещаемая сколько-нибудь значимыми событиями, замыкает героя в несложном кругу повторяемых дел. Только ночью он чувствует себя свободным, обращаясь, втайне от всех, к созданию эстетико-философского трактата «Органическое происхождение идеала». Свидетелями ночной работы Филиппа Филипповича становятся портреты классиков русской и мировой литературы: *«И носатый, со своей характерною, свесившейся на лоб прядкою Гоголь, и кокетливо выглядывающий в щегольском пиджачке седовласый Тургенев, и Пушкин, и Лермонтов, и великие мировые таланты: и кутла-красавец Шекспир, и застывший в меланхолической думе юноша Шиллер, и горбоносый, с лицом угрюмой старухи, увенчанный лаврами “божественный” Дант»* [Альбов, 1982, с. 308]. В этом описании портретной галереи, несколько искаженной и окарикатуренной, практически дан прогноз дальнейшей жизни Филиппа Филипповича. Абсурдной выглядит идея создания трактата в провинциальном городе Пыльске, не менее абсурдной кажется и сама возможность завершения

такого трактата¹. В конце рассказа мысли увлеченного работой героя, не зафиксированные на письме, но отраженные в его сознании, показывают выход на новый уровень обобщения: *«Гибнут царства, мрут народы, изобретаются и отбрасываются, как негодная ветошь, философские мнения, только оно одно – вечно и неизменно до скончания мира, то, что люди зовут Красотою. И пока мир не разрушился, ее всегда будут чтить, ей служить и стремиться к ней»* [Альбов, 1982, с. 308]. Очевидное смешение архаики и бытового восхищения дискредитируют здесь как носителя знания, так и само знание².

На наш взгляд, такой повествовательный тип обнаруживает характерный разрыв во внешне неделимом и бесконечном провинциальном времени. Именно с этими разрывами и связана эволюция провинциального сюжета конца XIX века.

Наибольшего внимания в этом ракурсе заслуживают рассказы Д.Н. Мамина-Сибиряка и А.П. Чехова. Основания для сравнения этих фигур, как и принципиальные моменты приблизительных и частичных тождеств, неоднократно отмечались исследователями. По справедливому замечанию Е.К. Созиной, «для обоих значимым был природно-географический локус, отличавшийся степным простором и равнинностью – для Чехова, складками и каменными швами лесистых гор – для Мамина. Что для молодого Чехова была степь, то для Мамина в течение всей его жизни были “милые зеленые горы”». Свой природный ландшафт не просто характерен для творчества каждого из них; как специфический тип пространства он во многом определяет их художественное сознание и письмо» [Созина, 2010, с. 16]. К подобным выводам приходит и Л.П. Якимова: «разумеется, невозможно обойти вниманием такую важную особенность творческого поведения обоих писателей как несклонность к занятиям политикой, отторжение от непосредственно практической связи с каким-либо модным веянием общественной мысли, неверие в разного рода теории радикального переустройства мира и скорородействующие рецепты исправления человека» [Якимова, 2010, с. 109]. Таким образом, выявленные критерии показывают взаимосвязь опыта переживания пространства с опытом письма и художественной рецепции.

Наиболее очевидный дифференциал в изучении этих фигур связан с типом художественного мышления. Вырастая из «мелочишки», написанной «на злобу дня» по существующему сатирическому канону,

¹ Половина перечисленных Альбовым фигур представляет знак творческой незавершенности. Буквально от «Рая» Данте до «Мертвых душ» Н.В. Гоголя, незавершенность становится одним из факторов развития культуры.

² Рассказ имеет подзаголовок *«Очерк исчезнувшего типа»*.

проза Чехова большей частью обнаруживает тяготение к малой форме¹. Мамин-Сибиряк, напротив, в первую очередь воспринимается как автор крупных романских произведений, стоящий наравне с П.Д. Боборыкиным, И.А. Саловым и Вас.И. Немировичем-Данченко.

Наряду с крупными художественными формами, как бы изоморфными глобальному локусу, к которому обращался Мамин-Сибиряк, довольно важную роль в его творчестве играют рассказы, которые могут быть условно объединены в так называемый «пропадинский цикл». Уездный город Пропадинск – один из многочисленных вариантов провинции, восходящий к гоголевскому Грязеславию и городу NN, отражающий не только нарративную традицию, но и актуальные для своего времени поиски новых художественных оснований².

Наибольшее сходство в поэтике Чехова и Мамин-Сибиряка можно констатировать, обратившись к двум рассказам, опубликованным в журнале «Русская мысль» с небольшим интервалом – «Поправке доктора Осокина» (1885) и «Палате №6» (1892). Для любого читателя этих произведений, независимо от его квалификации, становятся очевидными многочисленные фабульные совпадения: 1) давно живущий в провинциальном городе доктор предается любимому делу (чтению / философии / науке), замыкаясь в себе; 2) неосторожное поведение доктора становится причиной распространения невыгодной для него сплетни; 3) доктор покидает провинциальное общество / сходит с ума. Несмотря на возникающее тождество фабульного уровня событийности, сюжет двух этих текстов организован принципиально по-разному³.

Из всех «пропадинских» рассказов Мамин «Поправка доктора Осокина» содержит наибольшие концептуальные обобщения. Город

¹ Свидетельством этого является тот факт, что по прошествии ста лет никто не называет «Дуэль» или «Дневник неизвестного человека» романами. В то же время история литературы знает множество колебаний в идентификации жанра. Так, до сих пор дискуссионной является принадлежность большинства тургеневских романов жанру повести.

² Являя качественную иную спациопэтику, рассказы пропадинского цикла показывают провинциальный город в отстранении от его реальных свойств [Девятайкина, 2007]. Мамин-Сибиряк в этом случае игнорирует свой действительный опыт жизни в провинции, обращаясь к «фельетонным городам» на страницах внутренних обозрений. Определяющим свойством города, частью городской суггестии становится в пропадинских рассказах грязь. Этот мотив заставляет вспомнить сатирические публикации конца XIX века: «В Екатеринбурге столько накопилось этих “грязей”, что, когда задумали горожане немного почиститься и вывезли с городской площади несколько тысяч возов грязи, то под нею, к общему удивлению, оказалась совершенно целая мостовая, о существовании которой ходили в городе только мифические рассказы» [Летописец, 1888, с. 280].

³ К соотносению фабульного уровня и сопоставлению топосов этих произведений обращается А.В. Куликова [Куликова, 2014].

«пропади дам», где многое делается «попросту» и через это даже инцестуальные связи брата и сестры воспринимаются как должное, отражает в себе традиционный для литературы конфликт ожидаемого и реального¹. «Поправка доктора Осокина» представляет историю героя, который, оказавшись в Пропадинске (ср. с Пыльском М.Н. Альбова), утратил большинство жизненных идеалов, став циником и мизантропом, с пренебрежением относящимся к городским жителям. Как и Ляшкевский Чехова, герой «Поправки...» презирает среду, частью которой он является. Чтобы это подчеркнуть, Мамин вводит в повествование множество диалогов, которые, как и события в сюжете, преимущественно несут нулевую семантику и не могут сколько-нибудь раскрыть личность Осокина.

Формальной фабульной мотивировкой происходящего становится негативный жизненный опыт Осокина, связанный с несчастливым и скоротечным романом с местной актрисой Поленькой. В этих условиях и формируется его философия.

Ключом к фигуре доктора становится его монография. Обратившись к повседневности, Осокин ищет из нее выход, стараясь научно обосновать возможность альтернативы. Сама жизнь – фабула минувшего – не дает способов жить иначе, тогда и возникает потребность аргументировать эти возможности научным образом: *«Полученная формула в полном своем объеме выражается так: настоящий запас циркулирующих и комбинирующих во вселенной сил и материи плюс весь запас органической жизни равняется всему запасу сил и материи, действовавших от начала мира и слагавшихся в необозримо пеструю амальгаму отдельных явлений. Запас силы и материи остается тот же, но этот длящийся в необозримом пространстве веков “плюс нарастающая органическая жизнь” с роковой силой прорывает заколдованный круг неизменного круговращения силы и материи; прогресс является именно в пределах этой разрастающейся органической жизни, а не в смене чередующихся комбинаций и развивающейся поступательно способности дифференцироваться»* [Мамин-Сибиряк, 1958, с. 198]. Несмотря на то, что учение Осокина представляет явный пример псевдонауки, такая «поправка» означает поиск разрыва в инзистентном провинциальном времени. Герой не только пытается исправить сделанные ранее ошибки: в данном трехмерном пространстве он

¹ См. сюжет «пропадинского рассказа» «Попросту». Здесь, становясь заложником провинциального уклада, герой невольно теряет ощущение собственного «я», соотнося себя с другим. Таким образом, малохарактерная для провинциального текста тема двойничества находит здесь свое развитие: посредством этого показана постепенная деградация и редукция личности.

ищет иные измерения, дающие новые исходы уже осуществленных ситуаций. В этом отношении слова доктора о дочери, никогда не существующей для провинциальных обывателей, обретают силу, поскольку репрезентируют найденную в жизни альтернативу. То, что на фабульном уровне маркирует безумие Осокина, на уровне сюжета представляет открытие самой возможности иных миров и измерений.

Становится очевидным, что *пропадь* города, с одной стороны, и искания Осокина, фактически его поправка, вносимая в существующий порядок вещей, представляют антиномию.

В отличие от пропадинского доктора Осокина, Андрей Ефимович Рагин относится к иному характерологическому типу. В строгом смысле этого слова, чеховский доктор не является носителем сколько-нибудь оригинального философского знания (его мировоззрение а priori вторично и не может породить сколько-нибудь оригинальной концепции мира). Стоическая философия, привлекая внимание доктора, парадоксальным образом соединяет в себе античный кинизм с бытовым цинизмом. Эта философия, застывшая, по выражению оппонента Рагина, «...две тысячи лет назад» [Чехов, 1977, с. 101], становится не основанием, а оправданием общего безразличия и социальной апатии.

Наряду с рассудочным, философским сознание доктора инфантильно апеллирует к иррациональному, что связано с неразрешимым для героя вопросом бытия и небытия: *«Обмен веществ! Но какая трусость утешать себя этим суррогатом бессмертия! Бессознательные процессы, происходящие в природе, ниже даже человеческой глупости, так как в глупости есть все-таки сознание и воля, в процессах же ровно ничего. Только трус, у которого больше страха перед смертью, чем достоинства, может утешать себя тем, что тело его будет со временем жить в траве, в камне, в жабе... Видеть свое бессмертие в обмене веществ так же странно, как пророчить блестящую будущность футляру после того, как разбилась и стала негодною дорогая скрипка»* [Чехов, 1977, с. 91]. Фактически тема бессмертия становится в сюжете произведения образующей и уникальной для рассматриваемого провинциального контекста.

Философия рождается в момент спора героев, когда Громову удается поколебать прочные основания жизни Рагина. Подлинный сократический диалог несет майевтический смысл, внося коррективы в монологическое сознание героя. Эти коррективы, или поправки, как и у Мамина-Сибиряка, означают постепенное разрушение существующего порядка.

Анализируя сюжет чеховского рассказа, А.Д. Степанов подчеркивает: «в степном просторе его герой “заключен” так же, как и в провинциальном городе, усадьбе или палате №6. Гигантское открытое пространство парадоксальным образом оказывается эквивалентно узкому и замкнутому...» [Степанов, 2010, с. 23]. Несмотря на внешнее фабульное разнообразие, Андрей Ефимович остается «в плену» ранее построенной системы координат, а поиски бессмертия завершаются трагически. Накануне своей гибели Рагин внезапно формулирует мысль, которая очень точно описывает мировоззренческий кризис, не только провинции, но и всей страны: «*В России нет философии, но философствуют все, даже мелюзга*» [Чехов, 1977, с. 122]. Наряду с отказом от бессмертия и философствования как такового, наступает физическая гибель. Эмпирические доказательства «выбивают» те гносеологические основания, искусственным образом подведенные к обывательской жизни. Феноменология духа оказывается разрушенной из-за человеческих страданий и мучений плоти.

Некогда застывшее мышление античных философов парадоксальным образом отражается в судьбе Андрея Ефимовича Рагина. То, что главный герой сначала оказывается в палате для душевнобольных, а впоследствии – на кладбище, становится априорной иллюстрацией тезиса Анаксимена¹.

Обращаясь к сюжетам Чехова и Мамина-Сибиряка, Е.К. Созина, замечает: «Несвобода чеховских персонажей обусловлена чаще всего экзистенциальными причинами, а в психологическом плане – инерцией и страхом, причем не страхом потери каких-либо благ, а скорее общим страхом перед жизнью (как в “Дяде Ване”, “Трех сестрах”, рассказе “Страх” и т.д.). Персонажей Мамина, относимых к людям «средней руки», чаще всего отличают социальные страхи и социальные же комплексы, которые лишь к концу повествования могут обрести экзистенциальный (бытийный) характер» [Созина, 2010, с. 23]. На наш взгляд, в обоих сюжетах социальный страх изначально закрывает более глубокий «кьеркегоров» страх, связанный с извечным *страхом и трепетом* [Кьеркегор, 2011]. Высвобождение этого страха, включающее введение обязательной мировоззренческой альтернативы, превращает бытовой сюжет в явление экзистенциального порядка.

Таким образом, можно констатировать, что два данных рассказа являются принципиально разные типы художественных обобщений, причем речь идет не о типах героя-философа, но именно философии,

¹ «А из чего возникают все вещи, в то же самое они и разрешаются согласно необходимости» [Фрагменты ранних греческих философов, 1989].

порождаемой провинциальным миром. И экзистенциальная философия Андрея Рагина, как будто существующая вне его, и философия относительности Осокина, предвосхищающая открытия XX века в этой сфере, – становятся неожиданной частью и продолжением провинциального бытия. На этом уровне нивелируются два неизбежных вопроса: о первичности и вторичности избранной сюжетной схемы (в коммуникации Мамина-Сибиряка и Чехова) и о соотносительности городов N и Пропадинска с конкретными топосами России.

В заключение отметим, что сюжет об обывательской философии и философии в провинции уже в начале XX века находит неожиданное претворение в действительности: В.В. Розанов, Н.Ф. Федоров, К.Э. Циолковский – все эти выходцы из провинции с невозможными и неприемлемыми для современников идеями заявили о себе, радикальным образом изменив образ мышления XX века. По-видимому, существует неразрывная семантическая связь между фактами их выступлений и ветвящейся литературной традицией; однако это принципиально иной вопрос, не связанный с обывательской философией в провинциальном сюжете.

Резюмируя, отметим, что одним из очевидных источников семантического обобщения провинциального сюжета явилось рассуждение о бытии и жизнеспособности человеческого знания. На первый взгляд, исключая из своих содержательных структур подобные обобщения, провинциальный сюжет часто аккумулирует их, влияя не только на последующую литературную традицию, но и формы сознания и феноменологию самосознания в культуре и за ее пределами – в эмпирической действительности.

Литература

- Альбов М.Н. На точке. Очерк одного исчезнувшего типа // Писатели чеховской поры: в 2-х тт. М., 1982. Т. 1.
- Анциферов Н.П. Проблемы урбанизма в русской художественной литературе. Опыт построения образа города – Петербурга Достоевского – на основе анализа литературных традиций. М., 2009.
- Баранцевич К.С. Котел // Спутники Чехова. М., 1982.
- Бахтин М.М. Эпос и роман. Формы времени и хронотопа в романе. СПб., 2000.
- Девятайкина Г.Л. Литературные двойники уральских городов в рассказах Д.Н. Мамина-Сибиряка // Литература Урала: история и современность: в 2-х тт. Екатеринбург, 2007. Вып. 3. Т. 1.
- Козлов А.Е. Провинциальные сюжеты русской литературы XIX века. Новосибирск, 2014.
- Короленко В.Г. Не страшное // Короленко В.Г. Повести, рассказы. М., 1984.
- Куликова А.В. Динамика городского пространства в произведениях Д.Н. Мамина-Сибиряка и А.П. Чехова // Литература. Екатеринбург, 2014. Вып. 9.

- Кьеркегор С. Страх и трепет: диалектическая лирика Иоханнеса де Силенцио. М., 2011.
- Летописец. Внутреннее обозрение // Колосья. 1888. № 1.
- Лотман Ю.М. Происхождение сюжета в типологическом освещении // Лотман Ю.М. Статьи по семиотике и типологии культуры. Таллин, 1992.
- Мамин-Сибиряк Д.Н. Поправка доктора Осокина // Мамин-Сибиряк Д.Н. Собр. соч.: в 10-ти тт. М., 1958. Т. 4.
- Меднис Н.Е. Сверхтексты в русской литературе. Новосибирск, 2003.
- Мотеюнайте И.В. Бытие или существование? К вопросу об изображении провинциального города // Сборник памяти А.И. Журавлевой. М., 2012.
- Набоков В.В. Отцы и дети // Лекции по русской литературе. М., 1999.
- Созина Е.К. Провинция в творчестве Д.Н. Мамина-Сибиряка и А.П. Чехова: топология судьбы // Известия Уральского государственного университета. Сер. 2. 2010. № 4 (82).
- Степанов А.Д. «Сахалинский хронотоп» как основа поздней поэтики позднего Чехова // А.П. Чехов и Сахалин. Южно-Сахалинск, 2010.
- Строганов М.В. Событие не-события в драматургии Гоголя // Пушкинские чтения – 2011. «Живые» традиции в русской литературе: автор, герой, текст. СПб., 2011.
- Тихонов В.А. Весною // Спутники Чехова. М., 1982.
- Хайдеггер М. О сущности истины // Хайдеггер М. Разговор на проселочной дороге. Избранные статьи позднего периода творчества. М., 1991.
- Чехов А.П. Обыватели // Чехов А.П. Собр. соч.: в 30-ти тт. М., 1976. Т. 6.
- Чехов А.П. Палата №6 // Чехов А.П. Собр. соч.: в 30-ти тт. М., 1977. Т. 8.
- Фрагменты ранних греческих философов. От эпических теокосмогоний до возникновения атомистики. М., 1989.
- Якимова Л.П. Чехов и Мамин-Сибиряк: точки пересечения // Сибирские огни. 2010. № 7.

МОТИВ БЛУДНОГО СЫНА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ МИРЕ В.М ШУКШИНА

С.А. Фисун, И.Н. Островских

Ключевые слова: мотив, притча о блудном сыне, смысловые узлы, художественный мир, В.М. Шукшин.

Keywords: motif, a parable of a prodigal son, knots of meaning, the art paradigm, V.M. Shukshin.

Как классическая, так и современная русская литература содержит серьезный христианский подтекст, нравственный и духовный смыслы которого обнаруживаются посредством анализа библейских аллюзий и реминисценций на различных уровнях художественного текста: мотивном, сюжетном, персонажном.

Одним из самых «порождающих» сюжетов мировой литературы

и культуры является притча о блудном сыне, изложенная в Евангелии от Луки. Как и всякий библейский сюжет, притча имеет минимум три смысла: буквальный, нравственный и символический. В.И. Габдуллина отмечает: «Евангельские притчи представляют собой «сгустки» мыслей, облеченных в символическую, требующую расшифровки форму» [Габдуллина, 2006, с. 3]. Для прочтения шукшинских текстов наиболее актуальным, на наш взгляд, является именно символический смысл. «На метафорическом уровне в сюжете притчи обнаруживаются следующие смысловые узлы: **отпадение человека от Бога (веры) – искушение его плоти и духа – духовная смерть – покаяние – воскресение, возвращение в Дом Отца**» (выделено В.Г.) – пишет В. Габдуллина [Габдуллина, 2006, с. 5].

В современном литературоведении наблюдается неоднозначность толкования проблемы веры в мировоззрении и творчестве В.М. Шукшина: исследователи признают его как носителем православного сознания, так и атеистом, и даже чуть ли не язычником. В.Ф. Горн, стоявший у истоков отечественного шукшиноведения, писал: «Пришла возможность сказать, что христианская культура все более находила в Шукшине своего художника, для которого нравственные заповеди были основой его отношения к миру. Христианская культура в сознании Шукшина удивительным образом сближалась с крестьянской культурой, с ее восприятием красоты, добра, с ее совестливостью и утверждением правды»¹.

Обычно считается, что вера формируется в детстве. Бывает, что юность несет утрату веры, но именно детские воспоминания питают, живят душу человека. Детская вера – это не только религиозная вера, но и вообще свет детства: родители, семья. У Шукшина, так уж сложилось, в детстве было мало гармонии и радости. Отца репрессировали, когда писатель был ребенком. Да и у Макара Шукшина были сложные отношения с религией. «В рабочих тетрадях Шукшина сохранился набросок «Отец», посвященный Макару Леонтьевичу. В освещении Шукшина едва ли не самой существенной черточкой в характере отца оказалась странная неприязнь того к попу» – отмечает А.И. Куляпин [Куляпин, 2009, с. 12].

На мать, кроме тягот материального характера, легло клеймо жены врага народа. Не случайно, пишут биографы Шукшина, эта боль, чувство ущемленного человеческого достоинства, ранимость, ощущение обиды у писателя было с детства. С детства же самое светлое: воспоминания о матери, сестре, алтайской природе. И еще: при-

¹ Цит. по: Левашова О.Г. «Верую» // Шукшинская энциклопедия. Барнаул, 2011.

стальный взгляд на человека, недоумение о человеческой злости и жестокости – это тоже у писателя с детства. «Шукшинская душевная боль имела явно общероссийские масштабы, мы унаследовали эту боль от собственных матерей и погибших отцов», – писал о детстве писателя Василий Белов [Белов, Заболоцкий, URL].

Свой уход из деревни в голодном 1947 году Шукшин воспринимал почти как бегство, но при этом не было никакой уверенности, что в деревне выживут оставленные им сестра и мать, продавшая единственную кормилицу-корову, чтобы отправить в город сына. И в биографии, и в художественном творчестве Шукшина уход человека из родного дома (сюжетный элемент «отпадения» в притче) всегда вынужденный, а не своевольный. Мать отправляет сына в город, где его ждут искушения, где ему, возможно, придется «питаться рожками», только потому, что в деревне, в родном доме, ему вообще не выжить.

Уход из родного дома в сознании Шукшина был предательством: *«Но произошла нравственная гибель человека... Так случилось, что он ушел от корней, ушел от истоков, ушел от матери. И уйдя – предал. Предал! Вольно или невольно, но случилось предательство, за которое он должен был заплатить. Вопрос расплаты за содеянное меня живо волнует»* [Шукшин, 2009, т. 8, с. 167], – говорил Василий Макарович о судьбе Егора Прокудина, героя фильма «Калина красная» и одноименной киноповести.

Современному человеку эти муки совести покажутся непонятным анахронизмом, но в творчестве Шукшина это станет важной линией, едва ли не основным мотивом блудного сына. Однако трагедия ситуации в том, что у шукшинского героя нет измерения Неба и небесного Отца. А в деревне блудного сына никто не ждет, кроме матери. Кроме матери ему некому сказать: я согрешил перед небом и пред тобою. Мать может простить сына, но она не может отпустить сыну грех, грех должен отпустить Кто-то другой...

Примечательно, что Егор Прокудин в «Калине красной» не открывается матери при встрече. Время и грех разделили самых близких людей. Они чужие, и в этом невыносимо трудно признаться. Но гениальная сцена документальной съемки бабушки Быстровой – «Куделихи» показывает истинную трагедию героев – они не родные. Этот документальный момент как бы разрывает художественную реальность. Героями пережито, прожито так много, что просто «родная кровь» не может быть основанием родства. В этом подлинная трагедия фильма. Да, Егор рыдает и кричит в иступлении: *«Господи, прости меня!»* На фоне храма. Но храм поруган и без креста...

Сам Шукшин так говорит об этом кульминационном моменте

фильма: *«Посещение матери, как мне кажется, вывело его мятущуюся душу на вершину понимания. Он увидел, услышал, узнал, что никогда не замолить ему величайшего из человеческих грехов – греха перед матерью, никогда уже его больная совесть не заживет. Это понимание кажется мне наиболее поучительной минутой его судьбы. Но именно с этой минуты в него и вселяется некое безразличие ко всему, что может отнять у него проклятую им же самим собственную жизнь»* [Шукшин, 2009, т. 8, с. 136]. В христианстве это «некое безразличие», возникшее от представления о том, что «этот грех не замолить», и тем более проклятие самого себя, именуется отчаянием, и это одно из тяжелейших греховных состояний – болезней души.

Вера позволила бы понять, куда идти блудному сыну. Именно она помогала сохраниться среди не меньших жизненных испытаний русским писателям – Достоевскому, Шмелеву, Чехову. Но в воспоминаниях детства Шукшина нет памяти о Церкви, лишь разрушенные и поруганные храмы. Поруганный храм в творчестве писателя, в том числе и в «Калине красной», – это не просто некая аллегория и аллюзия. Поруганный храм – это реальная часть интерьера русского пейзажа конца XX века. В центральной России не было села без остова разрушенного храма. Хотя Шукшин был крещен и был крестным своих племянников, воспитание его проходило в годы безбожных пятилеток. Поэтому у Шукшина нет не только образа пастыря, но нет даже образов благочестивых верующих людей – того, что грело и спасало Шмелева – это детство и вера в Россию – он видел действительно лучших людей – русский верующий народ. Позже друг и духовно близкий Шукшину Василий Белов с горечью скажет: *«Долог и труден наш путь к Богу после многих десятилетий марксистского атеизма. Двигаться по этому пути надо хотя бы с друзьями, но колоннами к Богу не приближаются. Коллективное движение возможно лишь в противоположную сторону...»* [Белов, Заболоцкий, URL].

Наверное, поэтому почти все верующие христиане в творчестве Шукшина изображены в карикатурном виде, особенно «новообращенные». Даже беспутный, несостоявшийся массовик-затейник Гена Пройдисвет, когда пытается «вывести на чистую воду» своего уверовавшего дядю Гришу, странным образом оказывается нравственно выше обратившегося к Богу дяди. Пусть вера дяди наивна, в чем-то невежественна и даже корыстна, но по крайней мере, это все-таки путь, а не застой. А Гена своим эксцентричным поведением будто бы доказывает: лжет дядя, и ни в какого Бога не верит. От этого открытия на душе у Гены становится, кажется, даже несколько спокойней.

В рассказе «Письмо»: *«Старухе Кандауровой приснился сон: молится будто бы она Богу, усердно молится, а – пусто у углу: иконы-то в углу нет. И вот молится она, а сама думает: «Да где же у меня Бог-то?»»* [Шукшин, 2014, т. 5, с. 202]. Утром старушка пошла к подруге, чтобы «разгадать» сон, а та ей напомнила, что это она сама спрятала икону в шкаф, стесняясь партийного зятя. Но Шукшин мастерски переводит эту сцену в бытовую перепалку, старую деревенскую распрю – этот прием как бы показывает читателю: стыд от предательства веры тут ни при чем – просто обычные человеческие дразги, а спрятанная икона – лишь повод для Ильичихи выместить старую неприязнь. Старуха же Кандаурова оправдана автором в этом рассказе уже тем, что она *мать*. Боль и страдания матери как бы прощают ей пусть незначительное, но все же предательство веры.

Герои Шукшина даже перед лицом смерти, уже чувствуя присутствие чего-то Высшего¹, отвергают веру и Бога. В правдивом, великольном с художественной точки зрения рассказе «Как помирал старик» на предложение жены: *«Я позову Михеевну – пособорует»*, – умирающий старик отвечает: *«Пошли вы!.. Шибко он мне много добра сделал...»* [Шукшин, 2014, т. 3, с. 113]. Он – это, конечно, Бог. Старика хватает лишь на то, чтобы попросить прощения у старухи-жены. Перед читателем – картина религиозного опустошения. «Соборует» в деревне Михеевна. Это тоже реалии советской деревни. При невозможности крестить младенца, за отсутствием священника, этот обряд совершали старушки – «погружали». Но часто такие старушки «превышали свои полномочия» и пытались совершать и другие священнодействия.

Особо хочется сказать об образах духовенства в рассказах Шукшина. Об одержимом, неверующем попе из рассказа «Верую!..» написано много². Оценки этого персонажа весьма различны. Сам Шукшин говорил в интервью для итальянского журнала, что *«в строгом смысле это выдуманная вещь <...>. Чтобы кормить наш разум, мы получаем очень много пищи, но не успеваем ее переваривать или плохо перевариваем, отсюда сумбур у нас полнейший...»* [Шукшин, 2009, т. 8, с. 173]. Далее Шукшин говорит, что от этого сумбура – душевная тоска. И вот в такой тоске истомленный, отчаявшийся ге-

¹ Например, в рассказе «Земляки»: *«Стариковское дело – спокойно думать о смерти. И тогда-то и открывается человеку вся сокрытая, изумительная, вечная красота Жизни. Кто-то хочет, чтобы человек напоследок с болью насытился ею. И ушел».*

² См., например, исследования В.Ф. Горна (Горн В.Ф. Василий Шукшин. Штрихи к портрету. М., 1993. И др.) и О.Г. Левашовой (Левашова О.Г. «Верую» // Шукшинская энциклопедия. Барнаул, 2011).

рой рассказа Максим приходит к попу. Но вместо хлеба получает камень. Шукшин тщательно скрывает авторское отношение к попу, но важная деталь – поп несет в себе тлен. Его отчаяние – отчаяние неверующего человека, который осознает себя обреченным на смерть: *«У попа что-то такое было с легкими – болел. <...> Болезнь не успела еще перекусить тугие его жилы»* [Шукшин, 2014, т. 5, с. 228]. Образ попа несет в себе inferнальные черты, бесовскую прелесть. Жития святых повествуют, что когда бесы соблазняли неопытного подвижника ложными знамениями веры, они либо ниспровергали прельщенного в пропасть, либо доводили до убийства или самоубийства, либо заставляли пуститься в неистовый пляс¹. Очевидно, это же происходит с героями Шукшина, поп говорит об обреченности человека². Круг замыкается не только в философском смысле: *«И трое во главе с яростным, раскаленным попом пошли, приплясывая, кругом, кругом. Потом поп, как большой тяжелый зверь, опять прыгнул на середину круга, прогнул половицы...»* [Шукшин, 2014, т. 5, с. 230] – не случайно в этом бесновании поп «яростный и раскаленный», а сама пляска не – пляска радости, а пляска отчаяния и смерти: *«поп и Максим, плясали с такой с какой-то злостью, с таким остервенением, что не казалось и странным, что они пляшут. Тут или плясать, или уж рвать на груди рубаху и плакать и скрипеть зубами»* [Шукшин, 2014, т. 5, с. 230].

Но есть у Шукшина и положительные образы духовенства, как ни трудно было в те годы представить его хоть в чем-то положительным. В рассказе «Мастер» снижение образов духовенства – не авторская позиция, таким духовенство видится Семке, который сам предает красоту – церковь. Семка – прекрасный мастер, но он не может понять истинной трагедии поругания и запустения храмов на Руси. Хотя для митрополита и священника истинная причина очевидна – она в утрате народом веры (отпадение). Герой желает просто восстановить церковь «для красоты». Он даже не помышляет, что там должно светиться и гореть пламя молитвы. Он очень хочет понять древнего мастера. Но не в состоянии этого сделать, так как древний мастер был вдохновлен верой. Семке невдомек, что старик-митрополит, которого он посещает, – мученик, явно прошедший сталинские лагеря. Ему непонятно, почему и батюшка, и митрополит с

¹ См.: Жития святых на русском языке, изложенные по руководству Четий-Миней св. Димитрия Ростовского. М., 1905. Кн. 6.

² Об этом писала и О.Г. Левашова в докторской диссертации (Левашова О.Г. Шукшинский герой и традиции русской литературы XIX века: Ф.М. Достоевский и Л.Н. Толстой: автореф. дис. ... д-ра. филол. наук. Барнаул, 2003).

надеждой спрашивают: тебя народ послал? Ты верующий? А после слов митрополита: *«А что говорил с нами, про то не пишете. И не говори нигде. Это только испортит дело»*, – Семка совсем теряется: *«Лучше всего иметь дело с родной Советской властью. Эти попы темнят чего-то...»* [Шукшин, 2014, т. 5, с. 168]. Помрачение героя очевидно. Он просто даже не понимает, что происходит на родной земле, и на занятые у попа деньги покупает вино. Шукшин показывает, как шаг за шагом народ, лишенный веры, предаёт истинную красоту, умирает духовно.

В 60-е годы в советском искусстве растёт запрос на безрелигиозных праведников. Антирелигиозная пропаганда внушала – ты честно потрудился, честно жил. А теперь спокойно помирай. Жизнь закончена. Но герои Шукшина не обретают покоя в этой советско-колхозной «праведности». Им мало даже того, что они не ловчили, не лгали, не выгадывали. Они не приемлют языческого, «естественного» восприятия смерти как «мудрой» природной данности. В рассказе «Думы» главный герой – председатель колхоза, тот самый мирской праведник. Но он безоружен перед тайной жизни и смерти. С конца 60-х годов эта гнетущая, экзистенциальная тоска мучает всех героев Шукшина. Они не понимают, зачем жили, и не хотят умирать.

Смерть присутствует почти во всех рассказах Шукшина. Смерть – это и самоубийство («Сураз», «Жена мужа в Париж провожала»), и «просто смерть» («Как помирал старик», «Земляки», «Осенью», «Залетный»). Многие герои как бы «примеривают» смерть: «Думы», «Хозяин бани и огорода», «Алеша Бесконвойный». Не получается у героев Шукшина благостно встретить смерть. Смерть для них – это неправда, это зло. Для человеческого естества, для души и тела смерть враждебна и противоестественна. Смертельно больные люди, глубокие старики все равно хотят жить. Для них невозможно примирение со смертью ни в детях, ни в добрых делах, ни в памяти окружающих. Они жаждут личного вечного бытия, но такое бытие даёт лишь Бог, Церковь и вера.

О трех жизнях мечтает Егор Прокудин, хоть полгода жизни прожит умирающий Санька. Старик Григорий из «Земляков» говорит: *«Жалко... не нажился, не устал. Не готов, так сказать... А так бы и пристроился где-нибудь, чтоб и забыли про тебя, и так бы лет двести!»* [Шукшин, 2014, т. 3, с. 146]. Даже явно несимпатичные герои Шукшина («Билетик на второй сеанс») именно в желании жизни, земного бытия приобретают некие положительные черты. Однако это желание жить, во что бы то ни стало, с полным попранием всех нравственных норм, бывает в героях Шукшина и омерзительным: тубер-

кулезный поп провозглашает свое *«Верую! – «В барсучье сало, в бычачий рог, в стоячую оглоблю-у! В плоть и мякоть телесную-у!..»* [Шукшин, 2014, т. 5, с. 229]. Составляющие уродливого «символа веры» «городского попа» имеют не просто плотские, а грубо-эротические аллюзии. Эта животная жажда жить во что бы то ни стало роднит одержимого попа с убийцей из рассказа «Охота жить».

Желание жить у героев Шукшина не только оттого, что «не посмотрелся», «не нарадовался» окружающему миру, глубинный смысл этого желания – понять сокровенный смысл жизни. Это хочет понять и сам автор – что же главное, основное не смог сделать в своей жизни даже самый честный человек – труженик, такой, как дядя Ермолай из одноименного рассказа. *«И дума моя о нем — простая: вечный был труженик, добрый, честный человек. Как, впрочем, все тут: дед мой, бабка. Простая дума. Только додумать я ее не умею, со всеми своими институтами и книжками. Например: что, был в этом, в их жизни, какой-то большой смысл? В том именно, как они ее прожили. Или – не было никакого смысла, а была работа, работа... Работали да детей рожали. Видел же я потом других людей... Вовсе не лодырей, нет, но... свою жизнь они понимают иначе. Да сам я ее понимаю теперь иначе! Но только когда смотрю на эти холмики, я не знаю: кто из нас прав, кто умнее? Не так – не кто умнее, а – кто ближе к Истине. И уж совсем мучительно – до отчаяния и злости — не могу понять: а в чем Истина-то? Ведь это я только так – грамоты ради и слегка из трусости – величаю ее с заглавной буквы, а не знаю – что она? Перед кем-то хочется снять шляпу, но перед кем? Люблю этих, под холмиками. Уважаю. И жалко мне их»* [Шукшин, 2014, т. 5, с. 381].

Желание бытия велит и автору, и персонажам снять шапку перед «Кем-то». Не случайно Шукшин говорит об Истине с большой буквы. *«В чем Истина-то?»* – но это не вопрошание Пилата, который видит пред собой Путь, и Истину и Жизнь, и тем не менее обрекает Христа на распятие. У Шукшина и его героев это искреннее вопрошание Экклезиаста.

Шукшин вовсе не возвеличивал, не идеализировал, не ставил в пример в качестве образцов нравственных совершенств своих «чудиков». Вообще для рассмотрения феномена «чудиков» в современной русской литературе от Шукшина до миниатюр Анатолия Трушкина в исполнении земляка Шукшина, ныне покойного М. Евдокимова, необходимо обратиться к искусству века XIX: к творчеству И.Н. Крамского и Ф.М. Достоевского.

Ф.М. Достоевский в романе «Братья Карамазовы» дает очень

любопытную характеристику картине Крамского «Созерцатель»: *«изображен лес зимой, и в лесу, на дороге, в оборванном кафтанишке и лаптишках, стоит один-одинешенек, в глубочайшем уединении, забредший мужичонка, стоит и как бы задумался, но он не думает, а что-то «созерцает». Если б его толкнуть, он вздрогнул бы и посмотрел на вас, точно проснувшись, но ничего не понимая. Правда, сейчас бы и очнулся, а спросили бы его, о чем он это стоял и думал, то, наверно, бы ничего не припомнил, но зато, наверно, бы затаил в себе то впечатление, под которым находился во время своего созерцания. Впечатления же эти ему дороги, и он, наверно, их копит, не приметно и даже не сознавая, – для чего и зачем, конечно, тоже не знает: может вдруг, накопив впечатлений за многие годы, бросит все и уйдет в Иерусалим скитаться и спасаться, а может, и село родное вдруг спалит, а может быть, случится и то и другое вместе. Созерцателей в народе довольно»* [Достоевский, 1976, т. 14, с. 116–117].

Еще более важным нам кажется комментарий И.Н. Крамского к картине «Полесовщик» в письме к П.М. Третьякову: *«Мой этюд в простреленной шапке по замыслу должен был изображать один из тех типов (они есть в русском народе), которые много из социального и политического строя народной жизни понимают своим умом и у которых глубоко засело неудовольствие, граничащее с ненавистью. Из таких людей в трудные минуты набирают свои шайки Стеньки Разины, Пугачевы, а в обыкновенное время они действуют в одиночку, где и как придется: но никогда не мирятся»* [Крамской, URL].

Двигатель героя Крамского и многих героев Шукшина один – «неудовольствие, граничащее с ненавистью». Сходство эпох – отмена крепостного права, разрушение быта русской общины в середине XIX века, утрата веры частью крестьянства вслед за интеллигенцией. Именно так объясняет и Шукшин героя рассказа «Срезал»: *«Человек при дележке социальных богатств решил, что он обойден, и принялся мстить...»* [Шукшин, 2009, т. 8, с. 172].

Вот подлинная духовная трагедия героев Шукшина – отсутствие внутренней мотивации, обусловленной верой. Герой может поехать за тридевять земель рассказать больной племяннице сказку, а может ни с того ни с сего свалить церковь. Без веры, без Истины человек не только иссыхает, тоскует, надрывается – он становится уязвим для сил зла. Не могут бесы без участия Ивана-дурака проникнуть в монастырь. И ради никчемной справки, а точнее, ради прописки с «интеллигентными» соседями в уютной столичной библиотеке Иван сдает и попирает главную народную святыню – Церковь.

Мятущиеся «чудики» вовсе не так безобидны, как кажется на первый, невнимательный взгляд. И прежде всего для себя самих и своей семьи. В споре с женой за субботнюю баню Алеша готов едва ли не на самоубийство. Не случайно баня бывает в субботний вечер, накануне воскресенья, – это время церковной молитвы – Всенощного бдения. Для Алеши баня и есть, кажется, своего рода церковь, омовение и тела и души. Но плохо омывается душа в воспоминаниях о блудном грехе с мошенницей Алей. Ему невдомек, что этот нераскаянный блуд с юности иссушил его душу, исказил жизнь. Блудные воспоминания об Але – истинное наполнение банного действия. В отсутствие церкви героем «сакрализуется» баня – место, по народным поверьям, нечистое, маргинальное¹.

С православной точки зрения, главное в жизни человека – это любовь. И *«в последнее время Алеша стал замечать, что вполне осознанно любит»* [Шукшин, 2014, т. 6, с. 101]. Герой, казалось бы, живет сокровенной внутренней жизнью: он любит своих детей, любит и понимает природу. А в реальной жизни Алеша не любил свою первую, умершую жену, не любит и вторую, родившую ему пятерых детей. Симптоматично, что детей он не рождает, а «мастерит»: чудо рождения новой жизни низводит до обидного физиологизма. Детей он любит, но так, что никто не знает об этой любви: *«Алеша любил детей, но никто бы никогда так не подумал, что он любит детей: он не показывал. Иногда он подолгу внимательно смотрел на какого-нибудь, и у него в груди ныло от любви и восторга. Он все изумлялся природе: из чего получился человек?! Ведь ни из чего, из малой какой-то малости»* [Шукшин, 2014, т. 6, с. 95]. Духовно Алеша отчужден от детей. Он не находит, о чем перемолвиться с сыном-подростком, жалеет лишь о том, что не передал сыну любви к бане.

Ритуальное омовение, в которое превращается для героя посещение субботней бани, травестирует таинство Крещения. Крещение призвано смыть все грехи человека, в том числе и первородный. С Алешей этого не происходит: он не раскаивается в блудном грехе, ночь с Алей остается для него самым сладким воспоминанием.

Таким образом, в художественном мире В.М. Шукшина притча о блудном сыне играет важную сюжетобразующую роль. Герои Шукшина поистине «Блудные дети, двести лет не бывшие дома». Автор репродуцирует все основные сюжетные узлы, составляющие

¹ О мифопоэтике рассказа см.: Дубровская В.В. «Алеша Бесконвойный»: опыт мифологизированного прочтения рассказа Шукшина // В.М. Шукшин. Жизнь и творчество. Барнаул, 1992.

притчу: **отпадение человека от Бога (веры), искушение его плоти и духа, духовная смерть** и даже стремление к **покаянию**, к переосмыслению собственного бытия некоторых его героев. Отсутствует лишь последний, самый главный узел: **воскресение, возвращение в Дом Отца**. Шукшинские герои страдают от собственной богооставленности, невозможности воссоединения с Отцом небесным. Они переживают ощущение «тотальной смыслоутраты» (А.И. Куляпин), связанное с утратой собственных корней, Дома в высшем смысле слова.

Вряд ли герои Шукшина в прямом смысле слова «положительные». И в то же время, без сомнения, автор любил своих героев. Даже в явно биографических рассказах Шукшин честно показывает самые неприглядные черты своего героя, и крайне редко в его творчестве бывает так, что отрицательные персонажи не заслуживают жалости. Жалко и Тимофея Худякова из рассказа «Билетик на второй сеанс», и старика Баева из «Беседы при ясной луне». Лишь перед немотивированной жестокостью и бесчеловечностью отступает автор. Отец и сын из «Обиды», прокурор из рассказа «Мой зять украл машину дров», «горилла» из «Бори» лишены не авторского сочувствия, они лишены *понимания* – в своей немотивированной ненависти, в крайнем проявлении бесчеловечности они как бы становятся за чертой уразумения их поступков. В документальном рассказе «Кляуза» автор-повествователь тщетно пытается вспомнить лицо вахтерши. Эта невозможность вспомнить человеческое лицо героини на протяжении рассказа приводит героя к печальному вопросу: «Что с нами происходит?». Страшно не только то, что обидчица-вахтерша «потеряла лицо». Страшно и то, что обиженный автор-повествователь *не смог рассмотреть* в ней этого человеческого лица. В этом подлинная сюжетная коллизия рассказа.

В идеальном измерении человеческое лицо – это *лик, образ Божий* в человеке. И тайна притягательной силы творчества Шукшина заключается в том, что он стремится проявлять этот лик в своих героях. Образ Божий, порой скрыто, неотчетливо, но явлен в «чудиках», несмотря на их греховное помрачение. Герои Шукшина часто идут против своей выгоды, при этом в их поступках не прослеживается и выгоды для «общественного блага», тем не менее их поступки, порой нелепые, возвышают их, отрывают от земли, от мира дольного.

Это делает героев Шукшина, что уже отмечалось, сродни героям Достоевского. Подпольный человек Достоевского также иррационален. Никто не сможет назвать подпольного человека «положительным героем», но именно этот герой, а не болконские с левиными раз-

венчал ложь и бесперспективность материалистической позитивистской концепции человека. Как подпольный человек, так и герои Шукшина не желают становиться винтиками и колесиками, пусть даже в самом совершенном механизме человеческого счастья.

Православное богословие говорит нам о вечности и неизгладимости образа Божия в *каждом* человеке. Подобие Божие человек может и потерять, да так, что даже уподобится «скотом несмысленным». Но даже в самой ужасающей действительности, разорении, голоде, заточении вдруг в самом маленьком человеке начинает блистать этот Божественный свет. Именно поэтому даже самый бездумный, глупый, иррациональный поступок героя Шукшина являет в нем блик Истины, да так, что и нас самих это заставляет вспомнить о нашем человеческом достоинстве.

Способность видеть в каждом человеке за обезображенным грехом естеством образ Божий есть свидетельство истинной просвещенности Светом Христовой истины. «Светильник для тела есть **око**. Итак, если **око** твое будет **чисто**, то все тело твое будет светло» (Матф. 6:22). Старцы, которые принимали и принимают в монастырях многочисленных посетителей, вопреки распространенному даже среди верующих мнению, обращают свое внимание в человеке не ко греху, не к страстям, которые временны и случайны, но к вечному образу Божию в человеке.

Именно это – Образ Божий открывает в своих героях и Шукшин, пусть и не называя по имени, пусть и сам до конца не осознавая то, что он показал и открыл... И именно этим так притягательно для нас его творчество: его герои нам родны и дороги. И это непрестанное прозревание в человеке Божественного образа делает Шукшина представителем религиозного реализма в русском искусстве – того реализма, который Достоевский называл «реализмом в высшем смысле»¹.

Литература

Белов В., Заболоцкий А. Шукшин в кадре и за кадром. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.booksite.ru/fulltext/tya/zhe/sty/2.htm>

Габдуллина В.И. Мотив блудного сына в произведениях Ф.М. Достоевского и И.С. Тургенева. Барнаул, 2006.

Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30-ти тт. Л., 1976. Т. 14.

¹ «Меня зовут психологом, – отмечал Ф.М. Достоевский в “Записных тетрадях” 1880 года, – неправда, я лишь реалист в высшем смысле, то есть изображаю все глубины души человеческой».

Крамской Иван Николаевич. [Электронный ресурс]. URL: http://art.liim.ru/hr/hr09_05.html

Куляпин А.И. Oral history: идейная структура рассказа В.М. Шукшина «Миль пардон, мадам!» // Филология и человек. 2009. № 2.

Шукшин В.М. Собрание сочинений: в 8-ми тт. Барнаул, 2009.

Шукшин В.М. Собрание сочинений: в 9-ти тт. Барнаул, 2014.

АНАЛИЗ ПРЯМЫХ ИДЕНТИФИКАТОРОВ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ОБРАЗА ЖЕНЩИНЫ-КИТАЯНКИ В РОМАНЕ Э. ТЭН «THE JOY LUCK CLUB»

Е.А. Постникова

Ключевые слова: художественный образ, прямой идентификатор, контекст, женщина-китаянка, Китай, США.

Keywords: literary image, character, direct identifier, context, Chinese woman, China, the USA.

Женские образы волнуют человечество с давних пор, ведь, по словам поэта В. Бенедиктова, женщина – это «непостижимое создание» [Бенедиктов, URL]. В данной статье мы обращаемся к образу женщины-китаянки, воссоздаваемому в одном из наиболее ярких образцов азиатско-американской литературы – романе «The Joy Luck Club» американской писательницы китайского происхождения Эми Тэн [Tan, 2003]. Существует множество определений художественного образа [Борисова, 2009, с. 23; Виноградов, 1981, с. 107; Храпченко, 1982, с. 79]. Нами художественный образ понимается «как результат отражения реалии в языке и сознании и как единица лексико-семантической системы», аккумулирующая различные признаки реалии и выражающаяся «соответствующими лексическими средствами» [Илюхина, 1999, с. 372].

В любой лингвистической работе важным является отбор исследовательского материала, поскольку «степень достоверности исследования во многом определяется не только выбором научной стратегии, но и самим материалом» [Вендина, 2002, с. 45]. Вместе с тем анализ публикаций, посвященных лингвистическому изучению художественных образов, показал, что в большинстве из них особого внимания критериям отбора материала не уделяется. В частности, в диссертации Л.М. Козеняшевой (2006), посвященной изучению образа слуги в английской литературе XIX–XX веков, и в работе Е.Б. Борисовой (2010),

анализирующей художественные образы природы и человека в английской литературе XX века, методика отбора исследовательского материала не представлена.

В настоящей статье раскрывается принцип отбора контекстов для изучения художественного образа женщины-китайки в романе Эми Тэн «The Joy Luck Club». Под контекстом понимается фрагмент художественного произведения (1–2 предложения), содержащий определенные лексические единицы, которые указывают на избранный для анализа художественный образ [Лютянский, 2011, с. 3]. Такие лексические единицы мы называем идентификаторами.

Выделяется три следующих типа идентификаторов: 1) прямые, 2) контекстуальные, 3) косвенные, которые либо самостоятельно, либо в комбинации друг с другом обнаруживаются в контексте и тем самым служат основанием для его включения в исследовательский корпус. Подобный принцип отбора материала впервые был использован при исследовании концептов в работах О.Г. Згазинской (2008), Т.С. Бабарыкиной (2010), однако представляется возможным применить данный принцип и для исследования художественного образа.

В статье рассматриваются только прямые идентификаторы образа женщины-китайки в заявленном художественном произведении.

Прямой идентификатор – это лексическая единица, которая и в словарном, и в контекстуальном значении является наименованием лица женского пола. Например: *girlfriend, Lena, maid, mother* и др. Прямые идентификаторы определили включение 2828 контекстов из романа Эми Тэн «The Joy Luck Club» в исследовательскую картотеку: «*Aunti An-mei runs this way and that,*» said my *mother*, «and *she doesn't know why.*» [Tan, 2003, p. 10].

Прямые идентификаторы репрезентированы шестью группами единиц.

В первую, наиболее многочисленную, группу прямых идентификаторов входят женские имена собственные (43 идентификатора или 37% от общего числа прямых идентификаторов), которые встречаются в романе.

Прямые идентификаторы данной группы делятся на ряды по двум признакам: структурному и генетическому.

По структурному признаку прямые идентификаторы – женские имена собственные подразделяются на два ряда. В первый ряд входят однокомпонентные женские имена (13 ед., 31% от числа прямых идентификаторов группы имен собственных): *Waverly* (38), *Lindo* (31), *Ying* (27), *Lena* (18), *Shoshana* (18), *Suyuan* (12), *June* (7), *Janice* (6), *Lili* (6), *Rose* (6), *Ruth* (5), *Lisa* (4), *Linda* (1).

Однокомпонентные прямые идентификаторы представлены как полными, так и краткими формами личных имен: *Lindo* (31) – *Lin* (24), *Suyuan* (12) – *Su* (5). Например: *I had some help from Auntie Suyuan. Auntie Su was my mother's friend from way back.* [Tan, 2003, p. 98].

Ко второму ряду относятся многокомпонентные женские имена (30 ед., 69%): *An-Mei* (68), *Huang Taitai* (44), *Yan Chang* (33), *Mei Ching* (6), *Jing-Mei* (5), *China Mary* (4), *Ying-Ying* (4), *Lindo Jong* (3), *Waverly Jong* (3) и др. Например: «*So, **Jing-mei**, you go to school now?*» says Auntie Lin [Tan, 2003, p. 14].

Прямые идентификаторы – многокомпонентные имена собственные состоят из двух или трех компонентов. При этом компонентом может служить личное имя, фамилия, а также часть личного имени или фамилии. Таким образом, прямыми идентификаторами – многокомпонентными именами собственными в романе являются:

а) многокомпонентные личные имена, состоящие из двух компонентов с раздельным написанием или через дефис: *An-Mei*, *Chwun Hwa*, *Chwun Yu*, *Jing-Mei*, *June May*, *Yan Chang*, *Ying-Ying*;

б) комбинации однокомпонентного личного имени и однокомпонентной фамилии: *Lindo Jong*, *Lindo Sun*, *June Woo*, *Li Suyuan*, *Lisa Lum*, *Mei Ching*, *Suzie Wong*, *Waverly Jong*;

в) комбинации однокомпонентного личного имени и многокомпонентной фамилии: *Betty St. Clair*, *Lena St. Clair*, *Rose Hsu Jordan*. Такие комбинации встречаются в заголовках рассказов: *Lena St. Clair. Rice Husband*;

г) комбинации многокомпонентного личного имени и однокомпонентной фамилии: *An-Mei Hsu*, *Gu Ying-ying*, *Jing-Mei Woo*, *Wang Chwun Hwa*, *Wang Chwun Yu*;

д) комбинация многокомпонентного личного имени и многокомпонентной фамилии: *Ying-Ying St. Clair*.

В состав многокомпонентных женских имен собственных входят также обращения в форме неособобленного приложения *Mrs.* (2), *Taitai* («старшая жена») (44) и прозвища *China* (4), *Old Lady* (1). Например: «*Mrs. Chan told me at church*» [Tan, 2003, p. 13].

Заметим, что в отдельных случаях прозвище комбинируется с именем, образуя двухкомпонентную единицу *China Mary*, а также комбинируется с именем и фамилией, образуя трехкомпонентный антропоним *China Mary Chan*. Например: «*Eat more,*» she insisted, and then she nudged me with a little spiral-bound book hand-titled «*Cooking the Chinese Way by China Mary Chan*» [Tan, 2003, p. 105].

При классификации прямых идентификаторов – женских имен собственных по происхождению выделяются три ряда имен:

– китайские (20): *Yan Chang* (33), *Lindo* (31), *Suyuan* (12), *Mei Ching* (6), *Jing-Mei Woo* (4), *Gu Ying-Ying* (1) и др.;

– американские (12): *Waverly* (38), *Shoshana* (18), *June* (7), *Janice* (6), *Ruth* (5), *Betty St. Clair* (1) и др.;

– смешанные (11). В смешанных именах один из компонентов, репрезентирующих фамилию, имя или обращение в форме необособленного приложения, является английским по происхождению, а другой – китайским: *China Mary* (4), *Waverly Jong* (3), *Lisa Lum* (2), *Rose Hsu Jordan* (2), *Ying-Ying St. Clair* (2), *June Woo* (1), *Mrs. Chan* (1), *Suzie Wong* (1), *China Mary Chan* (1), *Old Lady Chong* (1). Среди смешанных имен выделяются только многокомпонентные женские имена собственные.

Представим изложенный материал в виде таблицы.

Китайские женские имена собственные (20 ед., 48%)		Американские женские имена собственные (12 ед., 28%)		Смешанные женские имена собственные (10 ед., 24%)	
Однокомпонентные	Многокомпонентные	Однокомпонентные	Многокомпонентные	Однокомпонентные	Многокомпонентные
4 ед., 10%	16 ед., 38%	9 ед., 21%	3 ед., 7%	–	10 ед., 24%

Таблица 1. Женские имена собственные в романе Э. Тэн «*The Joy Luck Club*»

Объясняя многочисленность данной группы прямых идентификаторов, заметим, что в картине мира любого языка имена занимают уникальное положение. Они являются одними из первых слов, которые усваивает человек [Рылов, 2010, с. 6]. А.В. Суперанская подчеркивает, что имя – это «предмет духовной культуры», оно может быть однозначно соотносено с культурой и культурно-исторической традицией того или иного народа [Суперанская, 1973, с. 41–42].

В семьях традиционного Китая к выбору имени подходили очень ответственно; считалось, что имя определяет судьбу или предназначение человека. В китайской традиции каждое личное имя всегда имеет определенное значение. «*And what about my name*», *I ask*, «*what does 'Jing-mei' mean?*» «*Your name also special*,» *he says*. <...> «*'Jing' like excellent jing. Not just good, it's something pure, essential, the best quality. Jing is good leftover stuff when you take impurities out of something like gold, or rice, or salt. So what is left – just pure essence. And 'Mei,' this is common mei, as in meimei, 'younger sister'*» [Tan, 2003, p. 162].

Одна из героинь романа, мать-китаянка, подыскивая имена своим детям, родившимся в США, по традиции старалась найти для них наиболее благозвучные имена в английском языке, вкладывая свой смысл в каждое имя: « *I named him [the son] **Winston** because I liked the meaning of those two words «**wins ton**». I wanted to raise a son who would win many things, praise, money, a good life. <...> I named him **Vincent**, which sounds like «**win cent**», the sound of making money, because I was beginning to think we did not have enough. <...> I didn't want you to regret anything. And that's why I named you **Waverly**. It was **the name of the street** we lived on. And I wanted you to think, This is where I belong. But I also knew if I named you after this street, soon you would grow up, leave this place, and take a piece of me with you» [Tan, 2003, p. 152].*

Американцы, в отличие от китайцев, не ассоциируют имя человека с его судьбой, не умаляя при этом важность выбора имени для человека. Имя в западной культуре – скорее дань моде, нежели значение, предопределяющее судьбу человека [Суперанская, 1973, с. 42; Lieberson, 2000]. Западная культура более практична и прямолинейна в отличие от многозначной эмоциональной восточной культуры.

В романе встречается равное соотношение китайских и американских женских имен. Этот факт, а также наличие смешанных женских имен собственных, указывает на диалог культур – китайской и американской – постоянно ведущийся в художественном произведении. Американская исследовательница Виктория Чэн отмечает тот факт, что и автор, и ее героини характеризуют свою культурную принадлежность как двойную [Chen, 2000, p. 83]. А.В. Суперанская указывает, что «невозможно назвать ни одного языка, собственные имена которого состояли бы из одних лишь национальных слов» [Теория и методика..., 2007, с. 25]. Наличие смешанных имен собственных тем более оправдано в американском социуме, представляющем собой сплав разных национальностей и культур.

Во вторую группу прямых идентификаторов включены наименования лиц женского пола по признаку семейного положения (17 ед., 15%): *wife* (38), *widow* (7), *girlfriend* (6), *daughter-in-law* (3), *mother-in-law* (3), *Big Mother* (2), *bride* (1), *sister-in-law* (1), *spinster* (1), *stepsister* (1), *virgin* (1). Например: *It wasn't just Auntie An-mei's little brother, but also his **wife's** stepbrothers and **stepsisters**, and a distant cousin, and that cousin's husband and that husband's uncle* [Tan, 2003, p. 13–14].

В Китае государство традиционно уделяет особое внимание функционированию института семьи, рассматривая его как основу стабильности и процветания [Почагина, 2008]. При этом женщине вплоть до середины XX века отводилась роль хранительницы семейного оча-

га, подчиненной мужу; ее социум зачастую был ограничен семьей, отношениями с родственниками. Семья остается важной, приоритетной сферой жизни для женщины-китайки независимо от окружающей ее в данный момент культуры: восточной или западной. Все героини-матери предстают в романе сильными, ответственными, именно материнская роль для них приоритетна [Souris, 2000, p. 79]. В западной культуре, в отличие от восточной, роль женщины в семье иная. Америка характеризуется крайним индивидуализмом и умеренным феминизмом, что приводит к терпимости в отношениях между полами, в том числе и в отношениях между супругами и членами семьи. Американки давно стали добиваться равных прав в принятии решений, большего контроля над доходами и расходами семьи [Поликарпов, 1999].

Указателями особого положения женщины в китайской полигамной семье являются следующие прямые идентификаторы второй группы: *Second Wife* (40), *First Wife* (20), *concubine* (13), *Third Wife* (10), *Fifth Wife* (8), *Fourth Wife* (3). Например: *Yan Chang explained which ones [rooms] belonged to First Wife and the other concubines, who were called Second Wife and Third Wife* [Tan, 2003, p. 127].

Положение женщины в традиционной китайской в семье неоднозначно. В китайской полигамной семье первая женщина, с которой мужчина заключил брак, считалась старшей или главной женой. Последующие женщины оказывались женами более низкого ранга, подчиненными старшей, или наложницами, их положение в семье и обществе не столь почетно. Например: *They were the daughters of my father's concubines. I was the daughter of my father's wife* [Tan, 2003, p. 140].

К третьей группе прямых идентификаторов относятся наименования лиц женского пола в зависимости от их рода деятельности, профессии (17 ед., 15 %): *amah* (40), *servant girl* (5), *maid* (4), *missionary lady* (3), *prostitute* (3), *beggar girl* (2), *peasant woman* (2), *servant woman* (2), *wet nurse* (2), *ballerina girl* (1), *hostess* (1), *land lady* (1), *nun* (1), *nursemaid* (1), *salesgirl* (1), *shop girl* (1), *sing-song girl* (1). Например: *As I was thinking this I saw an old servant woman stooping over the same low table gutting a fish, looking at me from the corner of her eye* [Tan, 2003, p. 26].

Семантика прямых идентификаторов данной группы показывает, что деятельность восточной женщины является социально низкой, не требующей высшего или специального образования. Китайские женщины, переехавшие в США, не ориентированы на карьеру и в своем большинстве не стремятся реализоваться профессионально.

Отдельные идентификаторы данной группы культурно маркированы. В частности, лексическая единица *sing-song girl* определяется в

словаре как ‘a Chinese girl engaged in professional entertainment similar to that performed by the geisha’ [The Merriam-Webster..., URL], а слово *amah* имеет следующее определение: ‘a nurse or maidservant, esp. one of Chinese origin’ [Collins..., 2006]. Лексическая единица *missionary woman*, понимаемая как ‘a member of a religious mission’ [Collins..., 2006], в контексте данного романа имеет отношение к культуре США. В первой половине XX века в Китае активно развивалась миссионерская деятельность иностранцев, и среди протестантских миссионеров численно преобладали именно американцы [Дацышен, 2007, с. 141], которые в годы войны Китая с Японией активно участвовали в оказании гуманитарной помощи китайцам.

Наименования лиц женского пола по признаку кровного родства (10 ед., 9%) образуют четвертую группу прямых идентификаторов, в которую входят нейтральная лексема *mother* (740), разговорная *Mama* (11) и сокращенные формы *Ma* и *Mom* (32); лексема *aunt* (19) и диминутив *Auntie* (164); а также единицы *daughter* (132), *sister* (65), *half-sister* (14), *grandmother* (11), *granddaughter* (2), *great-aunt* (2), *a girl cousin* (1), *great-granddaughter* (1). Например: *And that’s why you can understand why a **mother** like this could never forget her other **daughters*** [Tan, 2003, p. 15].

Следует отметить, что именно к группе, выделенной по признаку кровного родства, относятся наиболее частотные прямые идентификаторы, такие, как *mother*, *Auntie*, *daughter*. Это связано, прежде всего, с общей тематикой романа, описывающего сложные отношения матерей-китайенок с дочерьми, воспитанными в американском обществе.

Среди прямых идентификаторов – наименований лиц женского пола по признаку кровного родства довольно много таких, которые обозначают героинь старшего возраста, на что указывают форманты *grand-*, *great-*, *great-grand-*: *grandmother*, *granddaughter*, *great-aunt*, *great-granddaughter*. Восточные страны известны традицией глубокого уважения младшим поколением старшего, и Китай, как патриархальный, так и современный, не является исключением. Долгое время в Китае бытовала традиция беспрекословного подчинения младших старшим в семье, что поддерживалось и законом [Фролова, 2002, с. 161–162]. Такой культурной традицией и объясняется неоднократное упоминание в романе персонажей старшего поколения. Подтверждением этого служит также следующий диалог:

«*Why don’t you tell her [your mother] to stop torturing you,*» said Marlene. «*Tell her to stop ruining your life. Tell her to shut up.*»

«*That’s hilarious,*» I said with a half-laugh. «*You want me to tell my **mother** to shut up?*»

«*Sure, why not?*»

«*Well, I don't know if it's explicitly stated in the law, but you can't ever tell a **Chinese mother** to shut up. You could be charged as an accessory to your own murder*» [Tan, 2003, p. 96].

В отличие от восточной культуры, для современной западной культуры характерно «исчезновение» понятия старости: в США воздерживаются от употребления самого слова *пожилой*, его заменил термин *третий возраст*; к тому же американки третьего возраста хорошо выглядят, ухожены, водят автомобили, много путешествуют, то есть ведут активный образ жизни, не отличающийся от режима молодого человека [Смолькин, 2005]. Таким образом, отношение к старости в восточной и западной культуре существенно различается.

Пятую группу прямых идентификаторов представляют китайские наименования лиц женского пола, записанные в романе с помощью китайского латинизированного фонетического алфавита (10 ед., 9%): *Popo* (45) – ‘maternal grandmother’, *Meimei* (10) – ‘younger sister’, *Aiyi* (27) – ‘auntie’, *Jyejye* (2) – ‘sister’, *Syaujye* (2) – ‘miss’, *Taitai* (2) – ‘the simple honorable title of Wife’ [Tan, 2003] и др. Например: *Aiyi is only five years older than my father, which makes her around seventy-seven* [Tan, 2003, p. 158]. Автор, впервые употребляя единицы данной группы в тексте романа, всегда дает их описательный перевод с китайского на английский язык, объясняя таким образом значение данной единицы. Например: *But my family called me Meimei, «Little Sister»* [Tan, 2003, p. 46]. Однако в романе отсутствует описательный перевод одной единицы китайского языка – *Popo*, о значении которой (‘maternal grandmother’) мы можем догадаться из контекста: *And I would stare at my mother. <...> She cried from her heart when Popo died, even though Popo, her mother, had sent her away so many years before* [Tan, 2003, p. 121].

Употребление в англоязычном тексте единиц китайского языка вновь указывает на смешение культур – американской и китайской. Рассказывая свои истории из жизни, героини, как матери, так и дочери, часто обращаются к китайскому языку, что прямо указывает на национальную идентичность женских персонажей, их непосредственную связь с китайской культурой.

В шестую группу прямых идентификаторов включены наименования женских мифологических или сказочных персонажей китайской или американской культуры (9 ед., 8%): *the moon lady* (23), *queen mother of the western skies* (3), *enchantress* (1), *fairy* (1), *fairy queens* (1), *Little queen* (1), *mermaid queen* (1), *the goddess of mercy* (1), *Cinderella*

(1). Например: *And now a fairy – the Queen Mother of the Western Skies! – was flying toward the Master Archer* [Tan, 2003, p. 42].

За исключением одного, все идентификаторы данной группы ассоциируются с китайской культурой. В частности, идентификатор *the Queen Mother of the Western Skies* является именем великой богини – Владычицы Запада, – культ которой составлял центральную часть космолого-мифологических представлений в царстве Чу, расположенном на юге древнего Китая. В культуре Чу запад выделялся в качестве сакральной пространственной зоны и ассоциировался с бессмертием. Позднее культ богини бессмертия приобрел всекитайское значение [Кравцова, 1999, с. 179–180]. Единственный идентификатор рассматриваемой группы, который не связан с китайской культурой, – это идентификатор *Cinderella*, обозначающий женский персонаж одноименной европейской сказки. В контексте он использован автором в качестве сравнения: *I was Cinderella stepping from her pumpkin carriage with sparkly cartoon music filling the air* [Tan, 2003, p. 72].

Седьмая группа прямых идентификаторов включает общие наименования лиц женского пола (7 ед., 6%): *girl* (158 единиц), *lady* (42), *woman* (78), *doll* (3) а также местоимения: личное *she* (1303), личное и притяжательное *her* (1077), возвратное *herself* (25). Например: *The old woman remembered a swan she had bought many years ago in Shanghai for a foolish sum* [Tan, 2003, p. 3].

Один прямой идентификатор – единица *princess* (1) – не был включен ни в одну из названных групп, поскольку он единственный характеризует женские персонажи по признаку принадлежности тому или иному социальному слою. Например: *Sitting in this bed, I admired everything as if I were a princess* [Tan, 2003, p. 127].

Таким образом, всего было выделено 114 прямых идентификаторов художественного образа женщины-китайки в романе Э. Тэн «The Joy Luck Club». С их помощью в картотеку было включено 2828 контекстов (52% всех исследуемых художественных контекстов). Анализ прямых идентификаторов позволяет сделать вывод о том, что китайки старшего поколения, иммигрировавшие в Америку, предстают в романе как женщины, сконцентрированные на семье, вследствие чего плохо социализированные, а также профессионально нереализованные члены западного общества. Китайские традиции и представления не стираются на фоне новой для иммигранток западной культуры, а продолжают доминировать над западными идеалами у матерей-китайнок или отражаются в мировоззрении дочерей – американок в первом поколении. Несмотря на то, что в обществе приветствуется однородная идентичность личности, ее принадлежность к одной культуре, perso-

нажи романа показаны определяющими свою национальную идентичность как двойную – китайско-американскую.

Литература

- Бенедиктов В. К женщине // Стихотворения 1838–1850 гг. [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/b/benediktow_w_g/text_0020.shtml#97
- Борисова Е.Б. О содержании понятий ‘художественный образ’ и ‘образность’ в литературоведении и лингвистике // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 35 (173).
- Вендина Т.Н. Словообразование как источник реконструкции языкового сознания // Вопросы языкознания. 2002. № 4.
- Виноградов В.В. Проблемы русской стилистики. М., 1981.
- Дацышен В.Г. Христианство в Китае: история и современность. М., 2007.
- Илюхина Н.А. Образ как объект и модель семасиологического анализа: дис. ... д-ра филол. наук. Уфа, 1999.
- Кравцова М.Е. История культуры Китая. СПб., 1999.
- Лютянский В.М. Концепт «NORTH» в «Северных рассказах» Джека Лондона: дис. ... канд. филол. наук. Белгород, 2011.
- Поликарпов В.С. Закат Америки. [Электронный ресурс]. URL: <http://historic.ru/books/item/f00/s00/z0000004/index.shtml>
- Почагина О.В. Семья [в Китае]: новые формы – иные ценности. [Электронный ресурс]. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2009/0373/analit06.php>
- Рылова Ю.А. Системные свойства испанских антропонимов // Системные и дискурсивные свойства испанских антропонимов. Воронеж, 2010.
- Смолюкин А. Исторические формы отношения к старости // Отечественные записки. 2005. № 3.
- Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. М., 1973.
- Теория и методика ономастических исследований. М., 2007.
- Фролова И.А. Средневековая китайская семья // Женщины. История. Общество. Тверь, 2002. Вып. 2.
- Храпченко М.Б. Горизонты художественного образа. М., 1982.
- Chen V. Chinese American women, language and moving subjectivity // Amy Tan: Modern critical views. Chelsea House Publishers, 2000.
- Collins English Dictionary. Glasgow, 2006.
- Lieberson S. A Matter of Taste: How Names, Fashions, and Culture Change. Yale University Press, 2000.
- Souris S. «Only two kinds of daughters»: inter-monologue dialogicity in *The Joy Luck Club* // Amy Tan: Modern critical views. Chelsea House Publishers, 2000.
- Tan A. *The Joy Luck Club*. New York, 2003.
- The Merriam-Webster Dictionary. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.merriam-webster.com/dictionary/singsong%20girl>

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

ЯЗЫКОВАЯ ИГРА В WEB-КОМИКСАХ

В.В. Соковнина

Ключевые слова: креолизованный текст, web-комиксы, языковая игра, прецедентный феномен.

Keywords: creolized text, web-published comics, language game, precedent phenomenon.

Современный мир все больше становится ориентированным на визуальное восприятие информации. Как верно заметил В.М. Березин, «иллюстрирование ныне все шире становится элементом текстообразования» [Березин, 2003, с. 162]. Помимо постоянно меняющихся мемов и демотиваторов, в социальных сетях огромную популярность приобретают комиксы и изображения, смысловую основу которых составляет языковая игра. В данной статье мы рассмотрим часто встречающиеся приемы языковой игры в web-комиксах. Материалом исследования в данной статье стали авторские комиксы и изображения Валерия zewatt Зеватта (75 единиц), Татьяны tavlla Задорожной (84 комикса из LiveJournal, книги «Жизнь бьет ключом» и «Все лучшее йети»), а также 18 комиксов и иллюстраций известных авторов.

Как правило, комиксом называют серию рисунков с краткими текстами, образующую связное повествование, однако, согласно статье А. Базарха «Поэтика комикса», «комикс может представлять собой иллюстрацию словесной игры, когда синтаксически правильные конструкции заполняются произвольными элементами или совершаются обесмысливающие подмены или подстановки» [Базарх, URL]. Таким образом, изображения с подписями или «текстовыми облаками» (Speech/thought balloons) в рамках рисунка, содержащие языковую игру и иллюстрирующие ее, можно отнести к жанру комикса.

Комикс, опубликованный в интернете, имеет ряд определенных черт, не свойственных печатным комиксам. Безусловно, нельзя сказать, что каждое из свойств можно отнести ко всем web-комиксам без исключения, поэтому здесь будут перечислены те особенности, которые характерны для большинства web-комиксов.

Отсутствие посредника (редактора). Web-комиксы практически всегда имеют конкретного автора и размещаются на его сайте, в блоге, либо на специальных ресурсах, предоставляющих подобные материалы бесплатно.

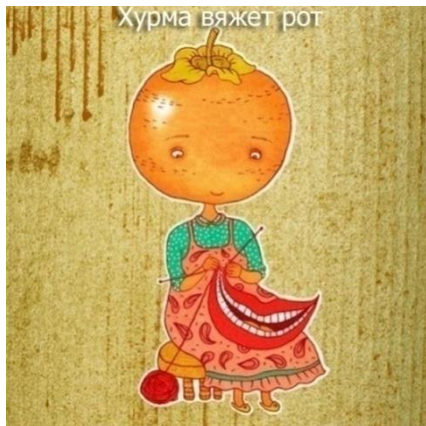
Законченность истории в рамках одного комикса. В отличие от журнальных и печатных комиксов, которые выпускаются сериями, web-комиксы чаще всего публикуют так, чтобы новая история не зависела от предыдущей. Это связано с тем, что читатель, согласно системе блога, знакомится с комиксом с конца, а уже потом, если выпуск его заинтересовал, обращается к предыдущим записям.

Массовость. Как правило, темы web-комиксов понятны большой аудитории, в них не нужно запоминать героев, их уникальные особенности и ситуации из прошлого. Каждый комикс – новая зарисовка, понятная широкому кругу читателей.

Произвольный формат. В web-комиксах нет никакого регламента ширины, длины или формы выпуска: это может быть и бесконечный замкнутый комикс, и история в несколько кадров, и даже одна иллюстрация с филактером или подписью.

Интерактивность. Довольно большое количество web-комиксов имеет несколько серий стрипов, где герои взаимодействуют не только между собой, но и выходят за рамки самого комикса, перемещаются из его конца в начало, и обращаются к читателю комикса. Яркими примерами подобных серий могут быть веб-комиксы «Cyanid and happiness», «Xkcd», «Это может быть чем угодно».

С точки зрения лингвистики сообщение, представленное и вербально, и изобразительно, является креолизованным текстом – «сложным текстовым образованием, в котором вербальные и невербальные элементы образуют одно визуальное, структурное, смысловое и функциональное целое, нацеленное на комплексное воздействие на адресата» [Ворошилова, 2006, с. 181]. Рассматриваемые нами web-комиксы как принципиально закрытая структурная единица относятся к креолизованным текстам с полной креолизацией: то, чего не хватает изображению, дает текст и наоборот – только так здесь работает механизм языковой игры. Авторы подобных креолизованных текстов, как правило, выбирают в качестве объекта языковой игры метафоры, фразеологизмы, поговорки. В качестве примера рассмотрим несколько текстов разных авторов.

Внеконтекстуальное значение высказывания «хурма вяжет рот» связано с обозначением обобщенной, типовой ситуации, где глагол «вязать» относится к предикатам свойства (вязать – ‘быть вязким, обладать свойством стягивать’) (здесь и далее словарные дефиниции даны по: [Ожегов, Шведова, 1995]). В основе языковой игры лежит прием антропоморфизации, при котором слово *хурма* обозначает субъект, а глагол *вяжет* становится акцио-

нальным предикатом. Иллюстрация поддерживает второй смысл высказывания, в то же время актуализируя его исходное, первичное значение. В круг переосмысления втягиваются ближайшие контекстные партнеры, в результате чего создается такое значение высказывания, которое требует от читателя или слушателя коммуникативных затрат, направленных на получение «выводного знания», декодирование смысла высказывания. Как пишет С.В. Доронина, результат такой игры «проявляется в осознании и противоречия, и в какой-то степени закономерности подобного соединения. Только одновременное действие названных ментальных механизмов отличает игровую коммуникативную ситуацию от других ситуаций, в которых также актуализируется противоречие (например, ситуации непонимания)» [Доронина, 2000, с. 38].

В комиксе «У страха глаза велики» языковая игра построена на омографии. Изначально пословица содержала краткое прилагательное *велик* в значении «большого, чем нужно, размера», однако для достижения комического эффекта автор заменил его на существительное *вѣлик*, явля-

ющееся усеченной разговорной формой от *велосипед*, на что указывает изображение.

Анализ материалов исследования показал, что наиболее частыми приемами языковой игры в комиксах такого типа являются омонимия, олицетворение и омофония. При омонимии языковая шутка актуализиру-

ется за счет подмены вторичного, производного значения слова первичным, основным, причем демегафоризация происходит посредством изображаемого.

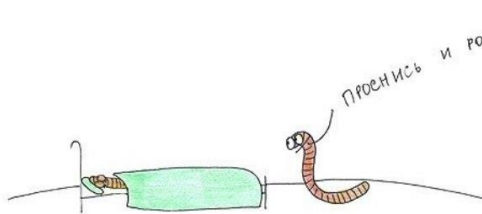
Омофония представляет собой обширное поле для языковой игры, так как здесь актуализируется теория обманутого ожидания. Философ, психолог Теодор Липпис называл подобный эффект «законом психического затора». Суть этого закона в следующем: человек ожидает одну ценность, но вместо нее внезапно возникает другая, не соответствующая ситуации. Подобная подмена пробуждает интерес из-за своей нетипичности и способствует накоплению «психической энергии», освобождением от которой является смех. Авторы комиксов и картинок с омофонией играют именно на контрасте двух смыслов, добавляя к текстовой составляющей визуальную, что усиливает эффект комичности. Так, например, мем «*я и диод*» изображает рисованного человека и электронный элемент, улыбающихся и держащихся за руки, таким образом, фраза «*я идиот*» приобретает двойника с совершенно абсурдным смыслом. Еще одним примером омофонии является картинка «*Штрих-кот*», на которой нарисован силуэт кота, закрашенный в виде штрихованного кода. Такая игра позволяет взглянуть на привычную, бытовую реалию с наивной, даже детской, точки зрения и превратить обычную маркировку изделий в кота.

Не менее известен в Интернет-пространстве комикс «*Медведь собирает грибы в лису*», на которой изображен медведь, идущий по березовому лесу и собирающий мухоморы, но не в корзину, а в мертвую лису. Омофонами здесь выступает предложный падеж слова *лес* и винительный падеж слова *лиса*, в результате и без того абсурдная ситуация «*медведь собирает грибы в лесу*» за счет актантной трансформации приобретает оттенок нонсенса.

Зачастую совместно с омонимией и омофонией авторы комиксов используют прием олицетворения, наделяя предметы антропоморфными признаками, чувствами и мыслями. В данном случае комический эффект при олицетворении достигается за счет визуального компонента: изображенные речевые подмены получают гротескное содержание. Так, например, фразеологизм «*ребра торчат*», характеризующий худого человека, приобретает совсем другой смысл вместе с иллюстрацией, изображающей три ребра, которые курят и вкалывают в себя шприцы. Языковая игра заключается в подмене значений глагола *торчат*: в первом случае реализуется значение ‘выступать над поверхностью чего-либо; выдаваться’, во втором случае актуализируется жаргонное значение. Часть тела наделяется эмоциями, присущими человеку, за счет чего возникает комический эффект. Еще одним примером олицетворения является интернет-мем «*Курение способствует образованию рака*». Отдельно текст дублирует пре-

дупреждающие надписи на пачках сигарет и предостерегает от курения, фраза «*образование рака*» в данном случае имеет значение «возникновение раковой опухоли». Комический эффект достигается при помощи изображения: рак в конфедатке курит и читает книгу. Здесь, как мы видим, происходит двойная игра с омонимами: существительное «*рак*» употребляется в своем первом значении ‘покрытое панцирем животное с большими клешнями’, а существительное *образование* получает значение ‘процесс усвоения знаний’. Так, животное наделяется умениями курить, читать и усваивать знания, что усиливает комический эффект от языковой игры с омонимией.

Одним из более сложных приемов языковой игры, требующим определенного уровня эрудированности от адресата, является игра с прецедентными феноменами. В этом случае реализуется аллюзивный принцип языковой игры, связанный «с актуализацией социально-культурного и историко-литературного фона восприятия художественного текста, <...> а также не столько с самой отсылкой к прецеденту, сколько с ее новой ассоциативной обработкой в целях создания эстетического эффекта» [Гридина, 2008, с. 71–72]. Однако в случае с комиксами подобное переосмысление происходит не в рамках текста, а за счет визуального компонента, позволяющего адресату посмотреть на прецедентную ситуацию с другой, зачастую неожиданной и комичной, точки зрения. Для подробного рассмотрения трансформации прецедентных феноменов приведем несколько наиболее ярких примеров из творчества Татьяны tavlla Задорожной (<http://tavlla.livejournal.com/>).

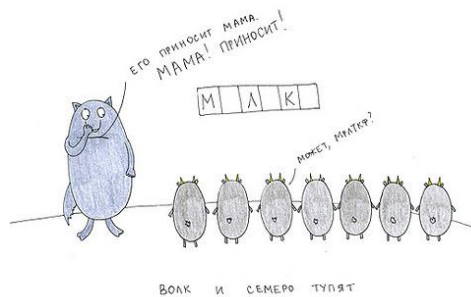

Данный комикс отсылает читателя к прецедентному тексту – песне «*Проснись и пой*». В отличие от предыдущих примеров, здесь текстовая часть отнесена в «речевой вектор» и является прямой речью. Языковая игра заключается в замене первичного глагола *пой* на отличающийся от него одной буквой глагол *рой*. Изначально приведенный прецедентный текст носил позитивные коннотации, побуждая адресата попробовать «*в жизни хоть раз не упускать улыбку из открытых глаз*», однако в новом прочтении фраза приобретает будничность, буквально означая «проснись и делай свою работу». В основе игровой ситуации также лежит

прием антропоморфизации, который поддерживается визуальной частью комикса.

В другом комиксе обыгрывается прецедентное высказывание «*Остава понесло*» из произведения И. Ильфа и Е. Петрова «12 стульев». Значение глагола 'начать говорить вздор, начать врать' трансформируется в омонимичное 'засыпать, замести', что подкрепляется визуальным компонентом. Данный комикс содержит два вида текстовых сообщений: 1) диалог героев комикса посредством «речевых векторов» и 2) поясняющий комментарий автора. Языковая игра с явным прецедентным феноменом содержится во втором случае, где обыгрывается название сказки братьев Grimm «*Волк и семеро козлят*». В основе игровой трансформации лежит замена существительного в родительном падеже *козлят* на глагольную рифму *тулят*, что представляет обозначенный субъект в качестве предиката действия в форме глагола настоящего времени, совершенного вида, мн.ч. Языковую игру поддерживает визуальный компонент и диалог героев, в рамках которого также обыгрывается прецедентное высказывание – «*мама пришла, молока принесла*». Здесь включается механизм обманутого ожидания: читатель знает ответ загадки, буквы, открытые на табло делают его совершенно очевидным, однако текстовое сообщение «*может, мрлктф?*» разрушают уже заранее построенную читателем логику ответа, что и создает комический эффект.

Таким образом, анализ отношений между визуальным и вербальным компонентами в web-комиксе позволяет выявить их полную со-зависимость и, как следствие, непроницаемость системы для каких-либо структурных дополнений. Причем связующим звеном в этих отношениях становится языковая игра, актуализирующая текстовый потенциал комикса.

Необходимо также отметить, что, как любое творчество, комикс, являющийся поликодовым текстом, то есть структурной единицей, вмеща-

ющей в себя несколько разных кодов, в частности текстовых и визуальных, изображает некий момент и, следовательно, опускает все, что было до ситуации комикса и что будет после. Благодаря этой его особенности читатель, зритель провоцируется на активное участие, сотворчество и собственные языковые игры.

Литература

- Базарх А. О поэтике комикса. [Электронный ресурс]
URL:<http://www.commentmag.ru/archive/17/5.htm>
Березин В.М. Массовая коммуникация: сущность, каналы, действия. М., 2003.
Ворошилова М.Б. Креолизованный текст: аспекты // Политическая лингвистика. Екатеринбург, 2006. Вып. 20.
Гридина Т.А. Языковая игра в художественном тексте. Екатеринбург, 2008.
Донгак С. Языковая игра и обманутое ожидание // Критика и семиотика. Красноярск, 2001. Вып. 3/4.
Доронина С.В. Содержание и внутренняя форма русских игровых текстов: когнитивно-деятельностный аспект: дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2000.
Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1995.
Scott McCloud Understanding Comics, New York, 2004.

ХАРАКТЕРИСТИКА РЕЧЕВОГО ЖАНРА «НАРОДНЫЕ МЕМУАРЫ» В ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ: МЕДИЙНЫЕ ПАРАМЕТРЫ

Г.В. Кукуева, О.В. Минина

Ключевые слова: виртуальное жанроведение, интернет-коммуникация, речевой жанр, виртуальный жанр, мемуары, народные мемуары, жанровая модель, медийные параметры, сетевая литература.

Keywords: virtual science of genre, internet-communication, speech genre, virtual genre, memoirs, popular memoirs, genre model, media parameters, network literature.

Невозможно не согласиться с мыслью, высказанной великим ученым М.М. Бахтиным, что в определенную эпоху развития языка «задают тон определенные речевые жанры, притом не только вторичные (литературные, публицистические, научные), но и первичные» [Бахтин, 1979, с. 243]. Так появление и развитие интернета как коммуникатив-

ной площадки, посредством которой может осуществляться общение, привело к формированию особой жанровой системы – виртуальной.

Более того, интернет-коммуникация, находясь в постоянной эволюции, способствует не только появлению новых жанровых форм, сложившихся непосредственно в интернет-среде, но и изменению уже существующих традиционных жанров.

Народные мемуары как речевой жанр первоначально имели только бумажную фактуру, впоследствии перенесенную в виртуальную среду. Поэтому адаптированные к электронной форме особые свойства мемуаров определяют актуальность и перспективность изучения данного феномена.

Говоря о степени изученности виртуальных жанров, нельзя не отметить существующий на сегодняшний день целый спектр проблемных областей в теории жанроведения, среди которых исследователи называют терминологическую неустойчивость, соотношение и взаимодействие традиционных и виртуальных жанров, классификацию виртуальных жанров, их выявление и описание и др.

В настоящее время проблема описания жанров в интернет-коммуникации остается одной из самых актуальных, а у ряда лингвистов до сих пор нет единого мнения по данному вопросу.

Как правило, исследователи предлагают описывать жанры с учетом параметров, выделяемых в традиционном жанроведении [Шмелева, 2007], а также с учетом параметров организации интернет-коммуникации в целом [Горошко, 2011; Компанцева, 2008; Лутовинова, 2009; Шипицина, 2009 и др.].

На наш взгляд, особого внимания заслуживает комплексная жанровая модель, предложенная Л.Ю. Шипициной, включающая следующие параметры: 1) медийные (оформление жанра, синхронность/асинхронность, мультимедийность, гипертекстуальность, интерактивность, количество и эксплицированность коммуникантов); 2) прагматические (цель, адресант, адресат, место, время); 3) структурно-семантические; 4) стилистико-языковые.

Л.Ю. Шипицина отмечает, что если прагматические, структурно-семантические, стилистико-языковые параметры достаточно часто становятся предметом лингвистических исследований на материале других жанров, то медийные параметры «являются новым, наименее разработанным исследовательским полем, особенно в условиях стремительного развития информационных технологий и связанных с ними форм коммуникации» [Шипицина, 2009, с. 26–27].

В рамках данной статьи остановимся на характеристике медийных параметров жанровой модели народных мемуаров, представленных на сайте сетевой литературы «Самиздат» (<http://samlib.ru>).

1. Оформление жанра.

В своем классическом варианте мемуары, как правило, создаются при помощи ручки на листе бумаги (в зависимости от объема это может быть отдельный лист, тетрадь или несколько общих тетрадей и пр.). Но будучи перенесенными в виртуальную среду, они приобретают статус электронного жанра коммуникации, характер функционирования которого принципиально отличается от классического варианта.

В виртуальной среде границы расположения текста определяются URL адресом, к примеру, для сайта «Самиздат» – <http://samlib.ru>, а вместо страницы печатного носителя функцию размещения текста перенимает экран монитора.

Таким образом, оформление речевого жанра народных мемуаров в интернет-среде задается визуальными характеристиками внешней структуры конкретного веб-ресурса и собственно текста.

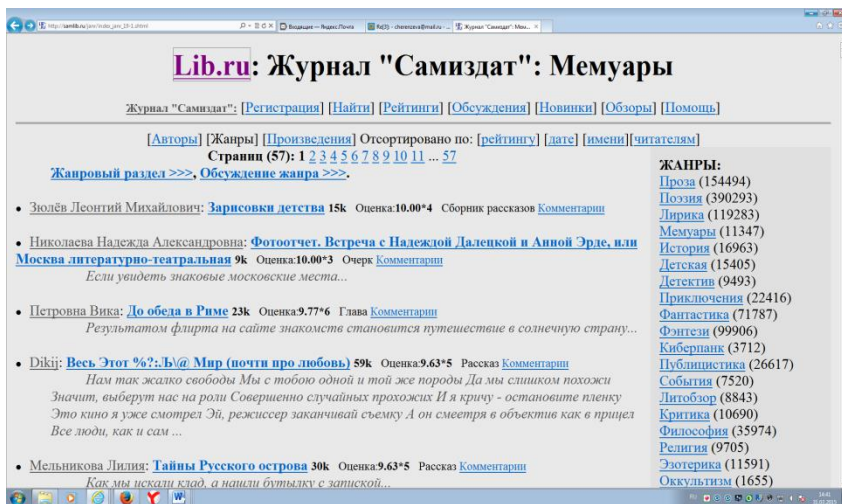

Рис. 1 Скриншот стартовой страницы сайта «Самиздат»

Так, пространство стартовой веб-страницы сайта «Самиздат» делится на несколько частей, где собственно текст народных мемуаров занимает основное и центральное место. Верхняя и правая часть страницы представляет собой навигационное меню из гиперссылок, выступающих в роли неких указателей, облегчающих ориентацию в тексте и

связывающих его с другими разделами сайта и авторскими страницами.

При оформлении собственно текста народных мемуаров используется традиционный набор паралингвистических средств – сегментация, цвет, шрифт, подчеркивания, зачеркивания, выделения и др. «Даже форма и величина букв, длина и расположение строк и т.п. – все это может нести определенную информацию для читателей» [Норманн, 2003, с. 39].

В рассматриваемом материале визуальный вид текста в большинстве случаев определяет дизайн сайта – серый фон, шрифт обычный (веб)+Times New Roman, 12 пт, 10 пт, цвет букв синий и черный.

2. Синхронность / асинхронность.

Согласно этой характеристике речевой жанр мемуаров является асинхронным жанром, то есть не требует присутствия читателя в момент размещения текста. Однако не исключена возможность синхронизации коммуникации. Если адресат находится в сети, то прочитав текст, он может сразу сформулировать свое мнение и отправить его в виде комментария (высказывания). Как показывает анализ, в некоторых случаях коммуникативный акт читателя с мемуарным текстом характеризуется высокой скоростью ответной реакции, тем не менее, полного слияния синхронной и асинхронной форм в представленных текстах не происходит, например:

159. **Ванюков Андрей** (andvan56@mail.ru) 2013/10/05 10:08 [[ответить](#)]

160. **Рыжкова Светлана** 2013/10/05 10:10 [[ответить](#)]

161. **Ванюков Андрей** (andvan56@mail.ru) 2013/10/05 10:14 [[ответить](#)]

162. **Рыжкова Светлана** 2013/10/05 10:24 [[ответить](#)]

163. **Ванюков Андрей** (andvan56@mail.ru) 2013/10/05 10:34 [[ответить](#)]

164. **Егорыч** (egorich4@yandex.ru) 2013/10/05 10:39 [[ответить](#)]

165. **Ванюков Андрей** (andvan56@mail.ru) 2013/10/05 10:45 [[ответить](#)]

(комментарии к тексту «Записки вершителя», автор Ванюков Андрей, http://samlib.ru/comment/w/wanjukow_a/zapiskiwirshitelja2?PAGE=2).

3. Мультимедийность.

В большинстве случаев внешний вид мемуарного текста подчинен графическому оформлению сайта, однако может задаваться автором самостоятельно. В таких случаях наблюдается изменение фона, цвета и стиля шрифтов, текст зачастую сопровождают иллюстрации и изображения – личные фото самого разнообразного содержания, рекламные баннеры, «аватарки», смайлики и пр. Например, оформление авторских страниц http://samlib.ru/w/wirsawija_i_w/, http://samlib.ru/b/below_o_w/,

<http://samlib.ru/k/kwantr/turkish.shtml>, http://samlib.ru/l/lena_kalugina/,
http://samlib.ru/t/timohowa_e_w/, <http://samlib.ru/ff/foma/>.

На наш взгляд, данная особенность обусловлена спецификой виртуального общения, целью которого является личностное самовыражение, стремление быть услышанным «здесь и сейчас», желание найти единомышленника, собеседника и особенностями «поведения» автора в его условиях, который «через систему речевого жанра самопрезентирует себя в виртуальном дискурсе» [Компанцева, 2007, с. 174].

Таким образом, среда функционирования жанра, безусловно, определяет креолизованность мемуарного текста, где «вербальные и текстовые элементы образуют одно визуальное, структурное, смысловое и функциональное целое, нацеленное на комплексное прагматическое воздействие на адресата» [Анисимова, 2003, с. 17].

4. Гипертекстуальность.

Гипертекстовая организация составляет основу построения виртуального жанра народных мемуаров.

На главной странице гиперссылки интегрированы во все структурные элементы сайта. Основное меню («шапка сайта»), сохраняющееся при переходе в другой экран, включает следующий набор пунктов – [Регистрация] [Найти] [Рейтинги] [Обсуждения] [Новинки] [Обзоры] [Помощь]. Кроме того, в левой части стартовой страницы также имеется весьма обширный набор «внетекстовых» элементов, к примеру – «жанры», «всего в журнале», «см. также», «формы» и др.

Такой состав навигационных указателей демонстрирует все возможности сайта «Самиздат» как сетевого ресурса в целом.

С точки зрения гипертекстовой организации собственно текста народных мемуаров он представляет собой преимущественно линейный текст. Гипертекстуальные связи представлены в основном только в заголовочном комплексе каждого текста:

• [Комментарии: 13, последний от 10/04/2015.](#)
• © Copyright [Бисеренко София](#) (ms.sophia2011@mail.ru)
• Размещен: 15/12/2012, изменен: 15/12/2012. 20к. [Статистика.](#)
• [Рассказ: Мемуары](#)

Оценка: **9.18*5** Ваша оценка:

• **Аннотация:**
Немного о моей жизни. О зрении, школе, матери и учебе.

*Рис. 2. Скриншот страницы текста автора С. Бисеренко
«Школа, мама и окулист»*

Заголовок как структурный элемент имеет более сложную структуру, нежели в классическом варианте, что, безусловно, определено характером среды коммуникации и оформлением самого ресурса. Он включает в себя набор гиперссылок – 1) комментарии, 2) профайл ав-

тора, 3) дата размещения, изменения, статистика, 4) жанр / форма, 5) иллюстрации / приложения (если есть), 6) оценка читателя – и аннотацию.

Порядок чтения мемуарного текста не является четко заданным (читатель может сначала познакомиться со списком всех произведений выбранного автора, статистикой, прочитать комментарии или аннотацию к тексту, а потом сам текст или наоборот).

Таким образом, гипертекстуальные связи позволяют читателю выстраивать «свой маршрут» освоения жанрового пространства.

Показательно, что в рассматриваемом материале в большинстве случаев все гиперссылки являются внутренними, то есть ведущими к другим страницам этого же сайта. Данное доминирование в целом можно объяснить стремлением автора удержать внимание читателя в пространстве «своего» текста.

5. Интерактивность.

Интерактивность как взаимная активность участников коммуникативного процесса на сайте «Самиздат» представлена довольно широко.

К разным видам данного параметра относятся возможность связаться с программистом сайта, поиск, регистрация, голосование, оценивание и др. Наибольший интерес, конечно же, представляет сервис, позволяющий читателям комментировать любой текст, публикуемый на этом веб-ресурсе.

Виртуальный жанр народных мемуаров от традиционного отличается принципиально публичной природой. Осознанно или нет, но любой автор, который обращается к интернет-публикации, хочет быть прочитанным и рассчитывает на отклик читателей:

«Пишите вопросы в коментах. Ответы буду выкладывать по мере поступления и возможности» (автор Голд Джон, аннотация к тексту «Вопрос=>ответ к автору»);

«Оцените, прокомментируйте» (автор Москалева Алина Эдуардовна, аннотация к тексту «Любовь, любовь, любовь..»);

«Предельно откровенная исповедь автора, превратившегося из успешного и перспективного "мажора", воспитанного в благополучной семье, в последнего алкаша. Друзья, большая просьба: пишите, пожалуйста, комментарии. Если кому-то поможет мой горький опыт, то уже жизнь не зря прожил. Пишите» (автор Скрытый Алексей Юрьевич, аннотация к тексту «Исповедь алкоголика»).

Ответная коммуникация адресата выражается в виде высказываний (комментариев) к тексту. Интеграция цитат из одного комментария в другой позволяет напрямую выстраивать открытый виртуальный

диалог не только автора и читателя, но и читателей между собой. Более того, коммуниканты могут обсуждать не только данный текст, но и другие темы, которые вызвали интерес у аудитории:

69. **Майк Китовский** (sam-sh@yandex.ru) 2007/01/31 07:25 [ответить]

>> **68.Севастьянов Виктор Александрович**

>>> **64.Dikij**

>>> **Последний рассказ из серии «я просто сидел и написал» – «Ноль».**

> **Непонятно – это как? Не было дела?**

Это, наверное, так, чтобы отвлечься от работы над романами или от сессии. Для души :) Только вот романы надо писать с таким же настроением. А то Дикий воспринимает это, как каторгу :))

>> **PS С Китовским спорить не вижу пользы.**

А я разве спорю? От споров никакой пользы, одни разочарования ;)

>>> **А еще читаю Лукьяненко и слушаю умную музыку (как у Цоя). Помогает писать!**

> **И жить тоже. а как у Цоя это какую?-)))))))))))**

Как у Цоя – это группа Кино и все, что с ней связано %) А вообще, насколько я знаю, Дикий вроде не поклонник русского рока. Жаль :(Много хороших песен пропускаешь.

(комментарий к тексту «Весь Этот %?:ЛБ@ Мир (почти про любовь)» автора Dikij).

6. Количество и эксплицированность коммуникантов.

По количеству участников виртуальный речевой жанр мемуаров относится к массовой коммуникации – 1:п.

В представленных текстах коммуниканты могут выступать как эксплицированный тип, так и выступать анонимно.

Эксплицированность обусловлена возможностью создания своего профиля при регистрации на сайте, при которой участник может указать личные данные о себе – ФИО, место жительства, где родился, год рождения, электронный адрес, а также загрузить личное фото на свою страницу и заявить о своих увлечениях, хобби, привычках в рубрике «Об авторе»:

«Родилась в Находке, что в Приморском крае. Детство прошло в трех городах – Находка (которую я почти не помню), Хабаровск (помню плохо) и Артем. Среднее образование получала аж тринадцать лет подряд из-за специальной программы. После окончания этих мучений провела семь лет в попытке получить высшее образование. По-

пытка оказалась более-менее удачной и наградила меня дипломом по специальности “Прикладная математика”.

Люблю животных, особенно кошек. Спокойно отношусь к змеям, ящерицам, паукам и прочей нестандартной живности. Мечтаю жить в частном доме.

Замужем, детей нет. Дома живут четыре кота и кошка.

В настоящее время работаю преподавателем математики в ВУ-Зе и занимаюсь частной практикой – подготавливаю школьников к ЕГЭ и ГИА. Почти все хобби остались только в памяти из-за плохого здоровья. Люблю альпинизм и фигурное катание. Когда-то получила красно-черный пояс по таэквондо. В настоящее время осталось писательство, вязание на спицах и вышивка крестиком. Когда-то профессионально занималась астрологией» (автор Борисенко София, http://samlib.ru/h/hagal_s/about.shtml).

При этом система регистрации отличается предельной простотой и не требует в обязательном порядке представлять подобного рода информацию. В результате в таких случаях речевой жанр характеризуется не эксплицированностью или частичной эксплицированностью коммуникантов. Они могут выступать под ником (*Dikij, Я.Р, Рыжая Девочка, Че Ася Ася, Лепешка К. Б-Б., Некто Брехунов, Домовой, Земляк, Крысолов, Плюс Один, Сивая кобыла, Мерзская Бука, Наблюдающий*), вместо личного фото загружать «аватарки» или фото известных людей и др.

Таким образом, характеристика медийных параметров жанровой модели мемуаров в интернет-коммуникации показывает их тесную взаимосвязь с другими параметрами (прагматическими, структурными, языковыми), которые в целом определяют его специфику и модификацию по сравнению с традиционным речевым жанром.

Литература

Анисимова Е.Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на примере креолизованных текстов). М., 2003.

Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1979.

Горошко Е.И. Виртуальное жанроведение: становление теоретической парадигмы // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». 2011. Т. 24(63) № 1. Ч. 1.

Журнал «Самиздат». [Электронный ресурс]. URL: <http://samlib.ru>

Компанцева Л.Ф. Интернет-коммуникация: когнитивно-прагматический и лингвокультурологический аспекты. Луганск, 2007.

Лутовинова О.В. Лингвокультурологические характеристики виртуального дискурса. Волгоград, 2009.

Норман Б.Ю. Теория языка. Вводный курс. М., 2003.

Сухотерина Т.П. Жанры естественной письменной речи: народные мемуары. Барнаул, 2012.

Шипицина Л.Ю. Жанры компьютерно-опосредованной коммуникации. Архангельск, 2009.

Шмелева Т.В. Модель речевого жанра // Антология речевых жанров: повседневная коммуникация. М., 2007.

ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ТЕКСТОВ М. БУЛГАКОВА И С. КРЖИЖАНОВСКОГО И ИХ ПЕРЕВОДОВ НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК

В.Н. Карпухина

Ключевые слова: пространство, художественный текст, перевод, М.А. Булгаков, С.Д. Кржижановский.

Keywords: space, fiction text, translation, Mikhail Bulgakov, Sigizmund Krzhizhanovsky.

Объектом исследования в данной статье выступает художественное пространство текста, предметом – специфика передачи пространственных характеристик текста при переводе с русского языка на английский. В качестве основной задачи статьи мы видим исследование причин и следствий трансформаций пространственных характеристик в процессе перевода художественных текстов с русского языка на английский. Материалом для исследования послужили роман М.А. Булгакова «Белая гвардия» (1923–1925), новеллы С.Д. Кржижановского «Автобиография трупа» (1925) и «Квадратурин» (1926) и их переводы на английский язык, впервые рассматриваемые в лингвосомиотическом и лингвоаксиологическом аспекте.

Перевод романа «Белая гвардия» был сделан одним из классических англоязычных переводчиков русской литературы, Майклом Гленни, в 1967 году и выпущен в издательстве «Vintage» в серии «Vintage Classics» [Bulgakov, 2006]; переводчиком на английский язык новелл С.Д. Кржижановского, в том числе новелл «Квадратурин» и «Автобиография трупа», была Джоанн Тернбулл [Krzhizhanovsky, 2006].

В построении художественного мира М.А. Булгакова и С.Д. Кржижановского категория пространства играет едва ли не самую главную роль. На это указывает в первую очередь биографический код: понятия «квартира», «жилище» были достаточно важны для писателей, не случайно многие исследовательские работы по творчеству Булгако-

ва и Кржижановского связаны с оперированием именно этой категорией [Чудакова, 1988; Кушлина, Смирнов, 1988; Гопоров, 1995; Лотман, 2001; Мансков, 2013; Степанова, Соколова, 2015; Weeks, 1996; Haber, 1998 и др.].

Топонимы «Белой гвардии» настолько прочно ассоциируются с реальным биографическим кодом Булгакова, что некоторые зарубежные исследователи принимают вымышленную топонимику романа за реальные киевские топонимы, связанные с семьей Булгаковых: «Accordingly, I will begin with the house of Bulgakov's childhood, the legendary house at No. 13 Alexeevsky Spusk...» [Weeks, 1996, p. 144] (адрес, по которому семья Булгаковых жила в Киеве, – *Андреевский спуск*, 13). Тема Дома, важнейшая в творчестве Булгакова, является определяющей в организации пространства в художественном мире его текстов: оно разделяется на пространство хаотическое, античеловеческое и пространство очеловеченное, обжитое и упорядоченное (например, в романе «Белая гвардия»).

Однако «негативная поэтика» [Фарино, 2004, с. 126] булгаковско-художественного мира, то, что Булгаков сознательно не изображает, а оставляет «за кадром», связана с театрализацией пространства его текстов. Именно в соответствии с этим принципом четкого разделения пространства на «верхнее» и «нижнее», трагическое (высокое) и комическое (профанное), организуется пространство романа «Белая гвардия». М. Петровский считает, что «действие <...> должно было осуществляться одновременно в двух уровнях: верхнем – Турбиных, нижнем – Василисы» [Петровский, 2001, с. 142]. С нашей точки зрения, история семьи Турбиных оказывается маркирована как события, происходящие посередине между «верхним», одухотворенным пространством и пространством «нижним», профанным. Маркерами здесь выступают и основной топоним *Алексеевский спуск*, на котором стоит дом №13 (ср.: «...*Над двухэтажным домом №13, постройки изумительной (на улице квартира Турбиных была на втором этаже, а в маленький, покатый, уютный дворик – в первом), в саду, что лепился под крутейшей горой...*» [Булгаков, 1988, с. 9]), и постоянно актуализирующаяся семантика падения / скольжения героев, и символ Города – поднимающийся «в черную, мрачную высь полночный крест Владимира» [Булгаков, 1988, с. 244], возникающий в финале романа как завершение пространственного образа «верхней» части мистериального пространства.

В начале перевода булгаковского текста на английский язык М. Гленни обозначает основной топоним *Алексеевский спуск* с помощью уточнения *the slope of St Alexei's Hill* ‘спуск горы Святого Алек-

сея' [Bulgakov, 2006, p. 9]. Далее по тексту адрес Турбиных дается как *No.13 St Alexei's Hill* 'гора Святого Алексея, 13', за счет чего происходит маркирование жизненного пространства героев как «верхнего», поскольку из номинации фактически исчезает ключевая лексема *спуск*. В данном случае в тексте перевода используется такой прием адаптационной стратегии, как опущение фрагмента информации (*спуск*), что связано с тенденцией к экономии языковых средств, характерной для английского языка. Лингвоаксиологическая стратегия адаптации, используемая в данном случае переводчиком, упрощает значение основного топонима, связанного с семьей Турбиных, и придает данному топониму однозначную положительную окраску.

Сложная неевклидова геометрия пространства Города в «Белой гвардии» (см.: [Haber, 1998, p. 93; Петровский, 2001, с. 254]) вызывает у переводчика текста стремление к использованию адаптивной стратегии объяснения информации: *Над двухэтажным домом №13, постройки изумительной (на улице квартира Турбиных была на втором этаже, а в маленький, покатый, уютный дворик – в первом), в саду, что лепился под крутейшей горой, все ветки на деревьях стали лапчаты и обвисли...* [Bulgakov, 1988, с. 9]. – *Number 13 was a curious building. On the street the Turbins' apartment was on the second floor, but so steep was the hill behind the house that their back door opened directly on to the sloping yard, where the house was brushed and overhung by the branches of the trees growing in the little garden that clung to the hillside...* [Bulgakov, 2006, p. 13]. Объяснительный элемент *so steep was the hill behind the house* 'но настолько крутой была гора за домом' отчасти семантически соотносится с придаточным предложением оригинала *в саду, что лепился под крутейшей горой*, но на самом деле объясняет геометрию пространства Города, где квартира в доме может одновременно находиться и на первом, и на втором этаже, в зависимости от угла зрения.

С неевклидовым пространством, только иного рода, читатель сталкивается и в текстах С.Д. Кржижановского. Образ «минус-пространства», характерного для текстов его новелл, связывается в известной работе В.Н. Топорова «“Минус” – пространство Сигизмунда Кржижановского» с принципиальной неантропоцентричностью этого пространства, изъятием из него «человеческого фактора», с одной стороны, и с принципиальным отказом строителей «нового пространства» в 1920-е годы от традиционной культурной его составляющей, с другой стороны [Топоров, 1995]. Однако в аксиологическом отношении знак «плюс» у Кржижановского и Булгакова получают разные типы описываемого пространства.

В отличие от С.Д. Кржижановского, для Булгакова «плюс-пространством» является не вселенское, то, что Кржижановский обозначал словом *мир* [Топоров, 1995, с. 477], а пространство Дома, квартиры, человеческого жилища. Эта «обратная» булгаковская перспектива тяготеет не к модернистскому, принципиально антигуманистическому, а к реалистическому («толстовскому») восприятию пространства: внешнее, вселенское пространство воспринимается как чужое, чаще всего враждебное, а внутреннее, обжитое человеком пространство – как «свое», упорядоченное, противопоставленное хаосу (ср. в этой связи размышления Ю.М. Лотмана о *границе*, которая одновременно соединяет и разделяет [Лотман, 2000, с. 262]). Границей в данном случае служит человек – «одновременно и субъект, и объект» [Топоров, 1995, с. 476] этого пространства.

Свойственное Кржижановскому чувство «соприродности» пространству, знание и проникновение в разные его слои – «от самой «низкой» и предельно конкретной эмпирии до высочайшей-глубочайшей метафизики» [Топоров, 1995, с. 478] со временем сменяется борьбой «против всего, что угрожало этой способности “чувствовать пространство”» [Топоров, 1995, с. 479]: «...жизнь, заставленная отовсюду стенками, убивает в человеке чувство пространства, мира» («Разговор двух разговоров» [Кржижановский, 1991, с. 228]). Подобный образ пространства, уничтожающего человека, свойственен многим текстам Кржижановского («Квадратурин», «Квадрат Пегаса»), но наиболее ярко он выражен в новелле «Автобиография трупа» [Кржижановский, 1991]. С булгаковским незавершенным «Театральным романом» этот текст сближает не только поэтика заглавия (подзаголовок «Театрального романа» – «Записки покойника»). Гоголевская абсурдность заглавия – субъект, прекративший свое существование в пределах земного пространства, является полноправным нарратором, – придает текстам Кржижановского и Булгакова социальное звучание. Социальное «минус-пространство» – «проклятая квартира», «дом-многоярусный корабль» («Театральный роман») [Булгаков, 1988, с. 250], выталкивающее из жизни не реализовавшего себя персонажа, заставляет авторов буквально воплощать в сюжете текста оксюморонную метафору (*автобиография трупа, мое самоубийство* (название одной из глав «Театрального романа» Булгакова)). Бытие подобных персонажей возможно только в низшем, профанном, театрализованном слое пространства.

Характеристики «минус-пространства» в текстах Кржижановского при переводе на английский язык иногда передать достаточно сложно. В первую очередь, это касается реалий быта Москвы 1920-х годов,

когда в «новоязе» бюрократического дискурса появляется слово-аббревиатура *жилплощадь*. Переводчица текста новеллы «Автобиография трупа» использует адаптационную стратегию для объяснения данной аббревиатуры: *но его мучил вопрос о жилплощади* [Кржижановский, 1991, с. 391] – *but the matter of **living space** disturbed him* [Krzhizhanovsky, 2006, p. 81]; *а через час бумажный листок в три-четыре дюйма, оторвавшийся от блокнота, чудесным образом превратился в жилплощадь величиною в двадцать квадратных аршин* [Кржижановский, 1991, с. 391] – *an hour later, a three-by-four-inch slip of paper torn out of the notebook had miraculously turned into a **living space** measuring one hundred square feet* [Krzhizhanovsky, 2006, p. 82]. В результате использования адаптационной стратегии читатель текста перевода не опознает лексему из бюрократического дискурса, соотносящегося с советским пространством. Во втором из приведенных примеров переводчица использует также общепринятый прием адаптационной стратегии, передавая устаревшую русскую меру площади с помощью английских единиц (*двадцать квадратных аршин* – *one hundred square feet*). Подобная нейтрализация временной отнесенности лексемы, связанная с применением адаптационной стратегии перевода, происходит в случае передачи лексемы *постоялец*, относящейся к главному персонажу новеллы, осваивающему *жилплощадь* самоубийцы. Переводчица передает устаревшую лексему *постоялец* с помощью нейтральной лексемы *lodger*: *И еще через час новый постоялец возился у двери...* [Кржижановский, 1991, с. 391] – *In another hour the new **lodger** was tinkering with the door* [Krzhizhanovsky, 2006, p. 83]. Однако при переводе исчезает не только временная отнесенность лексемы, но и оттенок значения «кратковременности» срока, на который жилец занимает помещение (ср. *постоялец* – *жилец*; *lodger* / *roomer* – *tenant*).

Для переводчицы оказывается невозможным передать характерную для текстов Кржижановского игру слов, связанных с обозначением пространства: *...ведь если бы я не очистил моих двадцать квадр. аршин, повесившись на крюке в левом углу Вашего теперешнего жилья, Вам вряд ли бы удалось отыскать себе покойный угол ...* [Кржижановский, 1991, с. 394]. – *...you see, had I not vacated my hundred sq. feet by hanging myself from the hook in the left-hand corner by the door of your current quarters, you would hardly have found yourself a **resting place** with such ease* [Krzhizhanovsky, 2006, p. 85]; *Живите: комната сухая, соседи тихие и покойные люди...* [Кржижановский, 1991, с. 394]. – *Go on and live: the room is dry, the neighbors quiet and **peaceful**...* [Krzhizhanovsky, 2006, p. 85]. Игровой характер описания пространства, в котором жил прежний постоялец-самоубийца, передается в русском языке с помо-

щью лексемы *покойный*. В английском оттенок данного значения отчасти передан с помощью словосочетания *a resting place*, но словосочетание *the peaceful neighbors* подобного значения уже не имеет.

В текстах Кржижановского, в соответствии с модернистской поэтикой, наблюдается большое количество окказионализмов, обозначающих манипуляции с пространством: *защелк, впуск, войти в свое вне, неотступная пусть глазниц* и т.п. Переводчица не передает их на английский язык, но в качестве компенсационной стратегии создания «книжного» пространства, в котором разворачивается повествование прежнего постояльца квартиры Штамма, вводит в текст коммуникативные фрагменты текста на французском языке, которых не было в оригинале: *...точно расчисленное будущее мыслится как некая осуществленность, то есть почти как прошлое* [Кржижановский, 1991, с. 394]. – *...an exactly calculated future may be thought of as a fait accompli, that is to say, almost the past* [Krzhizhanovsky, 2006, p. 85]. В тексте оригинала подобную функцию маркеров «книжного» пространства, в котором обитает постоялец квартиры №24, выполняют коммуникативные фрагменты на латинском языке, адекватно переданные в переводе на английский язык.

Подобное полифоническое многоязычие реального, а не «книжного» пространства Города в «Белой гвардии» Булгакова обозначается с помощью коммуникативных фрагментов на французском, немецком, украинском языках. При этом коммуникативные фрагменты разговорной французской речи как маркер обжитого, домашнего пространства в тексте Булгакова переданы кириллицей (*ансольман*), а в английском тексте эта характеристика разговорности коммуникативного фрагмента теряется, он передан с помощью грамматически правильной части фразы (*absolument pas*).

В тексте перевода «Белой гвардии» полностью сняты многочисленные коммуникативные фрагменты речи на ломаном русско-украинском языке, определяющие национально-маркированные границы в пространстве действия романа. В английском тексте они выделены только как фрагменты разговорной речи: – *Побачимо, побачимо, – повторил волк, – и мандат есть* [Булгаков, 1988, с. 188]. – *'We've come to have a look', the wolf repeated, 'and here's our warrant'* [Bulgakov, 2006, p. 232]; – *Хто в квартире? – сипловато спросил волк. – Никого нету, – ответил Василиса белыми губами, – я та жинка. – Ну те, хлопцы, смотрите, та швидче, – хрипнул волк, оборачиваясь к своим спутникам, – нема часу* [Булгаков, 1988, с. 188]. – *'Who's here?' asked the wolf in a hoarse voice. 'No one', Vasilisa replied through white lips. 'Just me and my wife'. 'Come on, lads – let's have a look. And quick',*

grunted the wolf to his companions. 'No time to waste' [Bulgakov, 2006, p. 232–233]. В булгаковском тексте смертельно испуганный Василиса начинает говорить на той же смеси русского и украинского языков, встраиваясь в коммуникативное пространство грабителей, но в тексте перевода это не передано даже стилистически.

Таким образом, при передаче пространственных характеристик модернистских текстов М.А. Булгакова и С.Д. Кржижановского в ситуации их перевода на английский язык переводчиками используются следующие лингвоаксиологические стратегии: 1) адаптация основных топонимов текста и особой «неэвклидовой геометрии» текстового пространства; 2) элиминация окказионализмов, обозначающих манипуляции с пространством, и добавление коммуникативных фрагментов иного языка для создания эффекта «книжного пространства»; 3) элиминация коммуникативных фрагментов иного языка, маркирующих национально-культурное пространство, в котором действуют персонажи текста, и адаптивная замена данных коммуникативных фрагментов на экспрессивно окрашенные единицы разговорной речи. «Минус»-пространство в текстах С.Д. Кржижановского и «плюс»-пространство в текстах М.А. Булгакова переданы в переводах на английский язык с учетом национально-культурных особенностей аудитории текста перевода и с сохранением специфических особенностей модернистской поэтики авторов.

Литература

- Булгаков М.А. Романы: Белая гвардия. Театральный роман. Мастер и Маргарита. М., 1988.
- Кржижановский С.Д. Сказки для вундеркиндов: Повести, рассказы. М., 1991.
- Кушлина О.Б., Смирнов Ю.М. Некоторые вопросы поэтики романа «Мастер и Маргарита» // М.А. Булгаков-драматург и художественная культура его времени. М., 1988.
- Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб., 2000.
- Мансков А.А. Интертекстуальность прозы С.Д. Кржижановского. Барнаул, 2013.
- Петровский М. Мастер и Город: Киевские контексты Михаила Булгакова. Киев, 2001.
- Степанова Ю.В., Соколова Е.Н. К вопросу о языковой репрезентации авторской концептосферы в романе М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» // Сибирский филологический журнал. 2015. № 1.
- Топоров В.Н. «Минус»-пространство Сигизмунда Кржижановского // Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического. М., 1995.
- Фарино Е. Введение в литературоведение. СПб., 2004.
- Чудакова М.О. Жизнеописание Михаила Булгакова. М., 1988.
- Bulgakov Mikhail *The White Guard* / tr. from the Russian by Michael Glenny. London, 2006.

Haber E.C. Mikhail Bulgakov: The Early Years. Cambridge, Mass.; London, England, 1998.

Krzhizhanovsky Sigizmund Seven Stories / tr. from the Russian by Joanne Turnbull. Chicago, 2006.

Weeks L.D. Houses, Homes, and the Rhetoric of Inner Space in Mikhail Bulgakov // *The Master and Margarita: A Critical Companion*. Weeks. Evanston (Ill.), 1996.

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ СЛОЖНЫХ СИНТАКСИЧЕСКИХ КОНСТРУКЦИЙ В КОНТАМИНИРОВАННОЙ РЕЧИ АВТОРА И ПЕРСОНАЖЕЙ (НА МАТЕРИАЛЕ ОРИГИНАЛА РОМАНА J. GALSWORTHY «THE MAN OF PROPERTY»)

Н.А. Лантева, И.А. Широких

Ключевые слова: сложные синтаксические конструкции, композиционно-речевые формы, речь автора, речь персонажа, несобственно-прямая речь.

Keywords: complex syntactic constructions, text design patterns, author's speech, characters' speech, free indirect speech.

Как известно, оригинальный текст, созданный писателем, остается единственным и неповторимым материальным результатом индивидуального творчества художника слова и частью национального словесного искусства. Читая Дж. Голсуорси в оригинале, мы часто сталкиваемся с трудностями при переводе бесконечных сложносочиненных, сложноподчиненных, осложненных предложений. Цель данной статьи можно обозначить следующим образом: исследование зависимости сложных синтаксических конструкций от контаминации речи автора и речи персонажей. Материалом исследования является роман Дж. Голсуорси «Собственник». Выбор источника определен тем фактом, что роман представляет собой произведение, причисленное к классическим романам начала XX века, это образец классической литературы, пример для подражания. Основной темой является история жизни клана Форсайтов – общества в миниатюре [Galsworthy, 1974, s. 31].

Наше исследование основывается на следующих теоретических положениях. По своей структуре, предложения делятся на простые (монопредикативные конструкции) и сложные (полипредикативные конструкции), которые далее подразделяются на сложноподчиненные (основанные на подчинении) и сложносочиненные (основанные на со-

чинении). Простые предложения в структуре сложного могут быть связаны при помощи формальных маркеров (союзов и соединительных слов: относительных местоимений и наречий) или без каких-либо маркеров – бессоюзные предложения. Кроме этих типов существуют также периферийные типы, содержащие структуры вторичной предикации: инфинитивные, причастные и герундиальные конструкции, абсолютные причастные обороты, а также структуры с так называемой двойной предикацией. Такие предложения с вторичной предикацией устанавливают отношения функциональной синонимии с соответствующими придаточными предложениями. Эти конструкции не являются абсолютно синонимичными и их выбор продиктован различными синтаксическими, семантическими и прагматическими факторами [Козлова, 2005, с. 147–148]. Осложненные предложения встречаются как в повседневной жизни, так и в литературном языке. Они раскрывают принцип экономии языковых средств и лучше всего соответствуют тенденции современного языка передавать как можно больше информации за единицу времени и расстояния.

Люди, говорящие на английском языке, имеют в своем распоряжении несколько синтаксических средств представления событий, и, в зависимости от своей коммуникативной цели, функционального стиля и других факторов, говорящий/пишущий выбирает тот или иной функциональный синоним. В романе «Собственник» синтаксис изобилует сложными конструкциями, доказательством чему служит следующий фактический материал:

It was a fixed principle with him never to allude to June. She might take alarm, he didn't know what she might think; he hastened, therefore, to banish from his manner all traces of absorption, but in this he was about as successful as his father would have been, for he had inherited all old Jolyon's transparency in matters of domestic finesse; and young Mrs. Jolyon, busying herself over the affairs of the house, went about with tightened lips, stealing at him unfathomable looks [Galsworthy, 1974, s. 208].

Следующей теоретической составляющей исследования является положение о композиционно-речевых формах. Существенная черта художественного текста – «отражение в нем множественности точек зрения, что, собственно, соответствует множественности позиций, голосов, точек зрения в самой жизни» [Бабенко, 2003, с. 167]. Уместным представляется высказывание Ю.М. Лотмана: «Проблема точек зрения вносит в текст динамический элемент. Каждая из точек зрения в тексте претендует на истинность и стремится утвердить себя в борьбе с противостоящими. Так возникла та сложная «многоголо-

сая» структура точек зрения, которая создает основу современного художественного повествования» [Лотман, 1970, с. 335].

Если обобщить множественные точки зрения, то среди них выделяются две важнейшие, генерализующие все остальные в тексте. Это точка зрения автора и точка зрения персонажа, которые соответственно формируют две базовые композиционно-речевые формы изложения – авторскую речь и речь персонажа («чужую» речь) [Бабенко, 2003, с. 48]. Речевой поток персонажа неоднороден: о чем-то герой говорит, выражая свои суждения во внешней, звучащей диалогической речи, о чем-то думает, не проговаривая свои мысли вслух. Они в произведении выражены в форме внутренней речи. И наконец, наряду с названными, есть еще контаминированное, смешанное изложение, в котором присутствуют оба – и герой, и автор. Это – несобственно-прямая речь.

Сигналами «концепта» автора (термин В.А. Кухаренко) являются классические композиционно-речевые формы: описание, повествование и рассуждение, которые часто определяются как логические и речевые текстовые универсалии [Бабенко, 2003, с. 178].

Повествование берет на себя основную сюжетную нагрузку: сообщает о развивающихся действиях и состояниях, что делает его акциональным, динамичным. Описание фиксирует признаки объектов и субъектов действий и состояний и потому является преимущественно статичным. Рассуждение содержит информацию о причинно-следственных связях между объектами и действиями, имеющих место в пред- и постконтексте. Оно тоже статично.

1) *It was that famous summer when extravagance was fashionable, when the very earth was extravagant, chestnut-trees spread with blossom, and flowers drenched in perfume, as they had never been before; when roses blew in every garden; and for the swarming stars the nights had hardly space; when every day had all day long the sun, in full armour, swung his brazen shield above the Park, and people did strange things, lunching and dining in the open air* [Galsworthy, 1974, s. 198].

2) *Soames retraced his steps, and going into a celebrated eating house, asked for a plate of smoked salmon and a glass of Chablis; he seldom ate much in the middle of the day, and generally ate standing, finding the position beneficial to his liver, which was very sound, but to which he desired to put down all his troubles* [Galsworthy, 1974, s. 169].

3) *All Forsytes, as generally admitted, have shells, like that extremely useful little animal which is made into Turkish delight; in other words, they are never seen, or if seen would not be recognized, without habitats, composed of circumstance, property, acquaintances, and wives*

which seem to move along with them in their passage through a world composed of thousands of other Forsytes with their habitats [Galsworthy, 1974, s. 106].

Вышеприведенные примеры представляют собой чистые композиционно-речевые формы описания, повествования, рассуждения.

Чужая речь в художественном тексте – основной конструктивный компонент структуры образа персонажа. Формы речевого воплощения образа персонажей многообразны, а выбор их обусловлен как субъективно – творческим замыслом автора, так и объективно – характером самого персонажа. К настоящему времени при исследовании голоса персонажей принято, прежде всего, разграничивать внешнюю и внутреннюю речь, а также собственно речевые формы их воплощения. В зависимости от способов включения в текст различаются следующие конструктивные разновидности внешней речи: полилог, диалог, монолог, конструкции с прямой речью, конструкции с косвенной речью, несобственно-прямая речь.

Наряду с внешней, речевую партию персонажа составляет и его внутренняя речь. Этот тип речи используется в литературном произведении прежде всего для психологического анализа внутреннего мира персонажа, для описания его интеллектуального и эмоционального мира, мира ума, души и сердца. В.А. Кухаренко предложила следующую типологию внутренней речи: поток сознания, внутренний монолог, аутодиалог, малые вкрапления внутренней речи [Кухаренко, 1974, с. 73].

Внутренний монолог содержит размышления о каких-либо проблемах, чаще всего трудных, неразрешимых. Его содержание может быть обращено как к прошлому, которое оценивают, анализируют, так и к будущему, к тому, о чем мечтают, что предполагают и планируют. Прежде всего следует отметить, что в форсайтовском цикле совершенно отсутствует внутренний монолог в его классическом виде – развернутый на несколько абзацев, а то и страниц, передающий подобный анализ душевных переживаний персонажей или какого-либо явления окружающей действительности. Дж. Голсуорси не так часто использует внутренний монолог при раскрытии характера своих героев. И в этих случаях внутренний монолог всегда очень четок, лаконичен, логически последователен, предельно краток и отражает конкретное мышление персонажа: *She had come back then of her own accord, to the cage she had pined to be free of – and taking in all the tremendous significance of this, he longed to cry: «Take your hated body, that I love, out of my house! Take away that pitiful white face, so cruel and*

soft – before I crush it. Get out of my sight; never let me see you again!» [Galsworthy, 1974, s. 314].

Аутодиалог сигнализирует о разладе во внутреннем мире персонажа, о сомнении, поселившемся там, о борьбе добра и зла, эмоционального и рационального, ума и сердца. Сигнал дисгармонии внутреннего мира – «диалогизация сознания» [Бахтин, 1975, с. 76]. Это отражается на лексико-грамматическом уровне аутодиалога, в котором активно употребляется оценочная лексика, вопросительные, регулятивные синтаксические конструкции, редуцированные высказывания. Нижеприведенный пример демонстрирует данное положение: *And suddenly it shot through his mind, like a sick man's fancy: What's he doing? – that fellow who haunts me, who was here this evening, who's in love with my wife – prowling out there, perhaps, looking for her as I know he was looking for her this afternoon; watching my house now, for all I can tell!* [Galsworthy, 1974, s. 219].

Функция «малых вкраплений внутренней речи» – фиксировать мгновенные эмотивные реакции персонажа на события внешнего мира. Внутренняя реакция пунктуационно выделяется скобками, тире, точкой из диалога или авторского повествования, что даже зрительно вычленяет ее из коммуникативно направленного текста. Отражая эмоциональное восприятие события героем, малые вкрапления внутренней речи имеют в своем составе эмоционально и / или стилистически окрашенные единицы (*June stood in front, fending off this idle curiosity – a little bit of a thing, as somebody once said, «all hair and spirit», with fearless blue eyes, a firm jaw, and a bright colour, whose face and body seemed too slender for her crown of red-gold hair* [Galsworthy, 1974, s. 34–35]).

Особое место занимает несобственно-прямая речь. По утверждению А.М. Гаврилюк при создании и раскрытии образов в романе «Собственник» Дж. Голсуорси использует преимущественно несобственно-прямую речь, и текстовые фрагменты со сложными синтаксическими конструкциями содержат именно эту разновидность речи. Сам термин предложен в 1920-е годы В.В. Волошиновым в книге «Марксизм и философия языка». Особенность этого типа речи – контаминация голосов автора и персонажа или, по В.В. Виноградову, «скольжение речи по разным субъектным сферам» [Виноградов, 1971, с. 132]. Точка зрения героя доминирует, хотя сигналы его речевого присутствия всегда по количеству уступают авторскому тексту и могут быть сведены к одному-двум цитатным словам персонажа или разговорной конструкции.

При наличии значительных расхождений в классификации видов несобственно-прямой речи и определении ее места в прозе XIX–XX веков все исследователи соглашаются с тем, что основная ее функция – изображение ситуации изнутри, с позиций лица, ее непосредственно переживающего, а ее языковое выражение представляет собой сплав речи персонажа и речи автора. Контаминация обнаруживается в наложении признаков прямой персонажной и авторской речи, то есть мы заходим за пределы «канонических» признаков текста [Чувакин, 2003, с. 31]. В плане выражения все оформляется однотипно, как одно целостное авторское описание. Авторский текст обычно количественно доминирует. Сигналами речи персонажа является смена интонации, появление экспрессивных синтаксических конструкций, в том числе свойственных устной речи: парцелированных и фразеологизированных. Эти конструкции обнажают внутренние переживания персонажа, являются способом изображения его изнутри, с оценочной позиции самого персонажа.

Дж. Голсуорси известен как мастер внутренней речи [Широких, 2014, с. 80] и наш языковой материал подтверждает данное положение. При создании и раскрытии образов Голсуорси преимущественно использует несобственно-прямую речь. Сохраняя эмоциональную окраску и стиль речи персонажа, она в то же время дает возможность сократить, свернуть внутреннюю и внешнюю речь, тем самым помогая выделить только то главное, что раскрывает характер персонажа. Имеет место контаминация голоса автора и персонажей в различных текстовых фрагментах, составляющих нашу выборку: *The perfect luxury of his latter days had embedded him like a fly in sugar; and his mind, where very little took place from morning till night, was the junction of two curiously opposite emotions, a lingering and sturdy satisfaction that he had made his own way and his own fortune, and a sense that a man of his distinction should never have been allowed to soil his mind with work* [Galsworthy, 1974, s. 61].

Представлено описание-характеристика Суизина Форсайта, данная автором, и собственное мироощущение самого героя. Авторская ирония звучит уже в начале предложения при использовании сравнения – «*like a fly in sugar*», наблюдается раскрытие индивидуальности персонажа, представляющее собой сплав его речи и речи автора, что ведет к усложнению структуры данного предложения и увеличению его длины. Автор использует сочинение и подчинение, а также осложняет конструкцию однородными членами.

Несомненный интерес представляют короткие реплики «про себя», то есть «малые вкрапления внутренней речи». При этом несоб-

ственно-прямая речь и реплики часто сменяют друг друга, выполняя функцию мгновенных эмотивных реакций персонажа на события внешнего мира. Иногда только вкрапленная в речь повествователя и едва заметная она произвольно усиливает лирическую интонацию, настраивает читателя на более причастное сопереживание: *It would not do, as he kept repeating to himself whenever he felt the impulse to join the gossips in the bay window getting too strong for him – it absolutely would not do, with finances as low as his, and «the old man» (James) rusty ever since that business over the oil shares, which was no fault of his, to risk a row with Winifred* [Galsworthy, 1974, s. 183].

В плане выражения данная сложная синтаксическая конструкция оформлена как авторское повествование, но речь персонажа количественно доминирует, о чем свидетельствует авторская ремарка *«as he kept repeating to himself»*, повтор *«It would not do»*, вкрапление *«the old man»*, и характерные для Дарти экспрессивные единицы *«rusty»*, *«to risk a row»*. Использование сочинительной и подчинительной связей, инфинитивной и причастной конструкций позволяет автору соединить разнородные явления и за счет этих средств увеличить длину предложения.

В исследуемом нами романе могут быть обнаружены такие «чистые» формы несобственно-прямой речи, в которых автор неотделим от персонажа. Их надо искать в картинах внутренней жизни Джолиона старшего и его сына, чьи взгляды близки воззрениям Голсуорси: *The man was unusual, not eccentric, but unusual; he looked worn, too, haggard, hollow in the cheeks beneath those broad, high cheekbones, though without any appearance of ill-health, for he was strongly built, with curly hair that seemed to show all the vitality of a fine constitution* [Galsworthy, 1974, s. 209].

Портрет Босини воссоздан красками, которые часто использует сам автор, и может быть приписан ему. Но он предстает перед нами в форме несобственно-прямой речи как впечатление Джолиона младшего. Используя сочинение и подчинение, а также осложнение однородными членами и таким образом удлиняя предложение, автору в то же время удастся дать портрет Босини через восприятие молодого Джолиона. Чаще всего описания героев романа, в частности «Нефорсайты», даны нам со стороны, через восприятие Форсайтов.

The notion that James and his womankind had seen him in the company of his son had awakened in him not only the impatience he always felt when crossed, but that secret hostility natural between brothers, the roots of which – little nursery rivalries – sometimes toughen

and deepen as life goes on, and all hidden, support a plant capable of producing in season the bitterest fruits [Galsworthy, 1974, s. 176–177].

Настоящий пример является описанием внутреннего состояния Старого Джолиона после того, как Джеймс увидел его в парке в обществе сына (как явствует из текста, молодой Джолион потерял право быть Форсайтом, женившись на иностранке; теперь же Старый Джолион пытался наладить отношения с сыном, что явно не вызывало одобрения среди членов его семейства). Перед нами раскрывается истинное отношение братьев друг к другу, вся та скрытая вражда, соперничество, корнями уходящее в детство. При этом автор использует сочинительную и подчинительную связь, нанизывая составляющие одну за другой, однородные члены, усложняя предложение обособленной конструкцией и увеличивая его длину. Подобное выделение, а также эмоционально окрашенные лексические единицы как «womankind», «impatience», «hostility», «rivalries», глагольные лексемы «to awaken», «to feel» сигнализируют о присутствии речи персонажа в данном предложении.

Одной из особенностей изображения героев романа «Собственник» является то, что человек у Голсуорси практически всегда наедине со своими мыслями и душевными переживаниями, особенно это относится к тонко организованным натурам. «Каждый сам по себе, нет полного взаимопонимания даже между близкими людьми. А, кроме того, все эти люди приучены сдерживать свои чувства, дабы соблюсти этикет и не нарушить правила приличия, ведь они так хорошо воспитаны» [Гаврилюк, 1977, с. 101].

Анализ фактического материала по реализации композиционно-речевых форм показал, что в тексте имеют место примеры «чистых» композиционно-речевых форм, а также контаминация речи автора и речи персонажа. Языковой материал доказал, что для раскрытия внутреннего мира как главных, так и второстепенных героев романа «Собственник» ведущее значение приобретает несобственно-прямая речь. Это подтверждает наше предположение о том, что сложность синтаксических конструкций зависит от контаминации речи автора и речи персонажа.

Литература

- Бабенко Л.Г., Казарин Ю.В. Лингвистический анализ художественного текста. Теория и практика. М., 2003.
Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. М., 1975.
Виноградов В.В. О теории художественной речи. М., 1971.

- Власова Ю.Н. Синонимия синтаксических конструкций в современном английском языке. Ростов-на-Дону, 1981.
- Дубашинский И.А. «Сага о Форсайтах» Джона Голсуорси. М., 1979.
- Козлова Л.А. Теоретическая грамматика английского языка (на английском языке). Барнаул, 2005.
- Кухаренко В.А. Стилистическая организация текста художественной прозы // Лингвистика текста. М., 1974.
- Лотман Ю.М. Структура художественного текста. М., 1970.
- Основы теории текста. Барнаул, 2003.
- Широких И.А. Функциональный блок экзистенциальных предложений. Барнаул, 2014.
- Gaslworthy J. The Man of Property. Moscow, 1974.
- Nowotny W. The Language Poets Use. London, 1962.

ЯВЛЕНИЕ ЛЕКСИЧЕСКОЙ МНОГОЗНАЧНОСТИ В СЛОВАРЕ И ТЕКСТЕ (НА ПРИМЕРЕ АНГЛИЙСКОЙ ЛЕКЕМЫ PEER)

Г.Т. Безкоровайная

Ключевые слова: многозначность, словарная статья, текст, когнитивный, вариативность, семантическая эволюция.

Keywords: polysemy, dictionary item, text, cognitive, variability, semantic evolution.

Для современного состояния филологических наук, как подчеркивает А.А. Чувакин, характерно «выдвижение в центр гуманитарного знания философии знаковых систем и коммуникаций, приходящей на смену философии сознания, развивающийся антропологический поворот, повышение значимости естественного языка как базы объяснения многих проблем теории человека» [Чувакин, 2006, с. 8].

Изучение полисемии можно считать когнитивным, поскольку оно связано с анализом внутренней, содержательной стороны языкового знака, теснейшим образом связанной со знанием, познанием, когницией. Вместе с тем междисциплинарная когнитивная наука, окончательно оформившаяся к 80-м годам XX века, сосредоточила все свое внимание исключительно на работе сознания, репрезентации в нем разных видов знания, в том числе, знания языка, механизмов его функционирования. Все традиционно рассматриваемые в лингвистике вопросы приобрели в когнитивной науке антропоцентричность, стали рассматриваться в

тесной связи с самим субъектом восприятия, познания, мышления и поведения – человеком [Лещева, 2014].

В процессе изучения СП *gentleness / nobleness*, отражающего номинативные единицы антропоцентричного характера, в структуру данного поля был включен конститuent *peer*. В данной статье рассмотрено, как отражено явление многозначности в словарной статье, а также в художественном тексте.

Согласно анализу происхождения лексемы *peer* в ряде толковых и этимологических словарей английского языка, значение ее восходит к латинскому *per*, означающему равный, вошедшему через старофранцузский язык в среднеанглийский в XII веке. Вместе с тем это не единственное значение, лексема является полисемантической, а также проявляет активность в образовании ЛСВ. В статьях современных словарей, включая The Oxford English Dictionary, значение *равный* предстает первым: *an equal in civil standing or rank, equal before law*. Еще одним из начальных значений является толкование *компаньон, конкурент*. Общеизвестное и ассоциирующееся с английской языковой картиной мира значение *благородный, член сословия пэров* представлено в качестве 4 значения. В то же время обобщающее значение существительного *peer* как номинанта любого знатного человека наиболее часто репрезентируется в художественных текстах и трактатах на английском языке.

Так о значении понятия пэр и пэрство в Британии говорится в трактате герольда, историка и писателя Джеймса Лоуренса:

*It has been asserted by envy or ignorance, that the **peers** are the only nobility in the British empire. This assertion has been repeated on the Continent, and particularly in France, by those who wish to inculcate the inutility of the ancient noblesse. This assertion, however unfounded, has done injury to individuals, and is derogatory to the honor not only of the gentry, but of **the peers** themselves; for the gentry being the nursery-garden from which the peers are usually transplanted, if the peers were to date their nobility from the elevation of their ancestors to the upper house, what upstarts would their lordships appear in the opinion* [Lawrence, 1840, p. 2].

В проанализированных художественных произведениях английских писателей XIX века (Э. Бульвер-Литтон, Ч. Диккенс) лексема *peer* использовалась как номинант представителя знати, члена палаты лордов Британского парламента. Кажется логичным предположить, что в романах викторианского периода, когда в качестве персонажей наиболее широко были представлены социальные сословия Британии, номинированные лексемами *noble, gentleman, earl, lord, baron, etc.*, входящие в состав семантического поля *gentleness / nobleness* (см.: [Безкоровой-

ная, 2011; 2014]), лексема будет реализовывать только свое значение *пэр*, что видно из следующих примеров:

He might have been a Peer if he had played his cards better. Mr. Pitt had very nearly made him; but he ratted always at the wrong time. What an old Silenus it was! [Dickens, URL].

I am an only child. My father was the younger son of one of our oldest earls; my mother the dowerless daughter of a Scotch peer [Bulwer-Lytton, Pelham, URL].

Knowest thou not that there is scarce a gentleman of my train below the state of a peer's son, and that I have made, by refusals, malcontents eno', as it is? – Yet, bold! there is my learned brother, the Archbishop of York. Knowest thou Latin and the schools? [Bulwer-Lytton, URL].

Однако анализ текстов романов показал, что более общее значение *равнозначный, равный* также встречается в них, тогда как абстрактные существительные, образованные с помощью суффиксации: *peerage, peerdom, pearess, peering, peership* в рассмотренных романах не используются. Лексема *peerage* напрямую связана с номинацией знатного, благородного, высшего сословия, включая и значение *книги, содержащей список представителей сословия пэров*.

Кроме существительных, корень *peer* находится в следующих прилагательных и наречиях: *peerless, pearly, peery*. Глагол *peer* трактуется и как *стать равным*, и как *стать пэром*, а также в отдельной статье даны значения *рассматривать, показывать себя, выглядывать*. Лексема образует словосочетания, реализуя значения *равный*, например: *peer pressure* – *давление со стороны сверстников, членов своего круга; peer group* – *сверстники, группа сверстников; peer to peer* – *одноязычная сеть*.

Отобранный методом сплошной выборкой материал показывает, что в настоящее время лексема в значении *представитель высшего сословия* используется в художественном тексте реже, чем в публицистических, новостных текстах. Так, согласно данным British National Corpus, лексема *peer* как означающее представителя знати сегодня чаще всего встречается в газетных и рекламных текстах (835 употреблений). В ряде словарей значение *равный, один из группы* выходит на первое место. В рекламе высших учебных заведений, курсов лексема употребляется в значении *партнер, сокурсник*. Кроме того, *peer* становится компонентом термина в компьютерном дискурсе, входя отдельной статьей в компьютерный словарь

. *Peer-to-peer communication refers to these real or virtual connections between corresponding systems in each layer.*

Таким образом, поскольку «многозначным, или полисемантическим, может быть слово, имеющее на определенном синхронном срезе развития языка несколько планов содержания при одной форме их выражения, независимо от того, является ли идентичность формы случайным совпадением результатов вариативности планов выражения этимологически разных лексических единиц или же закономерным результатом семантического развития одной и той же лексической единицы» [Лещева, 1978, с. 17], можно прийти к выводу, что в случае с лексемой *peer* и ее ЛСВ мы наблюдаем как раз вариативность, возникшую в результате семантической эволюции. Преодолению проблемы адекватности и верного выбора значения служит контекст.

Литература

Безкоровайная Г.Т. Способы репрезентации семантического поля *gentleness / nobleness* и корреляция значения компонентов: синхронический аспект (на материале английской художественной литературы XIX // Лексикология и фразеология (романо-германский цикл). Санкт-Петербург, 2011.

Безкоровайная Г.Т. Семантическое поле *GENTLENESS / NOBLENES* в английском языке и его актуализация в художественном тексте (на материале романов английского писателя XIX века): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2014.

Лещева Л. Лексическая полисемия в когнитивном аспекте. М., 2014.

Чувакин А.А., Кошей Л.А. Номо Лоуэна как исходная реальность и объект филологии: к постановке проблемы // Филология и человек. 2006. № 1.

Чувакин А.А. К пониманию объекта современной филологии // Человек–коммуникация–текст. Барнаул, 1998. Вып. 2. Ч. 2.

British National Corpus. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.natcorp.ox.ac.uk>

The Oxford English Dictionary. Oxford, 1933.

The Free On-line Dictionary of Computing. [Электронный ресурс]. URL: <http://foldoc.org>

Lawrence James On the Nobility of the British Gentry, or the Political Ranks and Dignities. London, 1840.

Bulwer-Lytton E. The Last of the Barons. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gutenberg.org/files/7727/7727-h/7727-h.htm>

Bulwer-Lytton E. Pelham. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gutenberg.org/files/7623/7623-h/7623-h.htm>

Dickens C. Great Expectations. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gutenberg.org/files/1400/1400-h/1400-h.htm>

**ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ГАЛЛИЦИЗМОВ
ВО ФРАЗЕОЛОГИИ ЯЗЫКА Л.Н. ТОЛСТОГО:
ИЗ ОПЫТА ОПИСАНИЯ ТЕЗАУРУСОБРАЗУЮЩИХ ЕДИНИЦ
(НА ПРИМЕРЕ *FAIS CE QUE DOIS, ADVIENNE QUE POURRA*
И *DANS LE DOUTE ABSTIENS TOI*)**

О.В. Ломакина

Ключевые слова: языковая личность, язык Л.Н. Толстого, тезаурус, фразеология.

Keywords: language personality, L.N. Tolstoy language, thesaurus, phraseology.

На протяжении нескольких веков текст был объектом как литературоведческого, так и лингвистического анализа. Утвердившаяся во второй половине XX века теория текста как научная дисциплина позволила рассмотреть тексты разной стилистической и жанровой принадлежности не только в единстве формы и содержания, но и как междисциплинарную единицу, охватывающую «любые знаковые последовательности» (Н.С. Валгина) и находящуюся на стыке психологии, лингвистики, риторики, прагматики, семиотики, герменевтики и других гуманитарных наук. Отсюда А.А. Чувакин делает вывод о том, можно говорить о появлении в современной филологии коммуникативной парадигмы, в соответствии с которой текст рассматривается в пространстве филологических и коммуникативных наук [Чувакин, 2011, с. 10].

Идея о том, что «нельзя познать сам по себе язык, не выйдя за его пределы, не обратившись к его творцу, носителю, пользователю – к человеку, к конкретной языковой личности» [Караулов, 2010, с. 7], подтверждает необходимость изучения языка того или иного писателя во всей общности созданных им текстов. Фразеологизмы и паремии, организуя «статичную и относительно стабильную картину мира» [Караулов, 2003, с. 6], являются чертой идиостиля таких писателей-прозаиков, как М.А. Булгаков, Ф.М. Достоевский, Б. Зайцев, Л.Н. Толстой, В.М. Шукшин и др.

Одним из векторов изучения языка писателя может быть определение «тезаурусообразующих» (термин Ю.Н. Караулова) единиц и их лексикографическое описание. «Задача по выявлению тезаурусообразующих единиц решается при помощи статистического метода, когда определяется частотность языковых единиц, и когнитивно-дискурсивного подхода, при котором выявляется взаимосвязь язы-

ковых и внеязыковых факторов создания и понимания текста» [Ломакина, 2011, с. 68]. Тезаурусообразующими могут быть и фразеологические средства языка: собственно фразеологизмы, пословицы, крылатые единицы.

Синхронический анализ текстов разных стилей и жанров помогает увидеть писательские искания, установить и уточнить значение фразеологизмов. Диапазон примеров, дифференцированных относительно жанра, позволяет уловить, как формировались смысловые оттенки – элементы фразеологического значения, а также значение крылатых единиц в процессе фразеологизации. Нельзя не отметить, что частотно используемый фразеологизм, выполняя лишь прагматическую функцию, далеко не всегда становится тезаурусообразующей единицей, а лишь говорит о языковых предпочтениях писателя.

Фразеология является средством выражения авторской позиции в текстах различных жанров и стилей, составляющей тезауруса Л.Н. Толстого. Для характеристики языковой личности Л.Н. Толстого важно установить, как в связи с изменением мировоззрения, жизненной философии происходит смена языковых приоритетов: наполненное радостью, светскостью, яркостью стремление к идеалу в первой половине жизни после кризиса сменяется духовным прозрением. Анализ языкового материала позволил отнести к тезаурусообразующим единицам языка Л.Н. Толстого следующие: *comme il faut*, *Дамоклов меч*, *Поднявший меч от меча погибнет*, *перековать мечи на орала*, *Fais ce que dois, advienne que pourra*, *Dans le doute abstiens toi*, *непротивление злу <насилием>*, *Царство Божие*, *арзамасский / московский ужас*, *арзамасская тоска*, *арзамасская / московская ночь*. Рассмотрим функционирование в языке Л.Н. Толстого галлицизмов *Fais ce que dois, advienne que pourra* и *Dans le doute abstiens toi*, имеющих общую сему «данное свыше, не зависящее от человека». Ср.: *Fais ce que dois, advienne que pourra* – «франц. Поступай таким образом, как ты должен поступить, а будь, что будет» [Бабкин, 1994, т. 2, с. 511]; *Dans le doute abstiens toi* – «франц. При сомнении воздерживайся» [Бабкин, 1994, т. 1, с. 330]¹. Проанализируем их употребление в языке Л.Н. Толстого.

Французскую пословицу *Fais ce que doit, advienne que pourra* писатель использует преимущественно в эпистолярных и мемуар-

¹ В Полном собрании сочинений Л.Н. Толстого эти галлицизмы имеют следующий перевод «Делай, что должно, и пусть будет, что будет», «В сомнении воздерживайся», который мы принимали во внимание в своей работе.

ных текстах в нетранслитерированном виде. Единичны в языке Л.Н. Толстого употребления этой поговорки в русском переводе:

*Зрячую, духовную часть человека называют совестью. Эта духовная часть человека, совесть, действует так же, как стрелка компаса. Стрелка компаса двигается с места только тогда, когда тот, кто несет ее, сходит с того пути, который она показывает. То же и с совестью: она молчит, пока человек **делает то, что должно**. Но стоит человеку сойти с настоящего пути, и совесть показывает человеку, куда и насколько он сбился¹ («Путь жизни», «Душа», «Совесть – голос души», т. 45, с. 37).*

*Софья Андреевна вчера уехала отсюда и очень трогательно прощалась со мной и с Таней и ее мужем, прося, очевидно искренно, со слезами у всех прощения. Она невыразимо жалка. Что будет дальше, не могу себе представить. **«Делай, что должно перед совестью, богом, а что будет, то будет»**, – говорю себе и стараюсь исполнять (Письмо А.К. Чертовой 30 августа 1910 года, т. 89, с. 210).*

Наряду с употреблением без изменения плана выражения, встречаем эллиптированный вариант:

*Вы попали, очевидно, к Захарьину в недобрый час, если он у тебя нашел чуть не чахотку, милая Таня. Только что я порадовался на то, что лето проходит без волнений, как начались со всех сторон. Но я не намерен поддаваться им, хочу только делать **ce que dois** [что должно] (Письмо Т.Л. Толстой, 2 августа 1894 года, т. 67, с. 183).*

В следующем примере усеченный вариант поговорки содержится в препозиции и в композиционном плане предвосхищает дальнейшее сообщение. Повторяющиеся компоненты писатель использует в качестве доказательств правоты поговорки, выражает свое согласие с высказанной мыслью:

*Думаю же я все о тебе. Как тебе тяжело и одиноко, и тревожно будет в Твери. Могу тебе советовать только то, что сам себе советую в тяжелые и трудные минуты. **Fais ce que doit, advienne que pourra**. Если сделал то, что считаешь **должным** и что можешь, и делал все не для себя, то больше ничего большего от себя не **должно** требовать, а надо успокоиться и отдыхать и молиться. Есть такое состояние, в котором чувствуешь, что дальше ничего **делать** путного не можешь, что всякая попытка*

¹ Здесь и далее цитаты с указанием тома и страницы приводятся по: Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений в 90 тт. М., 1928–1958.

*продолжать **делать** в таком состоянии усталости, суеты или раздражения только повредит делу, а не подвинет его. И тогда надо остановиться, не волноваться и отдыхать. Для того же, чтобы не волноваться, надо молиться. Ты знаешь это, потому что сама теперь молишься. Только молиться я предпочитаю не по книжке, не чужими словами, а своими. Молиться я называю обдумывать свое положение не в виду каких-нибудь мирских событий, а в виду Бога и смерти, т. е. перехода к нему или в другую обитель его. Меня это очень успокаивает и утверждает, когда я живо пойму и сознаю то, что я здесь только на время и для исполнения какого-то нужного от меня дела. Если я здесь **делаю** по силам своим это **дело**, то что же может со мной случиться неприятного? ни здесь, ни там? Знаю я, что для тебя главное горе разлуки с Ванюшкой. Но и тут все тоже спасение и утешение: сближение с Богом, а через Бога с ним. От того то и обращаемся мы в горе потерь, смертей к Богу, что чувствуем, что соединение с ними только через него* (Письмо С.А. Толстой, 3 октября 1895 года, т. 84, с. 240).

*Как-то совестно за отношения с Ландовской, и музыка. Вообще душевное состояние недовольства собой, но не тоскливое, а напротив. **Fais ce que doit...**, и хорошо. Важное письмо от Божьего Полка. Нынче посетитель, с которым дурно поступил, но поправился. Не пишется, а хочется и думается. Может быть, и выйдет. Очень, очень хочется сказать, душит потребность. Но не как я, а как Ты. Не знаю, хорошо ли это или дурно, то, что после общения с людьми всегда совестно, всегда чувствуешь, что **делал не то, что нужно** – *l'esprit de l'escalier* [задним умом]. Так было с Власовым, а можно бы хорошо поговорить. Недовольство же в том, что **не то делаю с людьми, думаю, что хорошо**. Надо учиться. Разумеется, легко бы одному, а вот учись с людьми! (Дневники, 16 января 1909 года, т. 57, с. 12).*

В первом примере представлен ряд ФЕ-актуализаторов: *делал не для себя, повредит делу, на время, по силам*, благодаря которым создан фразеологически насыщенный контекст. Это письмо, приведенное почти полностью, отражает непростой период в жизни семьи Толстых – смерть младшего сына Ванечки. Писатель считает, что душевное состояние можно спасти только молитвой, он делает сообразное своим принципам, понимая, что не может изменить необратимое. Второй контекст представляет собой отрывок из дневниковой записи, где Толстой обращается к недавним событиям жизни,

критически оценивает свое поведение, призывая учиться жить по совести, не обособливаясь, а среди людей.

В некоторых случаях наблюдаем параллельное употребление как французской паремии, так и русского синонима¹ в течение нескольких дней в различных текстах, что помогает понять, что для писателя важно понимание божественного замысла, а не поведение конкретного человека:

*Только отрешиться хорошенько от славы человеческой, установать твердые, всегда чувствуемые отношения с богом, с хозяйном моей жизни, хорошенько, вполне отказаться от осуществления каких бы то ни было желаний, хорошенько проникнуться великим словом: **fais ce que doit, advienne que pourra** или по-русски: «**человек ходит, бог водит**», и не будет заботы о том, Закхей я или Будда. Я – Толстой или Наживин – хочу только одного, истинно хочу делать его волю, а что выйдет из моего хотенья, это не мое дело. Все это ясно, когда есть полная искренность. Если же я не только Закхей, но фарисей в глазах людей, то это только тем лучше, чтоб я устанавливал свое отношение с одним богом. Не представляйте себе никакого своего внешнего положения, а только как можно чаще, особенно при сношениях с людьми, от жены и до генерал-губернатора и нищего, вспоминайте, кто вы, что вы обязаны, не обязаны, а что вам истинно хорошо для вашего блага делать, и вы будете совершенно спокойны: может быть, вырежете свое мясо для тигрицы, а может быть, будете сажать яблони и есть яблоки в своем саду (Письмо И.Ф. Наживину, 14 ноября 1906 года, т. 76, с. 234).*

*Часто, особенно теперь, с новой силой вспоминаю и понимаю: **Fais ce que dois, advienne que pourra. Человек ходит, Бог водит.** Все в этом: в том, чтобы не думать последствиях поступков, а о доброте, божественности поступков. Понимание этого изменяет всю жизнь (Дневники, 17 ноября 1906 года, т. 55, с. 273–274).*

При анализе употреблений, на наш взгляд, важно учитывать характер коммуникативного намерения писателя. Вне зависимости от графического оформления, включения паремии в предложение или функционирование в виде отдельного высказывания, употребление в неизменном или структурно измененном (имплицированном) виде рассматриваемая пословица отражает мировоззрение писателя, его нравственную установку – стремление к самосовершен-

¹ Подобное сочетание пословиц встречаем в «Записной книжке 1906 г.», запись датирована ноябрем 1906 года (т. 55, с. 391).

ствованию, добрым поступкам. Фразеологические актуализаторы помогают оценить отношение писателя к этой пословице: он называет ее «выражением глубокой мудрости» (т. 69, с. 21), это нравственный принцип Л.Н. Толстого, от которого он не намерен отступить, завещая своим близким (условно обозначенный как «план мой»), и которому он верен до конца дней. Именно галлицизм *Fais ce que dois, advienne que pourra* содержат последние дневниковые записи, сделанные незадолго до смерти:

Ночь была тяжелая. Лежал в жару два дня. 2-го приехал Чертков. Говорят, что Софья Андреевна. 3-го Таня. В ночь приехал Сережа, очень тронул меня. Нынче, 3-го Никитин, Таня, потом Голденвейзер и Иванъ Иванович. Вот и план мой. Fais ce que doit, adv... И все на благо и другим, и главное, мне (Дневники, 3 ноября 1910 года, т. 58, с. 126).

Приведенные примеры доказывают, что в языке писателя французская поговорка получает окказиональное значение «Поступай сообразно совести, совершай добрые поступки, принимай посланные испытания, не противься судьбе», конкретизация которого возможна благодаря анализу контекстуальных употреблений.

Другая французская поговорка *Dans le doute abstiens toi* имеет большее временное и жанрово-стилистическое распространение: писатель употреблял ее начиная с 60-х годов, времени создания романа-эпопеи «Война и мир», а в последний раз использует незадолго до смерти, в сентябре 1910 года. В количественном отношении преобладают эпистолярные тексты (8) по сравнению с дневниками (1), художественным произведением (1), собрании мудрых мыслей «На каждый день» (1).

В романе «Война и мир» эта поговорка вложена в уста Кутузова, когда он говорит с Андреем Болконским. Писатель с симпатией относится к этому персонажу, доверяя ему часть своей философии. Представляется, что данный принцип можно объяснить правильность решений военачальника, в соответствии с этим правилом жил и Андрей Болконский:

Что ж делать? – спросил он, видимо ожидая ответа. – Да, что ты велишь делать? – повторил он, и глаза его блеснули глубоким, умным выражением. – Я тебе скажу, что делать, – проговорил он, так как князь Андрей все-таки не отвечал. – Я тебе скажу, что делать, и что я делаю. Dans le doute, mon cher [В сомнении, мой милый], – он помолчал – abstiens toi [воздерживайся], – выговорил он с расстановкой («Война и мир», т. 3, ч. 2, гл. XVI; т. 11, с. 173–174).

В письмах Л.Н. Толстой дважды приводит семантизацию этой поговорки, благодаря чему можно определить ее окказиональное значение: «Стоит прийти в душевное равновесие, не быть озлобленным, а затем можно принимать взвешенное решение что-л. делать».

*Милый друг, вы переживаете критический период своей жизни, очень мучительный и трудный. Я всей душой сочувствую вам и желаю, чтобы вы поступили по-божьи – в виду бога, в виду вечности, помня плотскую смерть, которая вводит нас и всех людей в общую всем нам жизнь непространственную, невременную. Если есть такая жизнь, то надо жить и действовать в виду ее, если же нет, то совершенно все равно, как ни действовать. Писали вы ночью, но письмо ваше дышит беспокойством и недобротой. **В сомнении воздерживайся**, говорят, а я бы сказал еще: в беспокойном, нелюбовном состоянии воздерживайся, замри, жди, когда придет доброта; а пока не решай* (Письмо Н.Н. Ге (сыну), 12 августа 1894 года, т. 67, с. 190).

*Тем-то отличается религиозное решение вопроса от всякого другого, особенно политического решения, что при религиозном решении не может быть никаких сомнений. Есть мудрая французская поговорка: **Dans le doute abstiens toi**, т. е. в сомнении, если есть сомнение, воздерживайся, не делай ни того, ни другого. И это вполне подходит к вашему случаю. Нельзя, не будучи религиозным, поступать по религиозным мотивам. Не будучи религиозным надо поступать по-мирски. А как поступать по-мирски для своей личной выгоды, всякий хорошо знает.* (Письмо Я. Райгородскому, 22 сентября 1906 года, с. 76, с. 197).

В приведенных примерах писатель использует как инвариант, так и русский перевод поговорки. Следующий контекст содержит имплицированный вариант паремии:

*Я плох: бросил Тулон, который мне очень не нравится неопределенностью тона — то газетного игривого, то рассудительного-скучного, и не знаю, пошлю ли. **Dans le doute** [В сомнении]... (Письмо Л.Л. и Т.Л. Толстым, 2 марта 1894 года, т. 67, с. 59).*

В одном из писем В.Г. Черткову поговорка *Dans le doute abstiens toi* выполняет текстообразующую функцию:

*Я очень люблю поговорку: **Dans le doute abstiens toi**. Я считаю это мудрым христианским правилом. Это то же, что у Лао-дзы, высшая добродетель «le non agir» [неделание]¹. Я понимаю это*

¹ Статью с названием «Неделание» Толстой написал в 1893 году, где изложил свою точку зрения: люди часто не делают то, что необходимо, а, напротив, делают ненужное.

так, что все грехи наши – от того, что мы делаем, делаем для себя, то, что могли бы не делать. Только то, чего мы не можем не сделать, только это божье дело, дело сделанное через – посредством нас Богом. – Если бы человек **воздерживался** от всех своих личных дел, все-таки были бы дела, от которых он не мог бы **воздержаться**, и это были бы дела Божьи. Если же человек делает свои дела, то из-за них, из-за суеты этих дел, он не увидит дел Божьих, не узнает их. И потому делать надо только тогда, когда **не можешь удержаться**, не можешь не делать. – Все это пишу в ответ на ваш вопрос – давать ли рукопись читать и т. д. Есть **сомнение**, значит, **можно удержаться и потому не должно**. То же самое дело может представляться вам так, что вы будете не в состоянии не сделать. Тогда **не будете сомневаться**, тогда это будет дело Божье. Да, только при углублении в себя, при отрешении от своих личных желаний, выясняется дело Божие, которое мы призваны делать (Письмо В.Г. Черткову, 12 марта 1889 года, т. 86, с. 218–219)¹.

Данная паремия использована в препозиции, предворяя текст, в котором Л.Н. Толстой излагает точку зрения китайского философа Лао-Цзы, чьи идеи были близки писателю. В качестве актуализаторов употреблены компоненты этой пословицы в переводе, а также глагол *делать* и его дериваты, которые в контексте анализируемого письма представляют собой «осколки» пословицы *Делай, что должно, и пусть будет, что будет*, рассмотренной нами выше. Таким образом можно говорить о контаминации пословиц.

Как показывают приведенные примеры, пословицу *В сомнении воздерживайся* писатель считал *мудрым христианским правилом, справедливым изречением* (т. 43, с. 228), приводил «авторскую самодefиницию» (термин А.М. Мелерович, В.М. Мокиенко), что позволяет говорить о концептуальном способе экспликации коммуникативного намерения автора, включении паремии в ряд «тезауросообразующих» единиц.

Представленная тезауросообразующая фразеология является сквозной (доминантной) для отрывка, конкретного произведения или всего языка, выделение таких единиц доказывает мысль В.В. Виноградова о синтезе «форм словесного выражения и плана содержания», который в своих суждениях опирается на точку зрения Л.В. Щербы о том, что цель анализа (толкования – термин

¹ Текст этого письма положен в основу записи 24 апреля в сборнике «На каждый день» (т. 43, с. 228–229).

Л.В. Щербь) произведения художественной литературы – показать языковые средства, выражающие его идею и эмоциональное содержание [Виноградов, 1959, с. 86].

Выделение и описание функционирования тезауросообразующей фразеологии расширило представления о языковой личности Л.Н. Толстого. Так, через язык – выбор фразеосредств – можно доказать справедливость постулатов о философских и религиозных взглядах писателя: на смену светскости, стремлению к идеалу после духовного кризиса приходит рефлексия, поиск царства Божьего, стремление к всеобщему счастью.

Литература

Бабкин А.М., Шендцов В.В. Словарь иноязычных выражений и слов, употребляющихся в русском языке без перевода. В 3-х тт. СПб., 1994. Т. 1–2.

Виноградов В.В. О языке художественной литературы. М., 1959.

Караулов Ю.Н., Гинзбург Е.Л. Опыт типологизации авторских словарей // Русская авторская лексикография XIX–XX веков: антология. М., 2003.

Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М., 2010.

Ломакина О.В. Фразеологизмы и пословицы как смысловые доминанты художественного текста (на материале произведений Л.Н. Толстого) // Вопросы филологии. 2011. № 2.

Чувакин А.А. К построению филологической теории коммуникации: статья первая // Филология и человек. 2011. № 4.

ЭСТЕТИЧЕСКАЯ ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ И МЕЖЛИТЕРАТУРНЫЙ ДИАЛОГ (НА МАТЕРИАЛЕ ПЕРЕВОДА СТИХОТВОРЕНИЯ ПУШКИНА «КОГДА ТВОИ МЛАДЫЕ ЛЕТА» НА ТАТАРСКИЙ ЯЗЫК)

А.З. Хабибуллина

Ключевые слова: интерференция, диалог литератур, перевод, художественное мышление.

Keywords: interference, dialogue of literatures, translation, artistic thinking.

Среди понятий, позволяющих рассматривать особенности восприятия мира «другой» литературы, инонациональное сознание, которое к нему обращено, особое место занимает эстетическая интерференция. Кон-

цепция эстетической интерференции как явления рецепции «чужой» литературы и одной из форм межлитературного диалога сложилась в отечественной филологии в 90-е годы XX века [Хабибуллина, 1998].

Вместе с тем, сам термин «интерференция» имеет давнее происхождение. К тому же он используется не только в области гуманитарных знаний (в лингвистике, психологии, истории), но и «точных» науках, например, в физике (интерференция волн).

Эстетическая интерференция тесно связана с языковой или лингвистической интерференцией. Она, как и последняя, представляет собой продукт национального сознания личности. Однако, в отличие от языковой интерференции, имеющей осознанный и вполне прогнозируемый характер, эстетическая интерференция возникает стихийно. Читатель, воспринимая инациональное произведение, чаще всего не осознает, что его рецепция и понимание может преодолевать границы инационального художественного содержания. В этом случае возникает своего рода «отклонение» – своеобразное восприятие иноязычного произведения в свете национального сознания и традиций родной литературы читателя.

Эстетическая интерференция – уникальное явление. В отличие от языковой и других видов интерференции, через нее раскрывается сложный мир чувств и тонких переживаний читателя. В этом случае эстетическая интерференция «переживается» внутренне, существуя как трудно уловимое чувство или «случайная» эмоция.

Являясь одним из главных аспектов межлитературного диалога, эстетическая интерференция имеет место в переводе, в читательском восприятии, в критическом истолковании «другой» литературы. При этом необходимо учитывать, что эстетическая интерференция в контексте диалога – явление положительное, так как через нее раскрываются черты уникального, неповторимого восприятия, позволяющего выявить новые смысловые стороны художественного содержания. Именно в этом – положительном, а не только трансформирующем (разрушительном) качестве – она сложилась в диалоге татарской литературы начала XX века с русской классикой.

Так, нами было установлено, что эстетическая интерференция, являясь фактом диалога литератур, нашла выражение в вольных переводах произведений Пушкина и Лермонтова на татарский язык. Наиболее активно они выполнялись в начале XX века, в поэзии Г. Тукая, Дардемента, С. Рамиева, С. Сунчалая.

Именно в этот период в татарской литературе происходила персонафикация авторского «Я»: Тукай – рационален, Бабич – романтичен, Рамиев – демоничен и т.п. Татарская поэзия находилась в ситуации углубления

и развертывания индивидуально-авторского, личностного начала, что, безусловно, влияло на возникновение эстетической интерференции.

Наиболее полно это иллюстрируют переводы лирических стихотворений Пушкина и Лермонтова, которые выполнил в начале XX века Тукай.

Обратимся к анализу стихотворения Тукая «...га» («Шома тормыш юлында..»), 1911), представляющего собой свободный перевод известного произведения Пушкина «Когда твои молодые лета...», которое поэт в 1829 году посвятил Анне Керн.

Названное стихотворение Пушкина примечательно тем, что в нем раскрывается один из наиболее значительных образов лирики русского поэта – образ толпы. В русской критике начала XX века он получил достаточно интересное обоснование. В частности, М. Гершензон в своей специальной статье, посвященной Пушкину, выделяет его из ряда других образов и противопоставляет тому, что, по его мнению, Пушкин особенно ценил в человеке – способность к чувству, к страсти. «Как душевная полнота, писал критик, – есть высшее состояние личности, так бесстрашие – низшая, последняя нищета души. Один этот признак Пушкин и вкладывал в понятие толпы. Нелепо говорить о его аристократизме: чернь для него – те, кто живет бесстрастно, даже не тоскуя по душевной полноте; слово «хладная» у него – постоянный эпитет к слову «толпа» и встречается десятки раз во всевозможных сочетаниях: «хладная толпа», «хладный свет», «посредственности хладной» и т.п.» [Гершензон, 1990, с. 229].

То же противопоставление лирических субъектов, – с одной стороны, того, кто наделен чувством, способностью сопереживать, а с другой – «холодной толпы» – находим и в стихотворении Пушкина «Когда твои молодые лета...». В нем поэт открыто осуждает толпу, свет, противопоставляя его тщеславную любовь и лицемерие той, которую он хочет защитить.

*Когда твои молодые лета
Позорит шумная молва,
И ты по приговору света
На честь утратила права;
Один среди толпы холодной
Твои страдания делю
И за тебя мольбой бесплодной
Кумир бесчувственный молю
[Пушкин 1987, т. 1, с. 459].*

В стихотворении Пушкина образ толпы, света присутствует в каждой из частей стихотворения. В первой – образ девушки как жертвы молвы света, способного на строгие осуждения.

Во второй части толпа характеризуется как холодный, то есть равнодушный и бесчувственный мир. Далее мотив противостояния лирического героя и толпы усиливается. В третьей части поэт пишет о негласных законах «холодной толпы»: *Он не карает заблуждений, / Но тайны требует для них.* [Пушкин 1987, т. 1, с. 459]. Пушкин эмоционально подчеркивает лживость света, его лицемерие, которое заставляет страдать сердце, забывать о прежних чувствах («*К забвенью сердце приготовь*») [Пушкин 1987, т. 1, с. 459].

И, наконец, в четвертой части поэт обращается к лирической героине с призывом оставить свет. Здесь характеристика света достигает наиболее сильного эмоционального выражения. Поэт сравнивает его нападки с «мучительной отравой», «душным кругом», единственный выход из которого – стать одинокой, покинуть лживое общество.

Отметим, что в татарском переводе, выполненным Тукаем, в целом сохраняется основной образ – образ толпы. В произведении также присутствует мотив «тщеславной любви», то есть неискреннего, ненастоящего чувства, в котором доминирует гордость и превосходство над человеком, ищущем его, однако здесь он выражен иначе. Эпитет «тщеславная любовь» Тукай оставляет непереуказанным, что связано с тем, что в татарском языке начала XX века он был мало употребим. В стихотворении татарского поэта доминирует не представление о любви, сколько *описание* той жестокости общества, с которой сталкивается его герой. «Тщеславная любовь» для татарского поэта сходна с жестокостью мира («дөнья»), что углубляет в стихотворении и делает главным мотив одиночества.

Известно, что Тукай посвятил свое произведение не женщине, а другу. По воспоминанию К. Мустакия, современника Тукая, оно было адресовано переводчику Султану Рахманкулову (1886–1916) [Тукай, т. 2, с. 364]. Он, как и Тукай, обращался к переводам на татарский язык произведений А.С. Пушкина, а также переводил Л. Толстого, И. Тургенева, М. Горького.

В переводе лирический герой, как и в стихотворении Пушкина, вынужден страдать из-за несправедливого обвинения людей, непонимания и презрения окружающих.

*Шома тормыши юлында гизгәнеңдә яңлышып тайсаң,
Йөзенңең дәфтәренә син хатаң кер вә тап салсаң,
“Кабахәт”, “бәдбәхет”, “жүнсез” кеби күп ямьсез ат алсаң,
Сине ташлап бөтен дөнья, үзең ялгыз фәкәт калсаң, –
Белеп тор: мин чыгармын таи куңелләләр арасыңнан,*

Көлеп тормам, карап читтән, синең бәхтең карасыннан
[Тукай, 2003, с. 221].

(Когда на гладком жизненном пути, ошибившись, поскользнешься,

Когда на чистый лист лица ты по ошибке наложишь грязь и пятно,

Когда ты получишь много плохих прозвищ, как “подлый”, “несчастный”, “беспутный”,

Когда тебя покинет весь мир и останешься ты совершенно одиноким,

Знай, выйду среди каменных сердец,

Не буду смеяться со стороны, что счастье твое черно) (Пер. Р. Башкуров).

Однако, стремясь передать на татарском языке отчаяние отвергнутого обществом друга, Тукай изменяет содержание произведения и его художественную форму в свете традиций родной литературы и ее поэтики. В стихотворении Тукая образ толпы трансформируется в образ народа («халык»); в данном случае это слово выступает как эквивалент слову «толпа», который не использовался Тукаем, так как данный концепт не существовал в татарской литературе в то время. Народ здесь своеобразный эквивалент толпы, но не толпы как светского общества.

В первых двух бейтах у Тукая соответствием пушкинского света выступает «дөнья» (мир), что, безусловно, усиливает мотив одиночества героя. Более эмоциональной оказывается характеристика социума и в следующей части (у Пушкина – «холодная толпа»; у Тукая – «таш күнеллеләр» (досл. «каменные сердца»)).

Как и в произведении Пушкина, народ, подобно толпе, свету, смиряется с тайными поступками человека и не признает их огласку. Однако если в стихотворении Пушкина для создания образа толпы используются эпитеты «холодная», «шумная молва», «душный круг», то Тукай говорит о грехе (гөнаһ) народа (*Жәзалау камчысын биргән гөнаһлы ул халыкка кем?*) и тайных и грешных поступков тех, кто может избежать осуждения:

*Жәза бирми – халык һич тә гөнаһ эш, ышьрен эшләргә,
Куша анчак кеше сизмәс рәвештә ышьрен эшләргә!*

[Тукай, 2003, с. 221].

(За грешные и тайные поступки народ тебя не будет карать,

Он лишь велит их незаметно, втайне совершать!).¹

Однако наиболее ценным в переводе Тукая становится новый смысловой нюанс: поэт пишет о том, что любовь и признание людей, подобно другим чувствам, быстротечны и изменчивы, единственным же судьей человеческих поступков является только Бог.

Таким образом, если в стихотворении Пушкина любовь света видится тщеславной (*Достойны равного презренья / Его тщеславная любовь /, И лицемерные гоненья: / К забвенью сердце приготовь;*), то татарский поэт утверждает иное: скоротечность человеческой любви и несовершенство любви народа [Пушкин, 1987, т. 1, с. 459].

*Жәзалау камчысын биргән гәһәһлы ул халыкка кем?
Түгел, юк! Бирмәгән һичкем; Ходай – гадил,
Ходай – хахим!
Икәү без, бер дә тилмермә халыкка, сөймәсен барсын,
Аның күк тиз сүнә торган сөюдә ни хәер бар сөң!
[Тукай, 2003, с. 221].*

*(И кто он, давший грешному народу наказанья плеть?
О нет! Такого нет; Бог – справедлив,
И Бог – судья!
Нас двое, и не страдай за тот народ, что любит всех,
Какая польза в этой быстро гаснущей любви?).*

Эти идеи, развивающиеся в представления о Боге как единственном судье пороков личности и всего народа, а также мотив быстротечности человеческих переживаний определили заметные изменения в переводе данного стихотворения, эстетическую интерференцию в нем. Справедливо утверждать, что перевод Тукая обогатил произведение Пушкина новыми философскими мотивами, трансформирующими эмоциональную силу мотива противостояния лирического героя и толпы. На определенном уровне инонационального восприятия данный мотив превращается (перерастает) в согласие с тем, что жестокость народа, общества возможна в этом мире, так как за всеми его поступками стоит воля и наказание Бога.

Таким образом, татарский поэт, переводя произведение Пушкина, оказался в ситуации стихийного диалога с ним. Свободный перевод Тукая иллюстрирует специфику татарского художественного мышления, выразившегося в ином – восточном – прочтении «чужого» текста. Речь идет о том, что в татарской литературе начала XX века сохраняли силу восточные арабо-мусульманские художественные традиции, ко-

¹ Здесь и далее подстрочный перевод наш – А. Хабибуллина.

торые утверждали представление о могуществе Бога (Аллаха), о его определяющей роли в судьбе как отдельного человека, так и народа в целом. (Интересно отметить, что в целом ряде переводов Тукая произведений русских поэтов этот мотив также звучит достаточно сильно («Тээссер» – «Впечатление», «Соңра» – «Ответ», «Вәгазь» – «Наставление»).

Таким образом, эстетическая интерференция в татарском переводе стихотворения Пушкина связана, прежде всего, с семантической трансформацией образа толпы. У Тукая – это не толпа, свет, а народ, также способный на жестокость и равнодушие. Вместе с тем открыто представленная в оригинальном произведении оппозиция героя и толпы здесь нарушается, «смягчается», так как в целом она не была типичной для татарской литературы начала XX века.

Кроме того, перевод Тукая содержит в себе «новый» философский мотив, который углубил потенциальное содержание стихотворения Пушкина. Его возникновение во многом обусловлено воздействием на сознание поэта художественных традиций татарской и восточной литературы.

Отметим и другую особенность. В отличие от произведения Пушкина, вольный перевод Тукая более рационален по содержанию: поэт в нем дает совет (киңәш) другу, как следует вести себя в момент народного осуждения. При этом он открыто ссылается на Бога, видя в нем и справедливого судью и заступника. На наш взгляд, в таком аспекте смысловой трансформации инонационального произведения заметны черты восточного жанра насихат (наставление).

Усиливает эстетическую интерференцию и изменение поэтической формы произведения. Стихотворение Тукая написано арузом, оно состоит из бейтов (двустихий), которые не замкнуты в себе, как это было характерно для восточной классической поэзии, а связаны между собой по смыслу. Последовательная, логическая связь двустихий нарушает эмоциональную глубину и целостность произведения Пушкина, выводя на первый план саму историю взаимоотношений лирического героя и народа, жизненное событие, в котором есть место поучению, приятельскому совету.

Справедливо предположить, что первое восприятие Тукаем стихотворения Пушкина «Когда твои молодые лета» имело черты стихийной интерференции, однако в процессе перевода она стала частью межлитературного диалога. Интерференция здесь переросла границы бессознательного, открыто иллюстрируя нравственно-психологические взгляды татарского поэта.

Литература

- Гершензон М. Мудрость Пушкина // Пушкин в русской философской критике. Конец XIX – первая половина XX века. М., 1990.
- Пушкин А.С. Сочинения: в 3-х тт. М., 1985. Т. 1.
- Тукай Г. Избранные произведения. Стихотворения, поэмы и проза. Казань, 2003.
- Тукай Г. Произведения: в 5-ти тт. Казань, 1985. Т. 2.
- Хабибуллина А.З. Русская литература в восприятии татарских читателей (эстетическая интерференция): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 1998.

ПОЭТИКА АНИМАЛИСТИЧЕСКИХ ЗАГЛАВИЙ В РАННЕЙ ПРОЗЕ А.П. ЧЕХОВА

Р.М. Иманкулова

Ключевые слова: поэтика заглавия, зооморфный код, зооморфизм, бестиарий.

Keywords: poetics of titles, zoomorphic code, zoomorphism, bestiary.

В раннем творчестве А.П. Чехова наблюдается постоянный интерес к анималистической образности, писатель часто обращается к зооморфным приемам при изображении персонажей, использует названия и имена животных в заглавии своих произведений. Исследование поэтики чеховского бестиария¹: особенностей его зоо-персонажей, анималистических заглавий, зооморфных тропов, поэтики и семантики прозвищ и фамилий, содержащих зооморфный код, позволяет выявить своеобразие художественной манеры писателя, уточнить представления об особенностях поэтической системы, «заглянуть» в творческую лабораторию начинающего писателя, разрабатывающего приемы комического изображения и оттачивающего лаконичный стиль своих миниатюр.

В настоящее время известно незначительное число работ, посвященных изучению чеховского бестиария. Следует отметить внимание к текстам Чехова со стороны ученых-лингвистов, сделавших предметом своего наблюдения язык писателя и исследующих функционирование в

¹ Бестиарий в словесном творчестве рассматривается как «упоминания в произведениях поэтов и писателей любых представителей фауны, безотносительно к их демонологической окраске» [Довгий, 2012, с. 23].

нем зоосемизмов и зооморфизмов, то есть слов-наименований животных в прямом и переносном значении, несущих большую семантическую нагрузку [Миرونюк, 1990], [Кьонг, 1997]. К числу литературоведческих исследований, в которых уделяется внимание тропам, основанным на животной семантике, в прозе мастера короткого рассказа, относится монография Н.А. Кожевниковой «Стиль Чехова», автор которой отмечает, что из произведения в произведение у Чехова переходят сравнения персонажей с животными, птицами, насекомыми. Эти тропы, по наблюдению исследователя, «входят не только в речь автора, но и в речь персонажей и служат, в частности, средством их характеристики» [Кожевникова, 2011, с. 293]. О приеме анимализации, который связан с традициями юмористики и способствует созданию смеховой ситуации в произведениях Чехова, пишет А.В. Кубасов в монографии «Проза А.П. Чехова: Искусство стилизации» [Кубасов, 1998, с. 46–47].

Поэтика анималистических заглавий ранних произведений Чехова заслуживает особого внимания как один из важнейших элементов художественного bestiaria писателя. В «Указателе произведений Чехова»¹ насчитывается более 30-ти произведений, имеющих в заглавии название того или иного животного («Баран и барышня», «Волк», «Дорогая собака», «За двумя зайцами погонишься, ни одного не поймаешь», «Козел или негодяй?», «Конь и трепетная лань», «Кот», «Лев и Солнце», «Лошадиная фамилия», «На волчьей садке», «Разговор человека с собакой», «Удав и кролик», «Хамелеон», «Дама с собачкой», «Медведь») или его кличку («Каштанка», «Белолобый»); название птицы («Бенефис соловья», «Ворона», «Грач», «Гусиный разговор», «Индийский петух», «Чтение (рассказ старого воробья)», «Лебединая песня», «Чайка»), рыбы («Налим», «Рыбье дело», «Рыба безгласная», «Рыбья любовь»), реке – насекомого («К сведению трутней»). При этом 25 из этих произведений принадлежат к раннему периоду творчества писателя² и лишь малая часть – к позднему³. Указанная закономерность, очевидно, связана с особенностями стилистики раннего периода творчества А.П. Чехова, а также приоритетом различных форм комического изображения, среди которых анималистическим заглавиям отводится особое место.

¹ Указатель произведений Чехова, упоминаемых в тт. I–XVIII сочинений [Чехов, 1982, т. 18].

² В соответствии со сложившимися в литературоведении представлениями о периодизации творчества А.П. Чехова, к произведениям раннего периода относятся написанные с 1880 по 1888 год.

³ Кроме того, три из перечня произведений с анималистическими заглавиями являются пьесами («Лебединая песня», «Медведь» и «Чайка»).

О том, какое значение придавал начинающий автор выбору заглавия, свидетельствует, например, история наименования сборника, впоследствии названного «Пестрые рассказы», получившая отражение в переписке А.П. Чехова с издателем Н.А. Лейкиным: *«А какое название мы дадим книге? Я перебрал всю ботанику, зоологию, все стихи и страсти, но ничего подходящего не нашел»* [Чехов, 1974, т. 1, с. 187]. Как видим, зоониму, как варианту заглавия своего первого сборника рассказов, Чехов отводит не последнее, если быть точными, второе место.

Интерес писателя к анималистическим образам и мотивам наблюдается в поисках адекватных заглавий: в выборе между «Павлином в вороньих перьях» и «Вороной», «Собакой» и «Дорогой собакой», «Дамой с мопсом» и «Дамой с собачкой», «Трутнями» и «К сведению трутней» – выиграла последние варианты. Рассказ «Каштанка» в журнальной публикации имел название «В ученом обществе». Однако, судя по черновым записям, автор не всегда отдает предпочтение анималистическим заглавиям, очевидно, руководствуясь решением художественных задач. Так, рассказ «Беда» мог иметь название «Баран», «На охоте» – «Дядюшка и собака», «Отец семейства» – «Козлы отпущения», «Циник» – «Звери», «Весной» – «Монолог кота», «Вынужденное заявление» – «Скоропостижная конская смерть».

К выбору заглавия для своих рассказов молодой писатель относился очень ответственно, о чем, например, говорит следующее рассуждение из письма к издателю: *«Рассказ я пришлю, добрейший Владимир Алексеевич, но сказать, как он будет называться, я не могу. Назвать его теперь так же трудно, как определить цвет курицы, которая вылупится из яйца, которое еще не снесено»*¹ [Чехов, 1975, т. 4, с. 271]. То есть заглавие, по Чехову, должно соответствовать окончательному («финальному») варианту произведения, поэтому в процессе работы над текстом писатель изменяет первоначальное заглавие в пользу более точно передающего идею художественного целого. Ю.Б. Орлицкий определяет заглавие как «название литературно-финального комплекса текста» [Орлицкий, 2008, с. 73]. Прочитав заглавие, читатель формирует для себя предпонимание текста, пытается «спрогнозировать» его последующее содержание.

С точки зрения структуры, среди чеховских заглавий с животной семантикой наиболее часто употребляются лаконичные – назывные однословные заглавия («Кот», «Волк», «Налим», «Ворона» и др.) и

¹ Заметим, кстати, что сам процесс наименования текста описывается автором с использованием анималистических образов.

конструкции, в которых имя существительное употреблено в сочетании с прилагательным, как правило, производным от названия животного («Лошадина фамилия», «Гусиный разговор», «Рыбья любовь», «Рыбье дело» и др.). Нередко в качестве заглавия выступают назывные словосочетания с союзом *и*, который выступает в разных значениях. Иногда он объединяет слова, логически соотносимые друг с другом («Кролик и удав»), иногда – понятия, имеющие, на первый взгляд, мало общего, чем достигается определенная экспрессия и следует удивление читателя («Баран и барышня», «Лев и солнце»).

Анималистические заглавия рассказов Чехова восходят к басенной традиции, ведущей начало с творчества древнегреческого поэта-баснописца Эзопа и получившей развитие на русской почве в баснях и сатирах А.Д. Кантемира, И.А. Крылова, сказках М.Е. Салтыкова-Щедрина. Вместе с тем, нельзя не заметить, что чеховские миниатюры с анималистическими заглавиями другой жанровой природы: за басенным заглавием зачастую следует анекдотичное содержание, лишенное аллегоричности и назидательности. В отличие от басен А.Д. Кантемира и И.А. Крылова, в рассказах и миниатюрах с анималистическими заглавиями Чехов не прибегает к приему аллегории, скрывая людей за масками животных. Скорее, наоборот, заглавие сигнализирует о животном начале в характерах изображенных персонажей. Так, название рассказа «Кот», на первый взгляд, объясняется тем, что центральным его событием является разбудивший молодых супругов ночной кошачий концерт, заглавную партию в котором исполняет большой белый кот *«его превосходительства»*. Но по прочтении рассказа читателю становится ясно, что котом автор называет самого старца-начальника, который *«сидел у окна и не отрывал глаз от котов. Его глазки светились вождедением и были полны масла, точно балет глядели»* [Чехов, 1975, т. 2, с. 133]. На память приходит поговорка: «Стар кот, а масло любит» [Даль, 1979, с. 179]. Метафоричное «баран» («Баран и девушка»), ассоциирующееся с упрямством и тупоумием, раскрывает качества чиновника, который с бесцеремонностью «барана» развлекает себя общением с Марьей Семеновной, дабы *«скрасить время»* до начала спектакля в театре, тем самым отнимая драгоценное время у барышни, которая еще не знает, что попала не к тому человеку. В качестве эвфемизма используется наименование животного, вынесенного в заглавие юмористического рассказа «Козел или негодяй?». *«Вечно мне снятся то козлы, то негодяи!»*, – произносит в финале рассказа девушка – жертва обмана сластолюбивого старца, который уверяет ее, что он ей просто снится [Чехов, 1975, т. 2, с. 160]. В приведенных примерах названия животных – кот, баран и козел – несут негативную

окраску, закрепленную в фольклорной традиции и разговорном сленге, выполняют оценочную функцию, и, будучи вынесенными в заглавие, предопределяют читательскую реакцию.

В рассказе «Хамелеон» образ животного в метафорическом заглавии также лишен телесного наполнения. Комический эффект базируется на неоправданных читательских ожиданиях (вместо рассказа о повадках экзотического животного читателю предлагают наблюдать за превращениями квартального надзирателя). Автору удается через заглавие, не прибегая в тексте к аллегорическому изображению или развернутым сравнениям своего персонажа с пресмыкающимся, остроумно сопоставить способность хамелеона менять окраску в зависимости от окружающей среды с качествами полицейского надзирателя Очумелова, готового в любой момент поменять свои суждения, выгодно «подстроиться» под обстоятельства. Таким образом, заглавие рассказа очень точно передает авторскую оценку и, помимо этого, программирует композицию, которая основана на изображении резких смен состояния персонажа.

На неоправданных читательских ожиданиях основывается также комический эффект рассказа с заглавием «Лошадиная фамилия». Незадачливый персонаж Чехова, приказчик, которого подвела память, запускает цепную реакцию припоминания «лошадиной фамилии» бывшего акцизного чиновника, заговаривающего зубы. На протяжении небольшого рассказа сам приказчик, генерал Булдеев, которого мучает зубная боль, его домочадцы и дворня предлагают более 30-ти возможных вариантов фамилий, прямо или опосредованно связанных с семьей *лошадь*. Анекдотичность ситуации достигает пика в финале рассказа, когда приказчик «*надумал*», наконец, что фамилия акцизного – Овсов, весьма косвенно, на самом деле, связанная с лошадью, однако генералу фамилия бывшего акцизного, заговаривающего зубы, уже без надобности, так как больной зуб ему уже удалил приглашенный врач.

Животные образы отсутствуют не во всех рассказах Чехова с зооморфным кодом в заглавии. Комизм изображения достигается и в том случае, когда о животном мире рассказывается как о человеческом обществе. Так, в рассказе «Гусиный разговор» обнаруживаются традиции сказок Салтыкова-Щедрина, зоо-персонажи которого живут в мире, смоделированном автором по образу и подобию человеческого¹. А.Б. Есин замечает в связи с этим, что «Щедрин, дав своим героям

¹ Прозрачные аллюзии на «Сказки» Салтыкова-Щедрина «Карась-идеалист», «Премудрый пискарь», «Вяленая вобла» обнаруживаются в сатирических миниатюрах Чехова «Рыбья любовь» и «Рыбье дело».

маски птиц, рыб, животных, затем как бы забывает об этом и не только заставляет их думать, говорить и действовать по-человечески, но и описывает их внешность, как человеческую» [Есин, 1977, с. 61]. Знания о повадках птиц наблюдателя-натуралиста соединяются у Чехова с сатирическим изображением чиновничьего мира: *«Впереди летели старики, гусиные действительные статские советники, позади – их семейства, штаб и канцелярия. Старики, кряхтя, решали текущие вопросы, гусыни говорили о модах, молодые же гусаки, летевшие позади, рассказывали друг другу сальные анекдоты и роптали. Молодым казалось, что старики летят вперед не так быстро, как того требуют законы природы...»* [Чехов, 1975, т. 3, с. 78]. В рассказе «Бенефис соловья» природа предстает как концертная сцена, где каждая птица, каждое насекомое выступает в роли певца. Главным героем вечера является соловей, которого автор называет то бенефициантом, то артистом, то любовником розы, то певцом, но только не соловьем. Налицо прием антропоморфизации природы. Миниатюра с подзаголовком «рецензия» дает многочисленные примеры антропоморфных образов: *«Запела затем контральто иволга, певица известная, серьезно занимающаяся. <...> загалдели и лягушки, живущие в камышах на казенных квартирах, и целые полчаса концертное пространство было полно разнообразных звуков, слившихся скоро в один звук. Где-то закричал засыпающий дрозд. Ему аккомпанировали речная курочка и камышовка. За сим последовал антракт, наступила тишина, изредка нарушаемая пением сверчка, сидевшего в траве возле публики»* [Чехов, 1975, т. 2, с. 143]. Ироничный характер повествования призван воспроизвести стилистику газетных рецензий. Как замечает В.Н. Гвоздей, «метафоричность “Бенефиса соловья” пародийна, что подчеркивается финальным перифрастическим выражением: *“Повар сунул любовника розы в лукошко и весело побежал к деревне. Мы тоже разошлись”*» [Гвоздей, 1999].

Особую категорию составляют чеховские рассказы, в которых животные участвуют в сюжетном действии наряду с людьми или выступают в качестве персонажей («Налим», «Волк», «Разговор человека с собакой», «Каштанка»¹ и др.). В заглавии таких рассказов название или кличка животного не несет метафорической нагрузки, а напрямую корреспондирует с содержанием рассказа. При этом главными действующими лицами в этих рассказах оказываются не животные, а люди, парадоксальным образом раскрывающиеся с неожиданной (комической или тра-

¹ Рассказ «Каштанка», который традиционно рассматривается в ряду произведений, написанных для детей, требует специального анализа, задачи которого выходят за рамки данной статьи.

гикомической) стороны посредством контакта с животным. Так, уже в названии рассказа «Разговор человека с собакой» заявлена анекдотичность ситуации, однако парадокс заключается в том, что разговор человека с «бессловесной тварью» неожиданно провоцирует (пусть на время) нравственное прозрение и самообличение допившегося «до чертиков» чиновника Романсова, вдруг осознавшего свое ничтожество. *«Тебе кажется, что я, Романсов, коллежский секретарь... царь природы... Ошибаешься! Я туняедец, взяточник, лицемер!.. Я гад!»*, – говорит Романсов, обращаясь к собаке [Чехов, 1975, т. 3, с. 188].

Таким образом, бестиарий чеховских заглавий довольно разнообразен и выполняет самые разные функции. Анималистические заглавия широко используются молодым Чеховым в юмористических рассказах с целью создания комического эффекта. Как правило, название животного в заглавии, выполняющее метафорическую функцию, вводит чеховские миниатюры в контекст сатирической традиции (фольклорной, историко-литературной). Посредством зоономинаций в заглавии автор выражает свое отношение к персонажам, программирует читательское восприятие текста, предвывая творческий диалог с читателем. Анималистические заглавия – неотъемлемая примета значительного корпуса ранних чеховских рассказов, выступающая в качестве ключа-кода к их содержанию и поэтике. Снижение частотности появления анималистических заглавий в зрелом творчестве А.П. Чехова является свидетельством изменения функций художественного бестиария, что, в свою очередь, очевидно, связано с существенными изменениями в поэтической системе писателя.

Литература

- Гвоздей В.Н. Секреты чеховского художественного текста. Астрахань, 1999.
- Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х тт. М., 1979. Т. 2.
- Довгий О.Л. Риторический бестиарий А.Д. Кантемира // Бестиарий в словесном и изобразительном искусстве. М, 2012.
- Есин А.Б. Фантастика у Чехова и Салтыкова-Щедрина // Чехов и его время. М., 1977.
- Коженикова Н.А. Стиль Чехова. М., 2011.
- Кубасов А.В. Проза А.П. Чехова: Искусство стилизации. Екатеринбург, 1998.
- Кыюнг Т.К. Системно-структурная организация зооморфизмов русского языка (на материале произведений А.П. Чехова и М.М. Зощенко). Воронеж, 1997.
- Миронок Л.Ф. Чеховский бестиарий в аспекте типологии образности // Языковое мастерство А.П. Чехова. Ростов-на-Дону, 1990.
- Орлицкий Ю.Б. Заглавие // Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий. М., 2008.
- Чехов А.П. Полн. собр. соч. и писем: в 30-ти тт. Письма: в 12-ти тт. Сочинения: в 18-ти тт. М., 1974–1983.

РИСУНКИ В.М. ШУКШИНА В АСПЕКТЕ ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Д.В. Марьин

Ключевые слова: русская литература XX века, жизнь и творчество В.М. Шукшина, рисунки писателей, рабочие записи.

Keywords: Russian literature of the XX century, life and creative activity of V.M. Shukshin, writer's drawings, working notes.

Рисунки известных писателей давно стали объектом изучения в литературоведении. Рисунки могут дать ценные сведения для реконструкции биографии художника слова, служить важнейшим источником для изучения истории того или иного произведения. Как однажды заметил С.М. Бонди, известный исследователь черновики А.С. Пушкина, «и рисунки на полях, и вид рукописи, и характер почерка <...> – все это дает прекрасный материал для изучения наиболее глубоких, интимных сторон “творческой истории”, если бы мы всегда умели в нем как следует разбираться» [Бонди, 1978, с. 14]. Напомним, что графические рисунки А.С. Пушкина, которые он оставил на страницах своих черновики, изучаются уже более 80 лет [Цявловская, 1983, с. 381].

Художественная проза В.М. Шукшина, его режиссерские и актерские работы в кино хорошо известны. Письмам, рабочим записям, дарственным надписям и т.п., как и ранним несобственно-художественным произведениям, писателя повезло гораздо меньше [Марьин, 2009], [Марьин, 2015, с. 5]. И уж едва ли кто-то из неспециалистов видел рисунки Василия Макаровича. Между тем, черновики рукописей, рабочие записи Шукшина нередко сопровождаются графическими рисунками (сделанными карандашом или шариковой ручкой). Чаще всего это геометрические фигуры, несложный орнамент, изображения мужских голов. Но есть и более сложные по композиции и исполнению зарисовки. В частности, хранящийся в архиве писателя черновик рассказа «Крепкий мужик» [Шукшин, 1984–1985, т. 3, с. 607] сопровождается на титульной странице рисунком церкви, по виду напоминающей знаменитый, воочию виденный Шукшиным (и, скорее всего, неоднократно), владимирский храм Покрова на Нерли в Боголюбове. Тогда несколько в ином аспекте – более глобальном, выходящим за пределы отдельного сибирского сельца – воспринимается и смысл самого рассказа!

Можно было бы предположить, что привычка к автоиллюстрации своих произведений у Шукшина – это элемент профессии кинорежиссера, которому нередко приходится самому делать раскадровку сценария. Следовательно, возникла она довольно поздно. Однако известно, что рисунки

присутствовали уже в юношеских литературных опытах Василия Шукшина (тогда – Попова). Его одногруппник по Бийскому автотехникуму (1943–1947 годы) Д.С. Ротов запомнил, что один из рассказов Василия – о летающем автомобиле, записанный между строк какой-то книги, сопровождался рисунком: «машина, похожая на ЗИС-5, на крыльях перелетает через реку» [Гришаев, 1994, с. 83]. Одним из последних рисунков Шукшина стал рисунок булавкой, обмакнутой в красный грим, сделанный писателем за день до смерти в гримерной съемочной площадке х/ф «Они сражались за Родину», на пачке сигарет «Шипка». Рисунок по странному стечению обстоятельств изображал «горы, небо, дождь, ну, в общем, похороны» [Никулин, 1979, с. 253].

Можно сделать предположение, что рисунки – важная часть работы Шукшина над литературным произведением, необходимый компонент его творческой лаборатории. Следует указать, что В.М. Шукшин в ряде случаев сопровождал рисунками и свои письма. Например, одно из писем к В.А. Софроновой (февраль 1966 года) [Шукшин, 2014, т. 8, с. 256] в финале содержит рисунок ребенка (очевидно, старшей дочери писателя Е.В. Шукшиной, о дне рождения которой и идет речь в письме) (см. рис. 1):

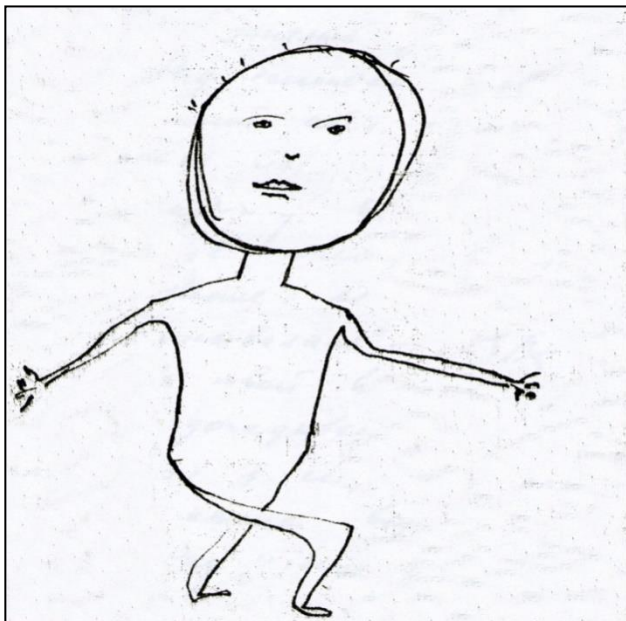

Рис. 1. Рисунок В.М. Шукшина в письме к В.А. Софроновой (февраль 1966 года) (ГМИЛИКА. НВФ. 1114/1).

К сожалению, не все рисунки алтайского самородка доступны для исследователей в оригинале. Очень многое еще сокрыто в личном архиве писателя в квартире на ул. Бочкова в Москве. Пока лишь сокровища фондов Всероссийского мемориального музея-заповедника В.М. Шукшина в с. Сротки позволяют буквально прикоснуться рукой к графическим рисункам кинорежиссера и писателя. В музее хранятся 4 тетради Шукшина, содержащие черновые рукописи произведений и рабочие записи. Одна из тетрадей (ВММЗВШ. ОФ. 9301), имеющая авторскую датировку, – январь 1971 года – сохранила на форзаце изображения человеческих лиц и рисунок человека (см. рис. 2). Нет сомнения, что таким образом писатель зафиксировал определенный момент работы мысли, психологического состояния, что вполне могло воплотиться затем и в живые образы его литературных произведений. Возможно в некоторых, особо оговоренных, случаях рассматривать подобные графические миниатюры в качестве отдельного типа шукшинских рабочих записей.

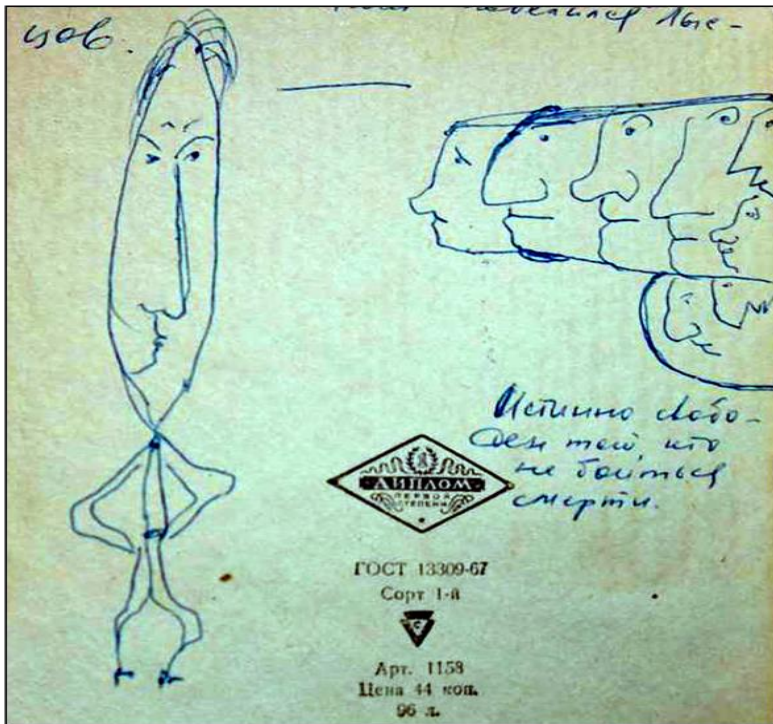

Рис. 2. Рисунок в рабочей тетради из фондов ВММЗ В.М. Шукшина (ОФ. 9301).

Рисунок, точнее целая графическая композиция в левой части форзаца шукшинской рабочей тетради включает в себя шаржированный рисунок человека в полный рост, но с аномальной пропорцией частей тела: голова увеличена, что позволило автору изобразить достаточно детально черты лица. В этом, пусть и шаржированном, изображении угадывается черты лица самого Шукшина (четко выделенные скулы, морщины на лбу). В правой части форзаца к фигуре обращены головы в профиль 8 человек. Изображение их еще более условно, и лица различаются лишь формой носов, что, возможно, и является главной дифференцирующей особенностью внешности для Шукшина в данном случае. Композиция рисунка позволяет предположить здесь романтический мотив противопоставления автора некоей группе людей («толпе»?). Человек запечатлен в позе «руки на поясе» (линия пояса при этом отчетливо обозначена), которая в невербальной семиотике, кинесике интерпретируется как «готовность к действиям», «невербальный вызов другим мужчинам» [Пиз, 1992, с. 146–148]. Это – сугубо мужская поза, что вполне соотносится с определением психотипа В.М. Шукшина, некогда сделанным профессором ВГИКа В.П. Михалевым: «Мужское достоинство было его психологической доминантой, причем связанной с глубинной проблемой компенсации» [Михалев, 2006, с. 30]. Противостояние, борьба, постоянное ощущение себя бойцом – все это читается в автошарже писателя. Наличие орфографической ошибки («не боиться») в тексте соседствующей рабочей записи может свидетельствовать о душевном волнении автора в момент фиксации ее на письме.

Что послужило непосредственным импульсом для рисунка, и как он может быть интерпретирован? Тетрадь, как мы уже указывали, датируется 1971-м годом. Именно этот год стал пиком борьбы Василия Макаровича за право постановки фильма о Степане Разине. 11 февраля 1971 года на заседании художественного совета к/с им. М. Горького было принято решение о необходимости обязательной доработки сценария фильма о Степане Разине. И хотя уже 25 февраля Шукшиным представлена на имя директора киностудии Г.И. Бритикова заявка с просьбой о продолжении подготовительных работ по фильму, фактически все работы были приостановлены. В письме к В.И. Белову, написанному в марте 1971 года, Шукшин посетует: «“Разина” закрыли. В “Нов.<ом> мире” больше не берут печатать, взял оттуда свои рассказы» [Шукшин, 2014, т. 8, с. 277]. Как известно, на к/с им. Горького фильм так и не был поставлен, и четкое осознание бесперспективности дальнейшей борьбы в итоге подтолкнуло Шукшина в конце 1973 года к переходу на к/с «Мосфильм».

Прямо под рисунком имеется запись, сделанная рукой писателя: «Истинно свободен тот, кто не боится смерти». В рассказе «Охота жить» встречается очень похожая по смыслу фраза в речи беглого: «Я не боюсь смерти. Значит, жизнь – моя» [Шукшин, 2014, т. 3, с. 94]. Жизнь при этом для «Коли-профессора» прямо ассоциируется с волей, что, конечно же, подключает широкий интертекстуальный пласт, связанный с разинской темой и будущим романом «Я пришел дать вам волю», над которым Шукшин работал во второй половине 1960-х годов. Да и сам беглый – широкоплечий, статный, с бородкой, притягательно властный, вполне может быть рассмотрен как двойник Разина.

В русском языке «воля» – это не только «состояние, характеризующееся отсутствием стеснений, ограничений; свобода», но и «власть, право распоряжаться по своему усмотрению» [Словарь русского языка, 1981–1984, т. 1, с. 209]. Беглый уголовник не только не боится смерти, но и не боится убивать, то есть лишать жизни другого человека по своей воле. Такое понимание воли читатель находит во второй части романа «Я пришел дать вам волю», где бунт Степана против устоев государства, церкви, казачьих обычаев особенно очевиден. «Жажда воли в народе удовлетворяется временным освобождением в бою, в гульбе, то есть язычески безличностном соединении с коллективным телом» [Рыбальченко, 2007, с. 322]. К огням большого города, к музыке, женщинам бежит Коля-профессор. Его стихийный антиклерикальный пафос («Если бы я встретил где-нибудь этого вашего Христа, я бы ему с ходу кишки выпустил. <...> Я бы сейчас нового Христа выдумал: чтоб он по морде учил бить» [Шукшин, 2014, т. 3, с. 96]) соотносится с язычеством и противопоставлен отнюдь не идейному, но закрепленному в народном сознании христианскому мировоззрению Никитича. Очевидно, что в ходе работы над романом Шукшин в очередной раз на материале рассказа «экспериментально» проверил один из идейных конфликтов произведения.

В сделанной не ранее января 1971 года (то есть уже после написания романа, практически одновременно с его публикацией в журнале «Сибирские огни») рабочей записи появление понятия «свобода», думается, не случайно. Шукшин уходит от категоричности и радикальности понятия «воля» к куда более многозначному русскому слову «свобода», которое среди 9 своих лексико-семантических вариантов в русском языке имеет и такие: «способность человека действовать в соответствии со своими интересами и целями, опираясь на познание объективной необходимости», а также «отсутствие политического и экономического гнета, отсутствие стеснений, ограничений

в общественно-политической жизни какого-либо класса или общества в целом» [Словарь русского языка, 1981–1984, т. 4, с. 52]. Показателем выводит В.К. Сигова, к которому ученый приходит в результате анализа мотива воли в художественном творчестве писателя, посвященном современности. «Своя воля в современных (то есть Шукшину. – Д.М.) условиях может себя реализовать только в делах разрушения, все другое делается по чужой воле» [Сигов, 1999, с. 169], что и продемонстрировано Шукшиным, например, в рассказе «Крепкий мужик». Можно предположить, что в мировоззрении позднего Шукшина понятие «воля» уступает место понятию «истинная свобода».

Итак, данная запись, сопровождаемая рисунком, без сомнения, связана с противостоянием режиссера членам худсовета, чиновникам киностудии им. Горького и Госкино. Василий Макарович Шукшин предвидел свое бессмертие в искусстве и готов был до конца отстаивать право на собственную точку зрения, то есть на свободу художественного воплощения своего главного замысла в кинематографе. Потенциал шукшинской графики в рабочих тетрадах и эпистолярной высказанности высок и обещает литературоведам новые горизонты изучения творчества известного русского писателя.

Литература

- Бонди С.М. Черновики Пушкина. Статьи 1930–1970 гг. М., 1978.
- Гришаев В.Ф. Шукшин. Сrostки. Пикет. Барнаул, 1994.
- Марьин Д.В. Первые публицистические работы В.М. Шукшина (1953 г.) // Творчество В.М. Шукшина в межнациональном культурном пространстве. Барнаул, 2009.
- Марьин Д.В. Несобственно-художественное творчество В.М. Шукшина: системное описание. Барнаул, 2015.
- Михалев В.П. Шукшин как психологический тип // Герои Василия Шукшина как воплощение национального характера. М., 2006.
- Никулин Ю. На Дону // О Шукшине. Экран и жизнь. М., 1979.
- Пиз А. Язык телодвижений. Нижний Новгород, 1992.
- Рыбальченко Т.Л. Я пришел дать вам волю // Творчество В.М. Шукшина: энциклопедический словарь-справочник. Барнаул, 2007. Т. 3.
- Сигов В.К. Русская идея В.М. Шукшина. Концепция народного характера и национальной судьбы в прозе. М., 1999.
- Словарь русского языка: в 4-х тт. М., 1981–1984.
- Цявловская Т.Г. Рисунки Пушкина. М., 1983.
- Шукшин В.М. Собрание сочинений: в 3-х тт. М., 1984–1985.
- Шукшин В.М. Собрание сочинений: в 9-ти тт. Барнаул, 2014.

КОММУНИКАТИВНАЯ КУЛЬТУРА СТАРООБРЯДЦЕВ УЙМОНСКОЙ ДОЛИНЫ¹

Т.Н. Никонова, Л.И. Толстых

Ключевые слова: старообрядцы, коммуникативная культура, речевые жанры, календарные события.

Keywords: Old Believers, communicative culture, speech genres, calendar events.

Задумываясь о вечных ценностях, о будущем потомков, мы неизбежно обращаемся к прогрессивной мысли прошлого, к жизненному опыту всех времен и поколений, к основе основ – народной философии, мудрости традиционного мировоззрения, нашему культурному наследию. Народ, не знающий истории и культуры предков, обречен на духовное вырождение. Эта хорошо знакомая нам истина звучит сегодня с новой силой. Именно поэтому мы отмечаем острую необходимость осмысления основ традиционной народной культуры, в том числе коммуникативной, тысячелетнего опыта освоения культурного пространства, механизмов передачи его грядущим поколениям.

Интерес к исследованию старообрядчества в Горном Алтае как исторически сложившейся небольшой по численности части русского народа продиктован тем, что в последнее время оно является не только религиозным направлением, но и олицетворяет национальную культуру русского населения региона.

История изучения сибирского старообрядчества является неотъемлемой частью истории старообрядчества России. Возможности для всестороннего изучения старообрядчества появились у отечественных ученых только в начале 1990-х годов. Возросший в это время интерес общества к духовной истории России привел к активизации научных исследований по истории «старой веры», результатом чего стала организация ряда научных конференций в Новосибирске, Москве, Владивостоке, Улан-Удэ и других городах. С 1990 года систематически проводятся международные симпозиумы, посвященные традиционной духовной и материальной культуре русских старообрядческих поселений в странах Европы, Азии, Америки. Большой интерес в научных и

¹ Издание осуществлено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта «Календарные события в коммуникативной культуре старообрядцев Горного Алтая». Проект №14-14-04006.

общественных кругах привлекли конференции «Живые традиции» (1995 год) и «Старообрядчество: история, культура, современность» (1996 – 2014 годы), «Язык, книга и традиционная культура позднего русского средневековья в науке, музейной и библиотечной работе» (МГУ, 2014) и «Историческое, культурное и духовное наследие Преображенского» (ИАИ РГГУ, 2014). Исследованием старообрядческой культуры активно занимаются как историки, так и археографы, этнографы, искусствоведы. Следует отметить, что актуальность современных исследований определяется не изучением старообрядчества в целом как явления, чему посвящено немало работ, а, прежде всего, исследованием отдельных лингвокультурных общностей. Закономерным в этой связи представляется то, что в мае 2001 года из российских памятников нематериальной культуры ЮНЕСКО объявил достоянием человечества устное творчество и культурное наследие семейских.

Самобытность русской культуры во многом созидалась и ревниво охранялась старообрядцами. Преемственность элементов старообрядческой культуры сочетается с региональными особенностями, сформировавшимися в результате контактирования с другими народами в иноконфессиональном и иноэтническом окружении. Именно поэтому региональный аспект истории и культуры старообрядчества, в том числе культуры речевого поведения, требует серьезных научных исследований.

Безусловный интерес для исследователей представляет старообрядческий субэтнос в Горном Алтае, история сложения которого, по устоявшемуся представлению, очень проста: «Часть обитавших по р. Бухтарме беглецов-«каменщиков», вновь принятая в российское подданство в 1792 году в качестве «ясашных», то есть приравненных в правовом отношении к сибирским аборигенам, переселилась на р. Катунь и ее приток р. Коксу в Центральном Алтае. Так было положено начало формированию русской по языку и культуре, но старообрядческой по вероисповеданию этнографической группе русского этноса» [Липинская, 1987, с. 22–23].

Давая этносоциальную характеристику старообрядцам Южного Алтая, Л.Н. Мукаева отмечает: «В досоветское время южно-алтайское старообрядчество отличалось как особым социально-экономическим укладом, так и исторически сложившейся психологией. Свообразие культуры и поведенческих стереотипов старообрядческого населения резко выделяет его из основной массы сибиряков и придает неповторимый колорит внешнему облику, образу жизни и быту. Даже в конце XX века оно имело собственную духовно-религиозную и материаль-

ную культуру, отличающуюся от традиционной русской» [Мукаева, 2001, с. 265].

В настоящее время исследование уникальной культуры старообрядцев, живущих на территории Республики Алтай, наиболее активно осуществляется на историко-филологическом факультете Горно-Алтайского госуниверситета. Особую значимость для успешной реализации поставленной задачи приобретают комплексные историко-лингвистические экспедиции в районы компактного проживания старообрядческого населения (села: Верхний Уймон, Катанда, Замульта, Мульта, Усть-Кокса, Тихонькая). Основные аспекты исследования – социальная история современного старообрядчества, ономастика, фольклор, коммуникативная культура в целом. В этом плане трудно переоценить роль местного музея старообрядчества в селе Верхний Уймон и его создателя и хранителя – Раисы Павловны Кучугановой – в фиксации и сохранении традиций народной жизни, отточенных веками. Материалы, собираемые Раисой Павловной на протяжении более 30 лет (пословицы, поговорки, песни, воспоминания, рецепты, загадки, заговоры, легенды, притчи, приметы и др.), стали отправной точкой для создания картотеки коммуникативной культуры старообрядцев.

Актуальность выбранной темы обусловлена неизученностью коммуникативной культуры лингвокультурной общности старообрядцев Уймонской долины Республики Алтай. В России только начинает развиваться традиция исследования коммуникативного поведения различных народов и социальных групп. Тем более актуально исследование самобытной культуры старообрядчества, претерпевающей значительные изменения в современном мире.

Приступая к изучению коммуникативной культуры старообрядцев Уймонской долины Республики Алтай в 2005 году, исследователи кафедры русского языка Горно-Алтайского университета ставили целью выявить тенденции развития коммуникативного поведения старообрядцев Уймонской долины (коммуникативные нормы и традиции этой лингвокультурной общности). Термин «коммуникативное поведение» впервые был использован в 1989 году в работе И.А. Стернина «О понятии коммуникативного поведения» [Стернин, 1989]. Коммуникативное поведение человека – сложное явление, связанное с особенностями его воспитания, местом рождения и обучения, со средой, в которой он привычно общается, со всеми свойственными ему как личности и как представителю социальной группы чертами, определяемыми особенностями национальной общности. Ценным материалом для нашего исследования в этом разрезе являются произведения фольклора, которые отражают веками складывающиеся модели речевого пове-

дения. Они служат системой ориентиров, помогающих человеку выбрать наиболее рациональный тип поведения в разных жизненных ситуациях, определить правила взаимоотношений с другими людьми.

В ходе работы над обозначенной темой были определены основные объекты изучения в коммуникативном поведении старообрядцев Уймонской долины: коммуникативное поведение и особенности культуры в вербальной коммуникации, коммуникативное поведение при невербальной коммуникации, речевые жанры и календарные праздники в коммуникации старообрядцев. Определена методологическая стратегия, которая основана на моделях исследования коммуникативного поведения, отраженных в работе Ю.Е. Прохорова и И.А. Стернина [Прохоров, Стернин, 2006], где предлагаются три основные модели описания коммуникативного поведения народа: ситуативная, аспектная и параметрическая.

Следует отметить, что ситуативная модель наиболее информативна и удобна для начального исследования. Она предполагает описание коммуникативного поведения в рамках стандартных коммуникативных ситуаций. Именно эта модель из практических соображений выбрана авторами как основная для проведения исследования.

Основными источниками исследования являются данные, собранные авторами в ходе экспедиций в район компактного проживания старообрядческого населения – Уймонскую долину (села Усть-Коксинского района Республики Алтай: Верхний Уймон, Катанда, Мульта, Замультя, Тихонькая, Усть-Кокса). Это аудио- и видеозаписи бесед собирателей с носителями традиции, а также рукописные дневники, в которых зафиксированы высказывания информантов, результаты наблюдения за их коммуникативным поведением, похозяйственные книги Верх-Уймонской сельской администрации (всего 36 книг), архивные данные. Как дополнительные материалы использовались сведения, полученные из опубликованных материалов Р.П. Кучугановой: «Уймонские старoverы» (Новосибирск, 2000), «Притчи, бывальщина уймонских старoverов» (Новосибирск, 2008), «Не евши легче, а поевши крепше» (Новосибирск, 2010), «Не много думано, да хорошо сказано» (Новосибирск, 2011), «Много бог детей дает, да лишних не посылает» (Новосибирск, 2010), «Через лютую боль с чистым сердцем остаться» (М., 2010), «Человека человеку повелел господь любить» (Новосибирск, 2013) и др.

Методы сбора исследовательского материала: направленная беседа, опрос, анкетирование, метод включенного наблюдения, использование письменных материалов (работ учащихся начальной и средней школы, местной прессы).

Результаты исследования коммуникативной культуры старообрядцев были апробированы на научных конференциях различного уровня и в публикациях. Научные доклады преподавателей и аспирантов по теме исследования прозвучали на международных конференциях Горно-Алтайска, Томска, Астрахани, Санкт-Петербурга, Нью-Дели (Индия), Праги (Чехия). Кроме того, опубликовано более 40 научных статей; прочитаны лекции о традициях и культуре старообрядцев Горного Алтая для студентов Канзасского университета (США), студентов и преподавателей Центра русского языка, литературы и культуры университета имени Джавахарлала Неру (Индия).

В конце 2014 года вышла в свет коллективная монография «Коммуникативная культура старообрядцев Горного Алтая» (Горно-Алтайск, 2014). Ее авторы – преподаватели кафедры русского языка и литературы, доценты Л.И. Толстых, Т.Н. Никонова, Н.А. Куликова. Данная монография явилась своеобразным подведением первых итогов исследования коммуникации старообрядцев Уймонской долины.

Структура монографии включает в себя три главы, которые последовательно представляют исследовательский материал. Так, в первой главе «Ценности культуры старообрядцев Горного Алтая: коммуникативный подход» дается представление об истории изучения коммуникативной культуры старообрядцев Уймонской долины; приводятся результаты исследования динамики имен собственных старообрядцев с. Верх-Уймон Усть-Коксинского района за XX век, рассмотренные через призму систематизации доступных антропонимических данных.

Так, в процессе исследования антропонимического пространства села Верхний Уймон была сделана сплошная выборка фамилий, имен, отчеств из 36 похозяйственных книг Верх-Уймонской сельской администрации в периоды с 1930 по 1940, с 1980 по 1990, с 2000 по 2009 годы. Из бесед с информантами (возрастной спектр информантов достаточно широк: от 1938 г.р. до 1996 г.р.) было собрано около 70 прозвищ, бытующих в селе Верхний Уймон. Все имена собственные намеренно были взяты из доступных трех периодов с целью сравнения имен, даваемых в разные периоды; проследить их частотность, изменчивость и повторяемость; отметить, какие имена характерны только для того или иного времени. В статье приведем данные по исследованию фамилий людей, проживавших и проживающих в селе Верхний Уймон.

Фамилии, часто употребляемые в период с 1930 по 1940 год.

- Бочкарев – 46 семей;
- Атаманов – 23 семьи;
- Огнев – 28 семей;

- Агапов – 11 семей;
- Фомин – 5 семей;
- Чернов – 10 семей;
- Черепанов – 12 семей;
- Казанцев – 10 семей;
- Кузнецов – 5 семей;
- Клепиков – 7 семей;
- Затеев – 6 семей;
- Иродов – 3 семьи;
- Ленский – 3 семьи.

Редкоупотребляемые фамилии: Артюков, Ерополов, Третьяков, Караченцев, Ярополов, Незелев, Булатов, Килин, Смеркягин, Шебалин.

Фамилии, часто употребляемые в период с 1980 по 1990 год.

- Ленский – 11 семей;
- Чернов – 13 семей;
- Бочкарев – 20 семей;
- Казанцев – 6 семей;
- Огнев – 11 семей.

Редкоупотребляемые фамилии: Болдаков, Березиков, Кононов, Гордополов, Подкорытов, Бердюгин, Трубачев, Писарев, Цвилий, Шершнеф, Аргоков, Золоедов, Басаргин, Ковальчук, Сивков, Шерепа, Орусов, Латкин, Воронов, Берсенев, Шевченко, Гражданкин, Орлов, Сосенко, Клименко, Ситников, Буткеев, Ретунский, Рукин.

Фамилии, часто употребляемые в период с 2000 по 2009 год.

- Казанцев – 96 семей;
- Бочкарев – 22 семьи;
- Огнев – 14 семей;
- Чернов – 13 семей;
- Ленский – 9 семей;
- Захаров – 7 семей.

Редкоупотребляемые фамилии: Березиков, Кононов, Гордополов, Подкорытов, Трубачев, Цвилий, Золоедов, Басаргин, Ковальчук, Сивков, Сосенко, Клименко, Карабейников, Рукин, Ситников.

Иноязычные фамилии (1930–1940 годы): Вардин (эстонец), Иризна Курточка (алтайка), Вардия Планета (русская, а отец – эстонец).

Иноязычные фамилии (1980–1990 годы): Талантаев (алтаец), Хуцук (молдаванин), Ташкинов (алтаец), Киркиш, Вейс, (белорусы), Орусов (алтаец), Исамидинов (татарин), Агзаев (чеченец), Блага (молдаван), Челах (грек), Шньшко, Игнатенко, Шевченко, Сосенко, Цвилий

(украинцы), Бобурганов (ингуш), Кутлумбаев (ингуш), Доготарь, Гурэу (молдаванин).

Иноязычные фамилии (2000–2009 годы): Агзаев (чеченец), Исамидинов (татарин), Цвилий, Клименко, Ковальчук, Сосенко (украинцы).

Анализ фамилий трех периодов позволяет сделать вывод о том, что во всех периодах встречаются фамилии, производные от полной формы крестильного имени, от патронимов, метронимов, от прозвищ по профессии, по внешнему виду, а также образованных от наименования животных. Для первого и второго периодов характерны также фамилии, производные от географических названий, и от прозвищ, образованных по наименованию птиц.

Фамилии были самые разнообразны, но обращает на себя внимание тот факт, что в селе проживало огромное количество людей, имевших такие фамилии, как *Огневы, Бочкаревы, Атамановы, Черновы* – фамилии основателей села. Лишь фамилия Атаманов не встречается в двух последних периодах.

Был проведен подобный анализ имен, отчеств и кличек жителей села. Следует отметить, что для каждого рассматриваемого периода характерны свои имена, фамилии и отчества, но существуют так называемые «сквозные» имена (Иван, Илья, Наталья, Роман, Татьяна), фамилии (Атаманов, Бочкарев, Огнев, Чернов) и отчества (Александрович, Алексеевич, Борисович, Васильевич, Георгиевич, Григорьевич, Дмитриевич, Иванович, Константинович, Михайлович, Николаевич, Юрьевич), которые создают преемственность между поколениями. Второй и третий период показывают, насколько активно старообрядческое село пополнялось приезжими людьми: чеченцами, ингушами, татарами, украинцами и, конечно, русскими и алтайцами. Этот факт, наряду с другими современными политическими, телекоммуникационными и прочими изменениями, позволил нам сделать вывод о неизбежности определенной степени размывания и трансформации коммуникативной культуры старообрядцев в настоящее время. И в то же время – об удивительной сохранности традиций старообрядцев и их умении достаточно гибко коммуницировать с вновь заселившимися людьми иных национальностей и вероисповеданий.

Таким образом, имена собственные села Верхний Уймон в совокупности составляют территориальное ономастическое пространство и представляют уникальный по своему составу и характеристикам пласт лексики, отражающий лингвокультурное сознание конкретного сообщества. Они представляют собой достаточно устойчивую группу име-

нований, обнаруживая при этом все-таки признаки изменения, расширения в разные периоды.

Вторая глава монографии «Коммуникативная культура старообрядцев сквозь призму речевого жанра» посвящена одной из интересных проблем, связанных с теорией речевых жанров, – проблеме функционирования жанров, бытующих в среде старообрядцев, компактно проживающих на территории Уймонской долины Республики Алтай. Обращение к коммуникативной культуре локальной лингвокультурной общности через описание речевых жанров представляется перспективным и важным этапом в изучении уходящей, ассимилирующейся культуры старообрядцев Горного Алтая. В речевом жанре вербализуется коммуникативно релевантная часть культуры народа. Так, специфические признаки старообрядческой коммуникативной культуры проявляются в области системы норм речевых жанров в сферах семейного общения, общения с одноверами, где старообрядцами выработана особая система правил, альтернативных по отношению к правилам, общепринятым среди православных. Следует также отметить, что системного изучения речевых жанров, функционирующих в среде старообрядцев, пока не было.

Как известно, основы теории жанров речи были изложены М.М. Бахтиным. Согласно М.М. Бахтину, речевые жанры – это «относительно устойчивые тематические, композиционные и стилистические типы высказываний» [Бахтин, 1986, с. 255], точнее, «типическая форма высказываний, а не сами высказывания». С этой точки зрения, именно в такие устойчивые жанровые формы высказываний «отливается» наша речь в типичных ситуациях. Повышенный интерес в современной лингвистике к исследованию «речевых жанров» заметно возрос в 90-х годах XX века – начале XXI. По мнению В.В. Дементьева, это обусловлено, во-первых, активным поиском «базовой единицы речи, которая, <...> должна быть достаточно емкой, или крупной (поиск ведется на пересечении общей теории коммуникации, стилистики, прагматики, лингвистики текста). Во-вторых, этому способствует прагматизация современной коллоквиалистики в целом» [Дементьев, 1997, с. 109]. Этот интерес заметно снизился сегодня, хотя потенциал этой сферы лингвистики далеко не исчерпан. Научное направление, на наш взгляд, зашло в определенный методологический тупик, не найдя выхода за пределы уже существующих научных школ (Т.В. Шмелева, В.В. Дементьев, М.Ю. Федосюк, В.И. Карасик и т.д.) в описании речевых жанров.

Для осмысления заявленной проблемы необходимо было обратиться к научным понятиям «текстовая синтагматика и парадигматика»

(Л.Н. Мурзин, В.А. Кухаренко), «жанровое поле» (М.Ю. Федосюк), «текстовые реминисценции» (А.Е. Супрун), «эвокация» (А.А. Чувакин), «деривационная текстология» (А.А. Чувакин, Ю. Бровкина, Н.А. Волкова, Т.Н. Никонова) и т.д. Речевые жанры рассматриваются нами с разных точек зрения: условий их функционирования (по Бахтину, высказывание предполагает специфику сферы и конкретную ситуацию речевого общения, персональный состав его участников, «речевой замысел» говорящего и т.д.), структуры (что соответствует композиционному и стилистическому уровням высказывания) и содержания (что близко тематическому уровню высказывания у М.М. Бахтина), то есть с функциональной, формальной и концептуальной точек зрения. Такое деление в известной мере условно, так как любой жанровый признак имеет и содержательную, и формальную, и функциональную стороны; они взаимообусловлены и взаимопроникаемы. Структурные и содержательные признаки характеризуют речевой жанр с точки зрения организации текста. При этом структурные признаки присущи тексту как лингвистическому объекту, они заложены в самой структуре текста; а содержательные – осуществляют связь между текстом и объективной действительностью, отраженной и преломленной в тексте. Функциональные признаки характеризуют речевые жанры с точки зрения их бытования в различных сферах общения, то есть с точки зрения погружения текста в определенную речевую ситуацию. В совокупности этих трех сторон может быть рассмотрен любой речевой жанр, зафиксированный нами в Уймонской долине.

Для описания речевого жанра *с точки зрения условий функционирования* в первичной сфере его бытования мы обратились, прежде всего, к устным жанрам. Устные речевые жанры – основная и особая часть нашего исследования – составляют большую часть собранного нами материала. Устные жанры рассматриваются нами через такие признаки, как сфера функционирования (бытовые и фольклорные жанры), ситуативность и уместность как условия бытования жанра, игровое начало, невербальные средства, темп изложения как способы бытования жанра, а также иллюкутивную цель и перлокутивный эффект.

Исследование речевых жанров *с точки зрения их содержания* (соответствующей тематическому уровню высказывания у М.М. Бахтина) выявляет наличие тематических групп, которые выделяются в жанрах пословиц и поговорок, песен, заговоров и т.д. С концептуальной точки зрения все речевые жанры можно распределить по темам. Так, пословицы, посвященные какой-либо одной теме, одной сфере нашей жизни, объединяются в тематические группы, или серии (например, о труде, здоровом образе жизни, вере, семье и пр.).

С формальной точки зрения речевые жанры разделены нами на жанры условно крупной формы (притчи, песни, духовные стихи, биографические рассказы, предания, воспоминания, рецепты, заговоры и др.) и мелкой формы (пословицы, поговорки, приветствия, считалочки, расказульки и др.).

В указанной главе монографии представлены следующие разделы: «Речевой жанр притчи в среде старообрядцев Горного Алтая (эвocationный аспект)», «Духовные стихи как речевой жанр, отражающий основные концепты старообрядцев», «Пословицы и поговорки старообрядцев», «Заговор как один из сакральных речевых жанров», «Колыбельная песня в старообрядческой среде (особенности функционирования)», «Смеховость в речевых жанрах старообрядцев».

Интереснейшим аспектом изучения представляется исследование культуры детства старообрядцев. Так, например, убедительно показано, что колыбельная песня как жанр в старообрядческой культуре имеет свои особенности функционирования, обусловленные общей направленностью данной социокультурной общности на сохранение «старины». Колыбельные песни во многом сохранили древние мифологические представления народа. В уймонских колыбельных присутствуют мифологические образы *Сна*, *Угомона*, *Буки*, и, что примечательно, *Зари-зарницы*, *солнцевой сестрицы*. Этот образ не особенно характерен для колыбельной песни. Он из другого речевого жанра – заговора. Для сравнения приведем два текста, один из которых принадлежит речевому жанру колыбельной песни, другой – речевому жанру заговора:

*Заря-зарница,
Солнцева сестрица,
День замыкает,
Месяц зажигает.
И лес-то спит,
И река-то спит,
Ходит Сон у окон,
Нам спать велит.
Заря-зарница,
красная девица,
утренняя заря Марья,
вечерняя Дарья,
приди, сна принеси,
бессонницу забери (заговор).*

Как видим, именно *Зарю-зарницу (заряницу)* призывают в заговоре для успокоения ребенка в той же старообрядческой среде и в общерусских заговорах на сон, что может свидетельствовать о родстве этих фольклорных жанров.

Более того, персонажи христианской традиции практически не встречаются в уймонских колыбельных. Среди имеющихся в нашем распоряжении песен (62 текста) только одна содержит обращение к ангелам, и та более похожа на заговорную формулу и не обладает признаками традиционной колыбельной песни характеристиками:

*Ангелы, прилетите,
Дочку усыпите.
Когда обратно полетите,
Дочу разбудите.*

Таким образом, можно констатировать, что на современном этапе, несмотря на общую тенденцию к угасанию фольклорной традиции, старообрядческая среда все же выполняет свою консервирующую функцию, не препятствуя, тем не менее, развитию жанра за счет заимствований из «внешней» среды.

Изучение особенностей речевых жанров показывает, что набор традиционных жанров бытового общения старообрядцев фактически не отличается от традиционного набора подобных жанров в современном социуме. При этом яркую особенность этим жанрам придает наполнение их лексического, синтаксического уровней организации текста, а также уровень невербальных средств общения. Среди жанров устного народного творчества выявлено превалирование сакральных жанров, отражающих религиозную ментальность населения (притчи, духовные стихи, молитвы, переложение библейских сюжетов, сказания, заговоры).

Последняя глава монографии в представленной парадигме материалов логично обращается к образу говорящего – «Коммуникативная культура старообрядцев в аспекте языковой личности», где рассмотрены индивидуальные особенности устных и письменных текстов Р.П. Кучугановой, организатора Музея истории и культуры старообрядчества села Верхний Уймон Усть-Коксинского района Республики Алтай, и текстов, записанных в беседе с Ульяной Михайловной Аргоковой, представителем старообрядчества.

Проанализировав все уровни коммуникативного поведения языковой личности Р.П. Кучугановой, мы можем отметить следующие особенности: во-первых, разнообразное тематическое наполнение экскурсий, связь тем с характером аудитории говорит о широкой эруди-

ции языковой личности, потому как экскурсовод заранее не знает, какая аудитория предстанет перед ней в очередной экскурсионный день; во-вторых, Р.П. Кучуганова выработала уже сложившуюся модель экскурсии, тем не менее, эта модель может варьироваться, то есть наполняться новыми фактами, новой лексикой и пр.; в-третьих, Р.П. Кучуганова умело использует языковые и речевые средства воздействия на аудиторию, ее речь отличается четкостью, она не допускает орфоэпических ошибок, интонационно выделяет главные моменты. Постоянная апелляция к пословицам и поговоркам как к вечным истинам – сильное средство воздействия, которое в экскурсионных монологах и статьях Р.П. Кучугановой используется как одно из доминирующих.

Анализ коммуникативного поведения У.М. Аргоковой позволил вывить следующие особенности: Ульяна Михайловна не любит откровенно разговаривать с малознакомыми людьми, объясняя это камерностью, закрытостью культурной общности старообрядцев, к которым она принадлежит. Информант придерживается демократично-гармонизирующего стиля, который включает в себя тактики, которые не несут отрицательной окраски, напротив, они располагают к общению, к продуктивному обмену информацией. Часто рассказы информанта не имеют вступительной и заключительной части. У.М. Аргокова предпочитает делиться той информацией, о которой ее спрашивают, не включая в свою речь дополнительных средств привлечения внимания слушателей. И, наконец, для информанта более характерно использование лексики старообрядческой культуры, поскольку она является прямым ее представителем.

Таким образом, материалы монографии отразили разные аспекты исследования коммуникативной культуры отдельной лингвокультурной общности. Они могут быть интересны тем, кого волнуют вопросы региональной народной культуры России в ее этнических и этноконфессиональных традициях и, главным образом, вопросы сохранения уходящей культуры старообрядцев Горного Алтая.

Следующим этапом в изучении особенностей коммуникативной культуры старообрядцев Горного Алтая являются сохранившиеся календарные события. Цель этого этапа исследования можно определить как фиксирование и описание цикла современного состояния календарных событий, структурирующих жизнь старообрядцев высокогорного района в течение природного и хозяйственного года. В пространстве традиционной культуры старообрядцев Горного Алтая календарная обрядность все еще занимает особое место. В то же время имеющийся опыт изучения

коммуникативной культуры и общения с представителями старообрядчества Уймонской долины позволяет авторам сделать вывод о постепенном размывании, трансформации традиционной обрядовой культуры.

Бесспорно, Алтай относится к числу интереснейших и перспективных регионов изучения старообрядчества, поэтому планомерный сбор материала с целью исследования современного состояния алтайского староверия продолжается и будет дополнен, что расширит представления об этой самобытной лигвокультурной общности.

Литература

- Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1986.
- Дементьев В.В. Изучение речевых жанров. Обзор работ в современной русистике // Вопросы языкознания. 1997. № 1.
- Липинская В.А. Русское население Алтайского края. М., 1987.
- Мукаева Л.Н. Этносоциальная характеристика старообрядцев Южного Алтая // Этнография Алтая и сопредельных территорий. Барнаул, 2001.
- Прохоров Ю.Е., Стернин И.А. Русские: коммуникативное поведение. М., 2006.
- Стернин И.А. О понятии коммуникативного поведения // *Kommunikativ-funktionale Sprachbetrachtung*. Halle, 1989.

ФИЛОЛОГИЯ: ЛЮДИ, ФАКТЫ, СОБЫТИЯ

ПРОФЕССОРУ АЛЕКСАНДРУ АЛЕКСАНДРОВИЧУ ВОЛКОВУ – 70 ЛЕТ

30 апреля 2016 года исполнилось 70 лет со дня рождения доктора филологических наук, профессора, заведующего кафедрой общего и сравнительно-исторического языкознания МГУ им. М.В. Ломоносова *Александра Александровича Волкова* – крупного ученого, педагога, общественного деятеля.

А.А. Волков родился в Москве в филологической семье (его отец, профессор А.Г. Волков, был известным лингвистом, специалистом по общему языкознанию и семиотике). В 1964–1969 годах обучался на филологическом факультете МГУ, который окончил по специальности «романо-германская филология». В 1969–1972 годах – в аспирантуре альма-матер. В 1975 году под научным руководством профессора Ю.В. Рождественского он защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата филологических наук «Типология алфавита, графики и орфографии». В 1975–1993 годах А.А. Волков преподавал на кафедре общего и сравнительно-исторического языкознания филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. С 1972 по 1975 годы работал младшим, а затем старшим научным сотрудником Отдела языкознания ИНИОН АН СССР. В 1993–1994 годы – в РГТРК «Останкино» в должности заместителя генерального директора. В 1997 году А.А. Волков защитил докторскую диссертацию «Основы русской риторики», которая положила начало целой серии новаторских работ по истории и теории словесности. С начала 2000-х годов по настоящее время – заведующий кафедрой общего и сравнительно-исторического языкознания МГУ им. М.В. Ломоносова.

А.А. Волков читает основные курсы для студентов и магистрантов филологического факультета МГУ, связанные с историей и теорией языкознания, риторики, проблемами современной лингвистики и философии языка. Его опыт одного из крупнейших специалистов «науки об образах» оказался очень востребован в организации междисциплинарных лекций и на ведущих гуманитарных факультетах МГУ, например философском, историческом и др. Под руководством А.А. Волкова защищено более десяти диссертаций. Он входит в состав трех диссертационных советов МГУ.

Профессор А.А. Волков работает также на кафедре филологии в старейшем учебном заведении России, где проводит занятия по риторике и введению в языкознание студентам и магистрантам Московской духовной семинарии и

Московской духовной академии и в этом смысле передает свой уникальный опыт будущим богословам и священникам, окормляя их подлинным филологическим знанием и наставляя на путь истинной любви к Слову.

В течение многих лет профессор А.А. Волков был редактором раздела «Филология» известного интернет-портала «Слово» (www.portal-slovo.ru), на страницах которого публиковались работы отечественных филологов, историков, богословов по актуальным проблемам современного гуманитарного знания. Материалы А.А. Волкова, представленные на данном сайте, всегда живые, интересные, глубокие и проникнутые единым культурным стержнем – просветительством.

Профессор А.А. Волков принадлежит к тому поколению неравнодушных и смиренных «героев нашего времени», которое постоянно находится на острие общественной жизни и своей позицией показывает верные ориентиры и правила общежития. Так, профессор А.А. Волков неоднократно выступал с полемическими лекциями и докладами перед студентами московских вузов, педагогическим коллективами, интервью с ним можно увидеть на ведущих культурно-образовательных порталах России: www.pravoslavie.ru, «Православие и мир», киностудии Московской духовной академии «Богослов» и др. Он был участником 1-го Учредительного съезда родительского всероссийского сопротивления.

Исключительно полезные, острые и даже эмоциональные выступления ученого всегда содержательны и конкретны, целены и отражают глубокое понимание важности филологического образования и его основ в России: будь то лекция о М.М. Бахтине или о Болонском процессе в духовных школах, его «Беседы о словесности», лекция «Россия и Запад: конфликт картины мира и человека», цикл лекций о русской риторике и многое другое.

Профессор А.А. Волков – автор многих книг и учебных пособий, которые сыграли ведущую роль в реабилитации и становлении нового этапа риторики как научной и вузовской дисциплины: «Грамматология: Семиотика письменной речи» (1982), «Основы русской риторики» (1996), «Основы риторики» (2003), «Язык и мышление: Мировая загадка» (2007, 2-е изд. – 2015), «Курс русской риторики: Пособие для духовных учебных заведений» (2009; всего три издания), «Теория риторической аргументации» (2009, 2-е изд. – 2013), многочисленных статей, учебно-методических и историко-культурных материалов в российских и зарубежных изданиях.

А.А. Волков – человек колоссальной эрудиции, больших и основательных знаний, высокой педагогической культуры, прошедший уникальный путь в науке. Его деятельность на ниве просвещения отмечена высокими наградами: Патриаршей грамотой, орденом преподобного Сергия Радонежского III степени, орденом Макария Московского III степени.

Коллеги, соратники и ученики профессора А.А. Волкова сердечно поздравляют его с юбилеем и желают отменного здоровья, благополучия, новых интересных книг и такой же созидательной энергии на благо России.

И.И. Богатырева, О.В. Никитин

ФИЛОЛОГИ РОССИИ И КАЗАХСТАНА ОБСУЖДАЮТ ПРОБЛЕМЫ УЧЕБНОЙ КНИГИ ПО РИТОРИКЕ

12 апреля 2016 года в Алтайском государственном университете (АлтГУ) состоялось VII заседание международного научного семинара «Филология и коммуникативные науки: направления взаимодействия». Семинар прошел на базе кафедры общей и прикладной филологии, литературы и русского языка и научно-образовательного центра филологических исследований коммуникации АлтГУ. Организаторы семинара – АлтГУ и Институт филологии СО РАН.

Заседание было посвящено обсуждению концепции проекта «Риторика: учебная книга для магистратуры по направлению “Филология” вузов сопредельных территорий России и Казахстана».

Заседание семинара открыла проф. **Т.В. Чернышова**, зав. кафедрой общей и прикладной филологии, литературы и русского языка. С приветственным словом обратились доц. **А.В. Ваганов**, начальник управления по научно-организационной работе; декан ФМКФиП доц. **С.А. Мансков** и директор Института филологии СО РАН проф. **И.В. Силантьев**.

В работе семинара приняли участие исследователи Института филологии СО РАН, Сибирского федерального университета, Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева (Республика Казахстан), Алтайского государственного университета, Алтайского государственного педагогического университета, Алтайского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Основное обсуждение развернулось вокруг концептуального базиса проекта «Риторика: учебная книга для магистратуры вузов России и Казахстана», представленного в совместном докладе проф. АлтГУ **А.А. Чувакина** и проф. ЕНУ им. Л.Н. Гумилева **К.Б. Уразаевой**, и доклада проф. **Ю.Г. Чернышова** на тему «Российско-казахстанское приграничье: историко-культурные и социально-коммуникативные особенности».

В режиме круглого стола были обсуждены вопросы, касающиеся риторического аспекта различных коммуникативных сфер и возможностей их представления в учебной книге: о риторических проблемах научной сферы рассказал проф. **И.В. Силантьев** (Институт филологии СО РАН), особенности академической среды были представлены в сообщении проф. **Г.А. Копниной** (Сибирский федеральный университет), риторика образовательного дискурса освещена в выступлении проф. **Е.В. Лукашевич** (АлтГУ). Кроме того, за круглым столом шло обсуждение других актуальных в риторическом аспекте сфер: литературно-художественной – проф. **К.Б. Уразаева** (ЕНУ им. Л.Н. Гумилева), правовой – проф. **Т.В. Чернышова** (АлтГУ), управленческой – к.ф.н. **А.А. Шмаков** (РАНХиГС).

Завершился семинар выступлениями доц. **И.Ю. Качесовой** (АлтГУ), предложившей проект общериторической составляющей учебной книги, и проф. **А.И. Куляпина** (АлтГУ, АлтГПУ), обратившего внимание собравшихся на законы риторики в свете концепции антрополокального единства.

Итоги семинара подвел проф. **А.А. Чувакин**, руководитель научно-образовательного центра филологических исследований коммуникации.

Участники семинара пришли к соглашению о необходимости подготовки и издания учебной книги по риторике для магистратуры по направлению «Филология» в вузах сопредельных территорий России и Казахстана и согласовали основные параметры проекта. Признано, что в книге будет воплощена коммуникативная модель риторики, разрабатываемая в научно-образовательном центре филологических исследований коммуникации АлтГУ: на этой основе могут быть созданы условия для овладения обучаемыми риторическими нормами и правилами в соединении с развитием у них творческого начала. Важно погружение коммуникативной модели в глубокий коммуникативный контекст и контекст когнитивных наук, эта модель нуждается и в аксиологическом контексте (см. об этом: Чувакин А.А. Риторическая составляющая филологического образования: от вуза к школе // Роль риторики и культуры речи в реализации приоритетных национальных проектов. М., 2008). Так могут быть заложены основы овладения обучаемыми коммуникативно-риторическими компетенциями, что особенно необходимо для профессиональной деятельности в условиях российско-казахстанского приграничья.

Материалы семинара будут опубликованы в очередном выпуске ежегодника «Филолого-коммуникативные исследования».

Участники семинара единодушно отметили его высокий научный уровень и практическую пользу для дальнейшей совместной работы и выразили благодарность членам оргкомитета, сотрудникам информационной службы, Президентской библиотеки им. Б.Н. Ельцина и другим коллегам из АлтГУ, принявшим участие в подготовке и обеспечении работы семинара.

Т.В. Чернышова, А.А. Чувакин

О ТРЕТЬЕМ СПРАВОЧНИКЕ «МЕТОДИКА ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ И РУССКАЯ ФИЛОЛОГИЯ В ОЧЕРКАХ ОБ УЧЕНЫХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ЗАРУБЕЖЬЯ»

В 2015 году издательство ХГУ им. Н.Ф. Катанова осуществило очередной – третий – выпуск биобиблиографического справочника [Методика..., 2015]. В издании представлена информация о 82-х деятелях науки и образования, занимающихся научными проблемами филологии и обучения русскому языку в школе и вузе, в том числе о 51 докторе наук (педагогических – 38, филологических – 13).

Концептуально и содержательно книга является продолжением предшествующих справочников [Методика..., 2013; 2014], однако по объему в полтора раза больше – 300 страниц.

Издание отражает огромный труд редактора-составителя по консолидации ученых и профессионально значимой информации.

Структура справочника включает следующие разделы: Алфавитный указатель персоналий (с. 3–5); Основные сокращения и аббревиатуры (с. 6–7); Предисловие (с. 8–10); Основной раздел. Биобиблиографические очерки и сообщения (с. 11–295); Дополнительный раздел (с. 296–299), включающий Перечень опубликованных ранее очерков и сообщений (с. 296) и Источники информации о персоналиях данного справочника (с. 297–299).

Алфавитный указатель персоналий позволяет быстро найти необходимый очерк. Список основных сокращений и аббревиатур занимает две страницы, что достаточно много, но необходимо для экономии печатной площади (так принято в энциклопедиях и других справочных изданиях).

В авторском *Предисловии* актуальны основные характеристики издания, принципы структурирования материала, отбора содержания научных би-очерков. Проводится мысль о неразрывной связи личных историй с развитием государственной системы школьного и профессионального образования. В качестве примера представлены основные вехи развития Московского педагогического государственного университета (МПГУ). С данной мыслью автора-составителя трудно не согласиться. Авторы всех би-очерков, прежде всего Т.А. Острикова (ею написана третья часть книги), вносят свой вклад в создание истории развития лингводидактики и филологии.

Ядро справочника – основной раздел – составляют научные био / библио / графические очерки (би-очерки) и сообщения о дипломированных методистах и филологах. *Основной раздел* представлен двумя подразделами (частями). Принцип расположения персоналий в обеих частях – алфавитный.

В первой части (с. 11–73) даны научные очерки и сообщения о 25 ученых, ушедших из жизни. Это ученые, труды которых значительно способствовали развитию лингводидактики и филологии. См.: Алгазина Надежда Николаевна (с. 11), Блинов Григорий Иванович (с. 13), Газизов Ризаутдин Салахутдинович (с. 15), Гвоздев Александр Николаевич (с. 17), Городилова Галина Георгиевна (с. 18), Зельманова Людмила Моисеевна (с. 22), Иванов Павел Павлович (с. 25), Ивченков Петр Фролович (с. 26), Коровина Мария Исаковна (с. 28), Лапатухин Михаил Семенович (с. 29), Лебедев Алексей Матвеевич (с. 31), Львов Михаил Ростиславович (с. 34), Минералов Юрий Иванович (с. 37), Напольнова Тамара Васильевна (с. 39), Насыри Каюм (с. 40), Никитина Екатерина Ивановна (с. 42), Панов Борис Трофимович (с. 44), Поздняков Николай Сергеевич (с. 46), Пронина Елена Павловна (с. 48), Сергеева Таисия Владимировна (с. 53), Соловьева Евгения Егоровна (с. 57), Текучев Алексей Васильевич (с. 60), Федоренко Лидия Прокофьевна (с. 65), Шереметевский Владимир Петрович (с. 73) и информация о кончине Шакировой Лии Закировны (с. 36), очерк о которой включен во второй справочник [Методика, 2014].

Во второй части справочника (с. 74–295) представлены авторские биобиблиографические очерки и сообщения* о 57 современниках, работающих или работавших в вузах Российской Федерации и отдельных стран ближнего зарубежья. Вклад каждого из этих ученых, безусловно, важен для развития науки.

См.¹: Антонова Евгения Станиславовна (с. 74), Антонова Любовь Геннадьевна (с. 77), Архипова Елена Викторовна (с. 80), Бондаренко Марина Анатольевна (с. 83), Воителева Татьяна Михайловна (с. 89), Гадалова Вера Викторовна (с. 92), Голобородько Евдокия Петровна – Украина (с. 96), Горобец Людмила Николаевна (с. 103), Григорьева Татьяна Михайловна (с. 110), Денисова Людмила Петровна (с. 113), Донская Тамара Константиновна* (с. 117), Дунев Алексей Иванович (с. 118), Закирьянов Кабир Закирьянович (с. 128), Зыбина Тамара Михайловна (с. 131), Ипполитова Наталья Александровна (с. 135), Казарина Валентина Ивановна (с. 139), Карамышева Светлана Николаевна* (с. 144), Клобуков Евгений Васильевич (с. 146), Комиссарова Людмила Юрьевна (с. 151), Копнина Галина Анатольевна (с. 156), Короткова Надежда Владимировна (с. 160), Красовская Нелли Александровна (с. 165), Курцева Зоя Ивановна (с. 170), Курьянович Анна Владимировна (с. 174), Кусова Маргарита Львовна (с. 179), Ладыженская Таиса Алексеевна (с. 183), Ларских Зинаида Петровна (с. 192), Липатова Вера Юльевна (с. 195), Лисицкая Лариса Григорьевна (с. 200), Лукиных Татьяна Ивановна (с. 202), Любичева Елена Вячеславовна (с. 206), Макарова Дина Владимировна (с. 208), Михеева Татьяна Борисовна (с. 210), Ни Любовь Федоровна (с. 215), Новикова Лариса Ивановна (с. 217), Новикова Татьяна Федоровна (с. 224), Острикова Татьяна Александровна* (с. 233), Пекарская Ирина Владимировна (с. 236), Пономарева Любовь Дмитриевна (с. 244), Рябухина Елена Анатольевна* (с. 246), Саклешина Людмила Александровна (с. 247), Саяхова Лена Галеевна (с. 248), Сироткина Татьяна Александровна (с. 253), Сычугова Лия Павловна* (с. 255), Селина Римма Викторовна (с. 256), Тихова Валентина Викторовна (с. 259), Трегубова Лидия Семеновна (с. 265), Тростенцова Лидия Александровна (с. 269), Успенский Михаил Борисович (с. 272), Ходякова Лия Александровна (с. 275), Черепанова Лариса Витальевна* (с. 278), Черняк Валентина Данииловна (с. 279), Чибисова Валентина Ивановна (с. 283), Шатова Евгения Григорьевна (с. 286), Шубина Наталья Леонидовна (с. 288), Юсупова Зульфия Фирдинатовна* (с. 291), Чудаева Наталия Леонидовна (с. 293).

Би-очерки второй части основного раздела в целом имеют однотипную структуру (см.: [Острикова, 2015]).

Отметим особую важность последнего компонента в структуре биобиблиографического описания. Перечень публикаций каждого ученого включает основные рубрики (*Книжные издания и брошюры; Статьи в изданиях, рекомендованных ВАК РФ; Иные статьи и сообщения; Составление и редактирование*) и дополнительные рубрики (например, *Публикации в зарубежных изданиях; Учебно-методические комплекты по вузовским дисциплинам и школьным учебным предметам*).

¹ Звездочкой обозначены сообщения, содержащие лишь дополнения к опубликованному ранее очеркам.

Дополнительный раздел книги содержит два подраздела: 1) перечень би-очерков и сообщений, опубликованных в предыдущих справочниках и 2) источники информации о персоналиях данного справочника.

Изданный справочник отличается качеством содержания и полиграфического исполнения.

Как и два предшествующих, это издание представлено в книжной летописи и имеется в крупнейших библиотеках Российской Федерации.

Биобиблиографический справочник необходим студентам-филологам (бакалаврам, магистрантам, аспирантам) и их научным руководителям, докторантам и соискателям, методистам институтов повышения квалификации и усовершенствования учителей, вузовским преподавателям методики обучения русскому языку как родному и неродному, учителям и преподавателям русского языка и литературы, а также социологам, историкам науки, образования и культуры.

Литература

Методика обучения русскому языку и русистика в очерках об ученых Российской Федерации и зарубежья. Абакан, 2014.

Методика обучения русскому языку и русистика в очерках об ученых Сибири и Дальнего Востока. Абакан, 2013.

Методика обучения русскому языку и русская филология в очерках об ученых Российской Федерации и зарубежья: биобиблиографический справочник. Абакан, 2015.

Острикова Т.А. Современные ученые-гуманитарии во втором выпуске Биобиблиографического справочника о методистах-русистах и филологах-лингвистах // Филология и человек. 2015. №3.

Н.В. Кудряшова

ЕВРАЗИЙСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР: ОРГАНИЗАЦИОННАЯ СИНЕРГИЯ В МЕДИАИССЛЕДОВАНИЯХ

Одной из очевидных тенденций развития современного общества является превращение СМИ в главного интерпретатора социокультурного бытия и агента социализации, им принадлежит лидерство в области идеологического воздействия на общество и личность, они утверждают и пропагандируют определенные ценности, значительно трансформируя ценностно-смысловой ландшафт традиционных культурных ареалов. Именно в СМИ, на наш взгляд, в наибольшей степени находит выражение процесс, названный Г. Шиллером «культурным империализмом» [Шиллер, URL]. Следует также учесть глобализацию и стремительно формирующееся информационное общество со своей информационной картиной мира. Все страны в большей или меньшей степени,

но неизбежно становятся частью «глобальной информационной инфраструктуры» и «мировой информационной супермагистрали».

Сложные, мозаичные картины, многовекторные процессы и перманентно изменчивое состояние масс-медиа требуют серьезного научного осмысления, которое под силу лишь «коллективному разуму».

Лауреат Нобелевской премии по физике Э. Вингер в своей книге «Инвариантность и законы сохранения. Этюды о симметрии» относительно коллективных научных исследований так сформулировал проблему: «Если наука (и по ширине охвата предмета и по глубине) разрастется так сильно, что человеческий разум будет не в силах объять ее и человеческой жизни не хватит для того, чтобы добраться до границы известного, не могли бы несколько людей объединиться в группу и совместными усилиями добиться того, чего нельзя добиться в одиночку? Нельзя ли... изыскать новый способ увеличения емкости человеческого разума – путем наложения нескольких индивидуальных разумов, а не «растяжения» одного отдельного разума?» [Вингер, 2002, с. 179.].

Проблему соединения интеллектуальных усилий с целью достижения синергического эффекта научных исследований во многом решает организация.

Как отмечал Вяч. Иванов еще в 1916 году: «Говорить о спасительности организации в наши дни – то же, что доказывать пользу здоровья» [Иванов, 1994, с. 96]. В *наши дни* польза организационного соединения и упорядочивания деятельности – аксиоматический постулат любой социально значимой сферы жизнедеятельности.

Мы определяем *организацию* как объединение людей, совместно реализующих цели программы и действующих на основе определенных норм и правил.

Как подчеркивают признанные авторитеты в области социологического образования Ю.Г. Волков и В.И. Добреньков, «Проявление синергии в социальных организациях означает прирост дополнительной энергии, превышающей сумму индивидуальных усилий их участников. Причем в организациях это явление оказывается управляемым, его можно усиливать, видоизменять, если понимать источники появления организационного эффекта, а именно: возрастание совокупной энергии в зависимости от типа внутрикollectивной связи» [Волков, Добреньков, URL].

В свете этих обстоятельств кафедра теории и практики журналистики, которую поддержал Ученый совет факультета массовых коммуникаций, филологии и политологии, сочла целесообразным и насущно необходимым создание научно-образовательного центра медиаисследований. Его задачи:

- консолидация усилий преподавателей и сотрудников факультета массовых коммуникаций, филологии и политологии АлтГУ, а также представителей других вузов и регионов по научному исследованию медиасферы;
- соединение усилий по организации и проведению научных форумов, конференций, «круглых столов», форумов и написания научных трудов по результатам определенных этапов исследования масс-медиа;

- обобщение наработанного на факультетах журналистики опыта работы с редакторами и корреспондентами региональных СМИ; организация и проведения курсов повышения квалификации работников СМИ;
- осуществление экспертизы медиадискурса и медиатекста для органов государственной власти, организаций и других социальных субъектов;
- создание мобильного сообщества по написанию и выполнению грантов различного уровня.

Следует отметить, что эти задачи соответствуют министерским рекомендациям: «К основным задачам вузов в области научно-исследовательской деятельности можно отнести: развитие науки и творческой деятельности научно-педагогических работников и обучающихся; приоритетное развитие фундаментальных исследований как основы для создания новых знаний, освоения новых технологий, становления и развития научных школ и ведущих научно-педагогических коллективов на важнейших направлениях науки и техники...» [Рекомендации..., URL].

Деятельность по реализации целей выявила необходимость внесения корректив. Медиафера современного общества – явление глобальное, и его исследование требует международного уровня сотрудничества. Направленность современного цивилизационного развития, показывающего два вектора – в сторону глобализации и в сторону регионализации, диктуют необходимость евразийской интеграции, в частности, в области медиаисследований как научной базы создания единого евразийского информационного пространства. «Евразийская интеграция – абсолютно современное начинание, отвечающее реалиям и духу XXI века, тенденциям укрепления регионального уровня глобального управления, развитие которых призвано заложить основы устойчивой саморегулирующейся международной системы», – отметил министр иностранных дел Российской Федерации С.В. Лавров [Лавров, URL].

В тренде создания региональной интеграции находится и деятельность Шанхайской организации сотрудничества (ШОС). Генеральный секретарь ШОС Дмитрий Мезенцев в выступлении на Форуме ШОС–2013, в частности, сказал: «В этих документах зафиксированы принципиальные взгляды государств-членов ШОС на укрепление межгосударственных отношений в условиях нового справедливого, многополярного мироустройства, их стремление к созданию пространства неделимой безопасности, готовность продвигаться по пути инновационного и устойчивого развития, содействовать процессу всеобщего прогресса, исходя из конкретных реалий своих стран» [Выступление на Форуме ШОС–2013..., URL].

Гуманитарное сотрудничество стран-участников ШОС является примером междисциплинарного общения «во имя поиска решения проблем, которые препятствуют гармонизации отношений в мире» [Декларация..., URL].

Сегодня уже есть примеры евразийской научной интеграции. Международный Евразийский центр науки, образования и инноваций свои первые четыре задачи из одиннадцати сформулировал так:

1. Формирование имидж-контента Института для его оформления в один из ведущих центров развития науки, образовательных практик и инновационных технологий на евразийском пространстве.

2. Развитие стратегического сотрудничества Института с вузами-партнерами на евразийском пространстве путем интернационализации научной деятельности и формирования международных научно-исследовательских коллективов.

3. Создание оптимальных условий для участия Института в реализации совместных научных и образовательных проектов по евразийской проблематике в рамках межвузовского взаимодействия на основе кластерного подхода.

4. Поэтапное развитие комплексной научной школы евразийских исследований в качественно новом международном формате на основе сотрудничества с вузами-партнерами государств евразийского пространства. Первым этапом станет взаимодействие с государствами Евразийского экономического союза [Международный Евразийский центр..., URL].

На наш взгляд, интеграция в области научных исследований медиа – одна из самых актуальных задач. Мы неоднократно подчеркивали необходимость создания своекачественного евразийского медиапространства более релевантного национальным культурам и избавленного от деструктивных черт американской модели функционирования СМИ [Семилет, 2013, с. 202–210; Семилет, 2014а, с. 139–145; Семилет, 2014б, с. 89–97].

Создание единого информационного поля становится одним из приоритетных направлений деятельности Евразийского интеграционного проекта и ШОС, составным элементов формирующейся системы призван стать Евразийский научно-образовательный центр медиаисследований факультета массовых коммуникаций, филологии и политологии Алтайского государственного университета.

Основными целями деятельности Евразийского научно-образовательного центра медиаисследований являются:

- консолидация научных эмпирических и теоретических исследований как ученых-теоретиков, так и практиков средств массовой информации, действующих на территориях государств, входящих в состав ШОС – Шанхайской организации сотрудничества;
- координация исследований в области анализа и обобщения опыта работников медиасферы по внедрению современных информационных технологий в деятельность средств массовой информации;
- гуманитарная экспертиза профессионального уровня публичных обсуждений экономических, политических и социальных проектов в средствах массовой информации государств-стран ШОС с целью содействия диалогу по выработке консолидированных мнений в решении актуальных проблем их сотрудничества;
- обобщение опыта работы по подготовке и переподготовке кадров, востребованных современной медиаотраслью с целью их адаптации к условиям работы в едином евразийском медиапространстве;

- разработка совместных образовательных программ по переподготовке специалистов информационной сферы и работников сферы образования по программам «Медиаобразование в школе», их методическое сопровождение в процессе реализации;
- обеспечение продвижения результатов научных исследований в научное сообщество Российской Федерации, стран ШОС и ведущих исследовательских центров государств евразийского пространства;
- организация и проведение совместных научных мероприятий – форумов, конференций, научных семинаров, нацеленных на решение актуальных проблем теории и практики деятельности медиаотрасли и средств массовой информации на евразийском пространстве;
- выполнение совместных научных проектов, заявляемых для грантовой поддержки ведущими научными фондами России и международных организаций.

Основными направлениями деятельности Евразийского научно-образовательного центра медиаисследований являются:

- **координационная**, которая заключается в установлении действенных связей с аналогичными исследовательскими центрами вузов России и евразийского пространства, отдельными коллективами, зарекомендовавшими себя в качестве аналитиков медиасферы;
- **исследовательская**, заключающаяся в организации и проведении масштабных изыскательских, аналитических и экспертных проектов в области теоретических и прикладных проблем деятельности средств массовой информации в условиях медиатизации экономики, политики и социокультурной сферы; организации и проведении научных форумов и научных семинаров по актуальным проблемам единого информационного пространства;
- **образовательная**, реализующаяся в разработке и внедрении образовательных программ по переподготовке кадров для медийной отрасли и преподавателей школ по программе «Медиаобразование в школе» (утвержденной ЮНЕСКО);
- **издательская и популяризаторская**, заключающаяся в публикации научных трудов по проблематике проводимых медиаисследований в научных изданиях вузов, сотрудничающих с Евразийским научно-образовательным центром АлтГУ, а также в издании Ежегодника Евразийского научно-образовательного центра медиаисследований, зарегистрированного в базе научного цитирования РИНЦ [Медиаисследования, 2014; 2015].

Таким образом, деятельность Евразийского научно-образовательного центра медиаисследований направлена на достижение организационной синергии в медиаисследованиях от объединения усилий отдельных ученых, научных коллективов, отечественных и зарубежных, от соединения опыта теоретиков и практиков, обмена опытом в сфере медиаобразования, и по большому счету – синергии межкультурных взаимодействий, что диктуется современным состоянием и статусом медийного пространства.

Литература

- Вингер Э. Коллективные исследования // Инвариантность и законы сохранения. Этюды о симметрии. М., 2002.
- Волков Ю.Г., Добренков В.И. Социология. Социальные организации. [Электронный ресурс]. URL: http://society.polbu.ru/volkov_sociology/ch54_ii.html
- Выступление на Форуме ШОС–2013 Генерального секретаря ШОС Дмитрия Мезенцева. [Электронный ресурс]. URL: <http://scoforum.org/2012/?action=view&id=75&lng=ru&module=news>
- Декларация пятилетия Шанхайской организации сотрудничества. [Электронный ресурс]. URL: <http://archive.kremlin.ru/events/articles/2006/06/106975/154606.shtml>
- Иванов В.И. Легион и соборность // Иванов В.И. Родное и вселенское. М., 1994.
- Лавров С.В. Евразийский интеграционный проект: устремленность в будущее. [Электронный ресурс]. URL: <http://eurasianforum.com/storage/site/files/189n7cpcftv2zy.pdf>
- Медиаисследования–2014. Барнаул, 2014.
- Медиаисследования–2015. Барнаул, 2015.
- Международный Евразийский центр науки, образования и инноваций. [Электронный ресурс]. URL: <http://eurasiaforum.ru/node/110>
- Рекомендации по организации научно-исследовательской деятельности вузов, изданные министерством образования Российской Федерации. [Электронный ресурс]. URL: <http://pandia.ru/text/77/178/28442.php>
- Семилет Т.А. Актуальность евразийской методологии для решения проблем современной Евразии // Евразийская экономическая интеграция: становление и развитие. СПб., 2013.
- Семилет Т.А. Роль СМИ в создании своеобразного евразийского ментального пространства // Евразийские исследования в гуманитарных науках: успехи, проблемы, перспективы. СПбю, 2014а.
- Семилет Т.А. Сущее и должное евразийского культурно-информационного пространства // Евразийство: теоретический потенциал и практические приложения. Барнаул, 2014б.
- Шиллер Г. Культурный империализм: источники, содержание и современные модели // Манипуляторы сознанием. [Электронный ресурс]. URL: <http://coollib.com/b/298300/read>

С.А. Мансков, Т.А. Семилет

РЕЗЮМЕ

SUMMARY

И.Ф. Ухванова-Шмыгова. Интер-категории лингвистики дискурса: каузально-генетическая перспектива. Современная лингвистика, развивающаяся с позиции освоения все более сложных единиц анализа, сегодня представлена такой триадой как лингвистика языка – речи (текста) – дискурса. Последняя характеризуется такими направлениями как теория дискурса и прикладные дискурс-исследования. В статье получают развитие идеи о том, что есть дискурс и наука о его функционировании – лингвистика дискурса, о специфике категориального аппарата лингвистики дискурса и места в нем интер-категорий, о том, что несет с собой дискурс-знание. Дискурс представлен как сложная, комплексная функционально-динамическая макроединица общения, реализующая себя лингвистически, социально и индивидуально, репрезентируя как предмет общения, так и его социальный контекст – субъектов коммуникации в их взаимодействии. В результате включение в аппарат дискурс-аналитика интер-категорий – интересобитийность, интересубъектность, интерязык и др. Осмысление данной группы категорий автор провордит с опорой на авторский каузально-генетического подход к изучению макро-текстового пространства как, в первую очередь, репрезентанта социума, демонстрируя тот факт, что дискурс проявляет себя в наборе уже иных (по сравнению с текстом) признаков. Дискурс, будучи многосторонней и полифункциональной единицей общения, репрезентирован категориально, типологически и технологически, что способствует развитию терминологической системы данного научного направления с учетом прозрачности его исходных системных, структурных, иерархических и функциональных параметров.

I.F. Oukhvanova. Intercategories of Discourse Linguistics: Causal Genetic Approach (CGA). Contemporary linguistics has a tendency to widen its research units accepting macro text and discourse to its domain. Thus it is currently represented with three directions: linguistics of language, speech (text) and discourse. Linguistics of discourse in its turn is represented with the theory of discourse and applied discourse studies. The

article represents the ideas of what discourse and discourse linguistics are, what the specifics of its research apparatus is, as well as inter-categories of discourse and discourse-knowledge. Discourse is seen here as a complex functional and dynamic macro unit of communication which manifests itself linguistically, socially and individually. It represents both the subject-matter of communication and the communicants in their interaction. As a result such inter-categories as inter-event-ness, inter-subjectivity, inter-language etc. are introduced. CGA (causal-genetic approach) is the approach that focuses the researcher's attention on the text / discourse as *the representative of the community and an individual* at the same time, while major focus is on the features differentiating the discourse from the text. Discourse, being a complex and multifunctional unit of communication, is characterized with categories, typology and research methods. This work fosters the development of the given research area making the theory transparent in its systematic, structural, hierarchic and functional parameters.

М.В. Коновалова. Использование термина «эвокация» в зарубежной и отечественной науке. Статья посвящена изучению использования термина «эвокация» в различных научных отраслях в зарубежной и отечественной науке. В качестве материала исследования служат научные публикации ученых Кембриджского, Оксфордского университетов, а также последние изыскания российских лингвистов на данную тематику. В статье рассматриваются дефиниции эвокации, упоминание и использование термина в наиболее интересных и показательных работах отечественных и зарубежных авторов. Целью настоящей статьи является изучение сферы применения термина «эвокация» в зарубежной и отечественной науке на материале научных статей ученых Кембриджского, Оксфордского университетов, а также работ российских ученых по данной тематике. Поставлены следующие задачи: рассмотреть различные дефиниции эвокации в различных словарях, изучить статьи, рассматривающие термин «эвокация» и дающие ее определение, работы российских филологов и лингвистов, выявить научные отрасли и сферы использования эвокации в качестве научного термина.

M.V. Konovalova. Use of the Term *Evocation* in the Works of Russian and Foreign Scientists. The present article is concerned with studies of the term *evocation* in various scientific branches of Russian and foreign science. The material of the study is scientific articles of Cambridge and Oxford University scientists, as well as recent surveys of Russian linguists on this subject. The article deals with the definitions of *evocation* and references to this term, made in the most interesting and illustrative

works of Russian and foreign authors. The purpose of this article is to research the scope of the term usage in scientific papers. The research objectives are the following: to consider various definitions of *evocation* in dictionaries, to study the articles where explanations and use of the term *evocation* are presented. The author aims to identify the scientific fields and the scope of use of *evocation* as a scientific term.

М.В. Мишаева, М.Ш. Гасанова. Отражение национального характера в антропоцентрических фразеологизмах лакского языка. Статья посвящена описанию основных черт «национального характера» лакцев, которые отражены в фразеологических единицах. Материалом исследования являются идиомы, представленные в повседневном языке, а также те, которые используются в устном народном творчестве лакцев. Здесь язык выступает как выразитель конкретного национального менталитета, мы видим мир через призму национального языка. Фразеологический субуровень языка содержит оценочную информацию положительного и отрицательного отношения к определенным качествам характера человека. Антропоцентрические идиомы лакского языка подразделены на 12 семантических групп, самая многочисленная группа идиом посвящена отражению силы воли человека. В статье представлена интересная информация о роли животных в национальной картине мира лакцев.

M.V. Mishaeva, M.Sh. Gasanova. Reverberation of the National Character by Anthropocentric Phraseological Units in the Lak Language. The article deals with the description of the main specific traits of the Laks' «national character» reverberated in phraseological units. The material under study is idioms presented in everyday language as well as those used in some samples of oral folk literature of the Laks. This can show us a definite vision of the world through the prism of the national language, when the language appears as an exponent of the particular national mentality. Idioms distinguishing positive and negative features of the “national character” are divided into 12 semantic groups. The result of the research is presented in such data: the most numerous group of the idioms is devoted to the reflection of the will as the most significant characteristic of one's temper. The characteristics of other 11 semantic groups of idioms are less important. Another fact to take into account is the lexical components making up an idiom. There is some interesting information about the role of animals in the national picture of the world.

Н.Н. Ефимова. Ослышка как предмет междисциплинарного исследования. В статье рассматриваются возможности интегративной стратегии исследования ошибок восприятия вербального знака и оши-

бок когниции в свете междисциплинарной предметно-ориентированной парадигмы. Освещены основные этапы изучения ошибок и подходы к нему: психолингвистический (противопоставление интуиции и рассуждения), анализ отрицательного языкового материала в российской нейропсихолингвистике, феномен предвосхищения при аудиальном и визуальном восприятии, концепция ошибочных действий, аспекты сходства и различия оговорок и ослышек, перспективы когнитивного профилирования. Обоснована необходимость комплексного рассмотрения ошибок перцепции и когниции.

N.N. Efimova. Mishearing as a Subject of Interdisciplinary Research. The article examines possible applications of the integrative strategy to the investigation of verbal sign perception errors and cognition errors in the aspect of interdisciplinary subject-oriented paradigm. Principal stages of error research and major approaches to the problem discussed are reviewed, including psycholinguistic approach (contrasting intuition and reasoning), analysis of negative language material in Russian neuropsycholinguistics, anticipation phenomenon in audial and visual perception. The concept of the wrong activity, similarities and differences between slips-of-the-tongue and cases of mishearing, cognitive profiling prospects are described, as well. The necessity of a complex research of perception and cognition errors is emphasized.

А.Е. Козлов. Феномен «обывательской философии» в провинциальном сюжете русской литературы XIX века. В статье анализируется феномен обывательской философии в его сопряжении с провинциальным сюжетом русской литературы XIX века. Из сатирического, заведомо пародийного типа «провинциального философа» исходный сюжет образует сложный характерологический ряд, в котором философствующий обыватель и «обывательская философия» становятся знаками разной семантической емкости. Особое внимание уделено тем сюжетам, в которых философия героя «перерастает» провинциальный контекст, находя предельные основания в экзистенциальном мире героя или его вере. Данный материал проецируется на компаративное изучение рассказов – «На точке» М.Н. Альбова, «Поправки доктора Осокина» Д.Н. Мамина-Сибиряка и «Палаты №6» А.П. Чехова. Два последних произведения, изданные в «Русской мысли» с интервалом в несколько лет, демонстрируют варианты двух оригинальных философских концепций, радикально изменяющих содержание исходно данной обывательской философии и предвосхищающих подлинные открытия неклассической гуманитарной науки начала XX века.

A.E. Kozlov. «Philistine Philosophy» as a Phenomenon of the Provincial Stories of Russian Literature in the XIX century. The article deals with a phenomenon of “philistine philosophy” in the semantic structure of the Russian provincial plot. The plot and art subject are created in Russian Literature between different characters - the “provincial philosopher” and the “philistine”. There are stories and narration variants, where the character’s philosophy goes beyond the provincial context. Philistine philosophy, as an object, and philistine philosopher, as a subject, have different semantic capability and scope. This philosophy is closely connected with the search for the ultimate foundations in the existential world of the character or his faith. This research is connected (by comparison) with Albov *In Point*, Mamin-Sybiryak *Doctor Osokin correction* and Chekhov *Ward № 6*. These last two masterpieces were published in *Russian Idea (Rysskaya mysl’)*. They demonstrate two original conceptions of Russian philosophy and a perspective of original non-classic philosophy of the early XX century.

Н.А. Прокофьева. Жанровые стили фатики в PR-коммуникации. Статья посвящена анализу фатических жанров PR-коммуникации. Сам термин «речевой жанр» был введен в обиход еще М.М. Бахтиным и сейчас активно изучается современными лингвистами как наиболее перспективный способ комплексного описания различных дискурсов. Определяющей характеристикой речевого жанра является интенция. Определение фатики как интенции позволяет рассматривать ее как экстралингвистический фактор отбора и сочетания языковых средств. Медиадискурс представлен тремя разновидностями: журналистским, рекламным и PR-дискурсом. Каждая из них характеризуется наличием жанрового стиля. PR-дискурс представлен информирующими, убеждающими и фатическими жанрами. В PR-дискурсе можно выделить собственно фатические жанры, например поздравление, а также жанры, сочетающие черты фатических и информирующих жанров – байлайнер, приглашение и письмо. Последние три типа жанров показаны в статье и сопровождаются интенциональным и стилистическим анализом. Названы частные интенции, формирующие фатические жанры в PR.

N.A. Prokofyeva. Phatic Genre Styles in PR Communication. The article deals with the analysis of phatic genres in PR communication. The term «speech genre» was introduced by M.M. Bahtin and the phenomenon is actively studied by modern scientists as the most advanced method to give complex description of different discourses. The speech genre is characterized predominantly with intention. Intention predetermines

discourse peculiarities, functional stylistic features, employment and combination of language means. Three spheres in mass media - journalism, public relations and advertising - are represented with specific genres. PR communication in particular is represented with informing, persuading and phatic genres. Phatic genres of PR communication include some purely phatic genres as congratulation and genres combining informative content and phatic form; they are by-liner, invitation and letter. The latter three genres are given in the article with stylistic and intentional analysis. Specific intentions employed to form phatic genres in PR communication are enumerated.

С.А. Фисун, И.Н. Островских. Мотив блудного сына в художественном мире В.М. Шукшина. В статье поднимается проблема духовных исканий В.М. Шукшина, веры и безверия его героев. Произведения Шукшина рассматриваются с точки зрения наличия в них христианского подтекста, репрезентации в сюжете евангельской притчи о блудном сыне. Авторы придают особое значение тому, что на символическом уровне в рассказах Шукшина репродуцируются все основные сюжетные узлы, составляющие притчу: *отпадение человека от Бога (веры), искушение его плоти и духа, духовная смерть* и даже стремление к *покаянию*, кроме главного – *возвращения* блудного сына в дом Отца Небесного. Исследователи приходят к выводу, что автор все же, пусть и не до конца, но открывает в своих героях образ Божий, сам не вполне осознавая то, что он показал и открыл. Это непрестанное прозревание в человеке Божественного образа делает Шукшина представителем религиозного реализма в русской литературе и искусстве.

S.A. Fisun, I.N. Ostrovskiyh. The Prodigal Son Motif in the Art Works by V.M. Shukshin. The problem of V.M. Shukshin's spiritual search, the faith and unbelief of his characters are presented in this article. Shukshin's works are considered from the standpoint of Christian implication, representation of evangelical parable of a prodigal son in the plot. The authors attach special significance to all basic narrative knots forming the parable on the symbolical level in Shukshin's stories: falling of a man apart from God (faith), temptation of his flesh and spirit, spiritual death and even craving for repentance apart from the most important – a prodigal son's return to the House of the Lord. Researchers come to the conclusion that the author discloses the image of God in his characters though he himself doesn't realize entirely the things he showed and discovered. This unceasing perceiving the image of God in the man makes Shukshin a representative of religious realism in the Russian literature and art.

Е.А. Постникова. Анализ прямых идентификаторов художественного образа женщины-китайки в романе Э. Тэн «The Joy Luck Club». В статье описываются критерии отбора контекстов для изучения художественного образа женщины-китайки в романе Эми Тэн. Выделяется три типа идентификаторов, указывающих на избранный для анализа художественный образ. Дается тематическая классификация одного из типов – прямых идентификаторов, то есть лексических единиц, которые и в словарном, и в контекстуальном значении являются наименованием лица женского пола. Прямые идентификаторы подразделяются на 7 тематических групп, которые обозначают женские имена собственные (1), наименования лиц женского пола по признаку семейного положения (2), рода деятельности (3), кровного родства (4), наименования лиц женского пола, записанные в романе с помощью китайского латинизированного фонетического алфавита (5), наименования женских мифологических или сказочных персонажей (6) и общие наименования лиц женского пола (7). Установлена количественная и качественная наполняемость каждой тематической группы, показана их социокультурная обусловленность. Анализ прямых идентификаторов подтверждает бикультурность среды обитания героинь романа Эми Тэн, а также их двойную, китайско-американскую, национальную идентичность.

E.A. Postnikova. Analysis of Direct Identifiers of Chinese Woman Literary Image in the Novel by A. Tan «The Joy Luck Club». The article describes criteria of selecting contexts for studying the Chinese woman literary image in the novel by Amy Tan. We distinguish three types of identifiers which indicate the literary image chosen for analysis. The thematic classification of one of the types is given (direct identifiers). They are linguistic units which are the designations of the woman both in dictionary and in context meaning. Direct identifiers are divided into 7 thematic groups which denote female personal names (1), women's names according to their family status (2), their occupation (3), consanguinity (4), women's names written in the Chinese Latinized phonetic alphabet (5), names of mythological and magic female characters (6), and general female names (7). The article shows quantitative and qualitative filling of each thematic group explaining it from the sociocultural position. The analysis of the direct identifiers proves Amy Tan's female characters' environment being bicultural as well as their double Chinese-American national identity.

В.В. Соковнина. Языковая игра в web-комиксах. Анализируются взаимоотношения между вербальными и невербальными компонентами в креолизованных текстах web-комикса, в основе которых

лежат приемы языковой игры. При возросшем внимании исследователей к проблемам интернет-коммуникации и отдельным сегментам интернета web-комикс не осмыслился в аспекте концептуальных доминант, обуславливающих его специфику. В статье предложено исследование таких особенностей web-комикса, как смысловая завершенность, цельность, произвольный формат, креативность, интерактивность, созависимость вербального и невербального компонентов. Рассматриваются часто используемые приемы языковой игры в web-комиксах, такие как омонимия, олицетворение, омофония и буквализация метафоры. Особое внимание уделяется аллюзивному принципу языковой игры. Определяется место web-комикса в жанровом ландшафте интернет-коммуникации. Осмысливаются новые дискурсивные практики, связанные с отображением комического и абсурдного и построенные на эффектах обманутого ожидания и «психического затора».

V.V. Sokovnina. Language Game in Web-published Comics. The relationship between verbal and nonverbal components in creolized texts of web-comics, based on techniques of the language game, is analyzed. Contrary to the increased attention of researchers to the problems of Internet communication and the individual segments of the Internet, web-comics are not assessed in terms of conceptual dominants determining their specific character. The article offers a research of such features of web-comics as semantic completeness, wholeness, free format, creativity, interactivity, and codependence of verbal and nonverbal components. We discuss such techniques of language game most frequently used in web-comics as homonymy, personification, homophones and literalization of metaphor. Particular attention is paid to the principle of allusive language game. We position the genre of web-comic in the landscape of Internet communication. The article evaluates the new discursive practices linked to the reflection of the comic and the absurd, which build on the effects of failed expectations and «mental congestion».

Г.В. Кукуева, О.В. Минина. Характеристика речевого жанра «народные мемуары» в интернет-коммуникации: медийные параметры. В данной статье рассматриваются народные мемуары как речевой жанр эстетической сферы интернет-коммуникации. Мемуарный жанр является в достаточной степени востребованным и коммуникативно-привлекательным речевым жанром, служащим для самовыражения и речетворчества в виртуальном коммуникативном пространстве. Интернет-коммуникация, находясь в постоянной эволюции, способствует не только появлению новых жанровых форм, сложившихся непосредственно в интернет-среде, но и изменению уже существую-

щих традиционных жанров. Народные мемуары как речевой жанр первоначально имели только бумажную фактуру, впоследствии перенесенную в виртуальную среду. Поэтому адаптированные к электронной форме особые свойства мемуаров определяют актуальность и перспективность изучения данного феномена. Характеризуются медийные параметры речевого жанра народных мемуаров по модели, предложенной Л.Ю. Шипициной, на примере текстов сайта сетевой литературы «Самидат» [<http://samlib.ru>]. Учитываются следующие признаки – оформление жанра, синхронность/асинхронность, мультимедийность, гипертекстуальность, интерактивность, количество и эксплицированность коммуникантов.

G.V. Kukueva, O.V. Minina. The Description of Speech Genre «Popular Memoirs» in the Internet-communication: Media Parameters. The article deals with popular memoirs as speech genre in aesthetic sphere of the internet-communication. Memoirs' genre is rather high demand and communicative-winning speech genre, which is used for self-expression and speech-creation in virtual communicative area. The internet-communication, which is in constant evolution, promotes both occurrence of new genre forms, existing in the internet area directly, and modification of present traditional genres. Popular memoirs as speech genre had paper texture first only, and it was extended to virtual sphere later. So adapted for e-form particular characteristics of memoirs determine urgency and prospectivity of learning this phenomenon. Media parameters of speech genre «popular memoirs» are characterized with L.U.Shipitsina's model by the example of texts from the website of network literature «Самиздат» [<http://samlib.ru>]. These features of the model are described: design of the genre, synchronism/asynchronism, multimedia, hypertextuality, interactivity, quality and explicitamente of communicants.

В.Н. Карпухина. Пространственные характеристики текстов М. Булгакова и С. Кржижановского и их переводов на английский язык. Объект исследования в данной статье – художественное пространство текста, предмет – специфика передачи пространственных характеристик текста при переводе с русского на английский язык. Основная задача статьи – исследование причин и следствий трансформаций пространственных характеристик в процессе перевода художественных текстов с русского языка на английский. Материалом для исследования послужили роман М.А. Булгакова «Белая гвардия» (1923-1925), новеллы С.Д. Кржижановского «Автобиография трупа» (1925) и «Квадратури» (1926) и их переводы на английский язык, впервые рассматриваемые в лингвосомиотическом и лингвоаксиологи-

ческом аспекте. В результате исследования было выявлено, что при передаче пространственных характеристик модернистских текстов М.А. Булгакова и С.Д. Кржижановского в ситуации их перевода на английский язык переводчиками используются следующие лингвоаксиологические стратегии: 1) адаптация основных топонимов текста и особой «неэвклидовой геометрии» текстового пространства; 2) элиминация окказионализмов, обозначающих манипуляции с пространством, и добавление коммуникативных фрагментов иного языка для создания эффекта «книжного пространства»; 3) элиминация коммуникативных фрагментов иного языка, маркирующих национально-культурное пространство, в котором действуют персонажи текста, и адаптивная замена данных коммуникативных фрагментов на экспрессивно окрашенные единицы разговорной речи.

V.N. Karpukhina. Space Characteristics of M. Bulgakov's and S. Krzhizhanovsky's Texts and Their Translations into English. The article considers Russian modernists' texts of the early 20th century and their translations into English. The object investigated is fiction text space, the subject under consideration is the specificity of space characteristics changes of these texts in the process of translation from Russian into English. The article aims at the research of space characteristics transformations in the process of fiction texts translation from Russian into English. The article deals with the novel *The White Guard* (1923-1925) by Mikhail Bulgakov and the stories *Autobiography of a Corpse* (1925) and *Quadraturin* (1926) by Sigizmund Krzhizhanovsky and their translations into English which are explored in the linguistic semiotic and axiological linguistic aspects for the first time. The research results show the following axiological linguistic strategies used by the translators of modernist texts by M. Bulgakov and S. Krzhizhanovsky: 1) adaptation of main toponyms in the text and specific non-Euclidean geometry of the text space; 2) elimination of author's neologisms with space manipulation meanings, and adding communication fragments of other languages to make the effect of the «book space»; 3) elimination of communication fragments of other languages marking national cultural space in the text, and compensational change of these fragments into expressive colloquialisms.

Н.А. Лаптева, И.А. Широких. Функционирование сложных синтаксических конструкций в контаминированной речи автора и персонажей (на материале романа J. Galsworthy «The Man of Property»). В статье рассматриваются особенности сложных синтаксических конструкций в романе Дж. Голсуорси «Собственник». Синтаксис романа подвергается анализу сквозь призму композиционно-

речевых форм. Цель данной работы – исследовать зависимость сложных синтаксических конструкций от контаминации речи автора и речи персонажей. Особое внимание уделяется классификации сложных предложений, особенностям контекстуально-вариативного членения предложения, а также способам взаимодействия речи автора и речи персонажа. В ходе лингвистического анализа доказано, что сложность синтаксических конструкций предопределена сопряжением авторской и персонажной речи, то есть несобственно-прямой речью (термин предложен В.В. Волошиновым). Результаты исследования имеют большое значение в сфере лингвистического анализа текста, структурного анализа предложения, и прежде всего, контаминации речи автора и речи персонажа.

N.A. Lapteva, I.A. Shirokikh. Functioning of Complex Syntactic Constructions in the Contaminated Author's and Character's Speech (Based on the Novel «The Man of Property» by J. Galsworthy). The article deals with the peculiarities of complex syntactic constructions in the novel «The Man of Property» by J. Galsworthy. The syntax of the novel is regarded in terms of the text design patterns. The paper is aimed to study the dependence of complex syntactic constructions on the contamination of the author's and character's speech. Much attention is given to the classification of complex sentences, peculiarities of context and variation division of sentences. Ways of interaction between the author's and character's speech become the main topic to investigate. It is proved that complexity of syntactic constructions is determined by the contamination of the author's and character's speech, i.e. by the free indirect speech (the term introduced by V.V. Voloshinov). The results of the research are of great importance to the linguistic sphere of text analysis, structural analysis of the sentence, and above all, the contamination of the author's and characters' speech. The latter one has not been studied properly, so far.

Г.Т. Безкороваяная. Явление лексической многозначности в словаре и тексте (на примере английской лексемы *peer*). В статье рассматривается полисемия лексемы *peer* как компонента антропоцентрического семантического поля английского языка *gentleness/nobleness*. Анализируется этимология и представленность вариативной семантики данной лексемы в словарях. Первоначальное значение *равный* и последующее номинирование английской знати *пэров*- зафиксированы в словарях. В текстах романов XIX века Э. Бельвер-Литтона и Чарльза Диккенса реализуется это значение. В современном английском языке лексема в качестве именованного представителя парламента и знати использована в газетных,

публицистических текстах, тогда как значения *равный*, *сокурсник*, *партнер* получают широкое распространение в иных типах текста. Делается вывод о том, что многозначность лексемы обусловлена семантической эволюцией значения в процессе исторического развития языка.

G.T. Bezkorovaynaya. On the English Polysemy in Dictionaries and Texts (based on the lexeme *peer*). The article deals with a polysemantic lexeme *peer* which is a component of the anthropocentric semantic field *gentleness/nobleness*. The origin of this lexeme, as well as its presence in the dictionaries, is studied. The meaning *equal* - the main one - and the meaning *a noble person* are also analyzed. This lexeme, as a title of a noble person, is used in the novels by *E. Bulwer Lytton* and *Charles Dickens*. Nowadays, the lexeme is used with the meaning of a *nobleman* in mass media texts, in particular. The author comes to the conclusion that the lexeme *peer* has changed its meaning through the history of the English language.

О.В. Ломакина. Функционирование галлицизмов во фразеологии языка Л.Н. Толстого: из опыта описания тезаурусообразующих единиц (на примере *Faiscequedois*, *adviennequepourra* и *Dansledouteabstienstoi*). В соответствии с современной гуманитарной парадигмой текст рассматривается с междисциплинарных позиций. Автор показывает, что претекстовая информация помогает интерпретировать языковые факты. Особое внимание уделено выделению тезаурусообразующих единиц: в статье приводятся критерии дифференциации фразеологических средств как тезаурусообразующих единиц, описание которых необходимо для более полной характеристики языковой личности. Приводится список тезаурусообразующих единиц языка Л.Н. Толстого. Отдельно раскрывается функциональный потенциал фразеологизмов французского происхождения *Faiscequedois*, *adviennequepourra* и *Dansledouteabstienstoi*, приводятся примеры их употребления в различных текстах Л.Н. Толстого: письмах, дневниках, публицистической статье и художественной прозе.

O.V. Lomakina. Gallicisms Functioning in the Phraseology of L. Tolstoy's Language: Describing Experience of Thesaurus Forming Units (on the Base of Examples *Fais ce que dois*, *advienne que pourra* и *Dans le doute abstiens toi*). The text is considered from an interdisciplinary point of view according to the modern humanitarian paradigm. The author shows that the implied information helps to interpret linguistic facts. Particular attention is paid to the allocation of thesaurus forming units: the article presents criteria of phraseological means differentiation as thesaurus

forming units, the description of which is necessary for a more complete characterization of the linguistic identity. A list of thesaurus forming units of L. Tolstoy's language is presented. A functional potential of phraseological units of the French origin (*Fais ce que dois, advienne que pourra* and *Dans le doute abstiens toi*) is separately demonstrated. The article provides examples of their use in a variety of texts by L. Tolstoy: letters, diaries, op-ed pieces and fictional prose.

А.З. Хабибуллина. Эстетическая интерференция и межлитературный диалог (на материале перевода стихотворения Пушкина «Когда твои молодые лета» на татарский язык). В статье раскрывается сущность эстетической интерференции как явления инонационального восприятия литературы. Интерференция рассматривается в аспекте межлитературного диалога, в нашем случае – татарской литературы начала XX века и русской классики. Фактическим материалом работы стал вольный перевод Г. Тукая на татарский язык стихотворения Пушкина «Когда твои молодые лета» (1829), в котором обнаружались те трансформации художественного содержания, которые граничат с эстетической интерференцией. Анализ интерференции позволил понять, как в татарском художественном сознании трансформировались содержание и форма пушкинского произведения, актуализировались его скрытые, потенциальные смыслы. Свободный перевод Тукая иллюстрирует специфику татарского художественного мышления, выразившегося в ином – восточном – прочтении «чужого» текста.

A.Z. Khabibullina. The Esthetic Interference and Interliterary Dialogue (Based on the Translation of Pushkin's Poem *When Your Calf Time* into Tatar). The article deals with the esthetic interference as the phenomena of non-ethnic literature perception. The interference is considered in the aspect of inter-literary dialogue, in our case in the aspect of the Tatar literature of the beginning of the 20th century and the Russian classics. G. Tukay's free translation of Pushkin's poem *When Your Calf Time* (1829) into the Tatar language became the research material of the work. The transformations of the artistic content which verge on an esthetic interference were found in the translation. The analysis of the interference helped to understand the way the content and form of Pushkin work were transformed, and its hidden, potential meanings were foregrounded in the Tatar artistic vision. G. Tukay's free translation illustrates the specifics of the Tatar artistic thinking expressed in a different – eastern – perception of «someone else's» text.

Р.М. Иманкулова. Поэтика анималистических заглавий в ранней прозе А.П. Чехова. Статья посвящена исследованию поэтики

анималистических заглавий в ранней прозе А.П. Чехова. Для раннего периода творчества писателя характерен постоянный интерес к анималистическим образам, частое обращение к зооморфным приемам при изображении персонажей, использование названий и имен животных в заглавии произведений. Бестиарий чеховских заглавий довольно разнообразен и выполняет самые разные функции. Анималистические заглавия вводят чеховские миниатюры в контекст сатирической традиции (фольклорной, историко-литературной). Многие анималистические заглавия чеховских рассказов восходят к традициям басни XVIII–XIX веков, однако в миниатюрах Чехова за басенным заглавием зачастую следует анекдотичное содержание, лишенное аллегоричности и назидательности. В отличие от басни чеховские анималистические заглавия сигнализируют о животном начале в характерах изображенных персонажей («Кот», «Баран и девушка» и др.). В ряде рассказов обнаруживаются аллюзии на «Сказки» Салтыкова-Щедрина («Гусиный разговор», «Рыбья любовь», «Рыбье дело»). В некоторых произведениях название животного, вынесенное в заглавие, выполняет метафорическую функцию («Хамелеон»). Если в заглавии рассказа упоминается животное, и оно присутствует в повествовании («Волк», «Разговор человека с собакой»), внимание автора сосредоточено не на нем, а на человеке, характер которого раскрывается посредством контакта с этим животным. Анималистические заглавия – примета значительного корпуса ранних чеховских рассказов, выступающая в качестве ключа-кода к их содержанию и поэтике.

R.M. Imankulova. Poetics of Animalistic Title in Early A.P. Chekhov's Prose. The article is devoted to the study of poetics of animalistic titles in early prose of A.P. Chekhov. The early period of the writer's work is characterized by a constant interest in the image of animals, a frequent use of the zoomorphic methods in the depiction of the characters, the use of animal names in the titles of his works. Bestiary of Chekhov's titles is fairly diverse and it fulfills a variety of functions. Animalistic titles bring some satire A. Chekhov's miniatures (folk, historic-literary). Many animalistic titles of A. Chekhov's short stories date back to the tradition of the fable writing (XVIII–XIX centuries). Chekhov's miniatures with fable title often have an anecdote plot, which is devoid of allegory and edification. Unlike the fable, A. Chekhov's animalistic titles convey animal features of the character («A Cat», «A Sheep and a Girl»). In a number of stories allusions to Saltykov-Shchedrin's «Fairy tales» («Goose talk», «Fishy love», «Fishy case») can be found. In some works the name of the animal in the title performs a metaphorical function («A Chameleon»). If an animal is present in the story («A Wolf», «Conversation with a Dog»), the author

concentrates on the person, whose character reveals through the contact with this animal. Animalistic titles are a peculiarity of many A. Chekhov's early short stories. It becomes a key to the understanding the content and poetics.

Д.В. Марьин. Рисунки В.М. Шукшина в аспекте литературоведческого анализа. Рисунки известных писателей давно стали объектом изучения в литературоведении. Они могут дать ценные сведения для реконструкции биографии, служить важнейшим источником для изучения истории того или иного произведения. В статье представлен анализ графических рисунков известного русского писателя В.М. Шукшина, которые он оставил в своих рабочих тетрадях, черновиках, письмах и т.п. Чаще всего это геометрические фигуры, несложный орнамент, изображения мужских голов. Но есть и более сложные по композиции и исполнению зарисовки. Таким образом, писатель зафиксировал определенный момент работы мысли, психологического состояния, что вполне могло воплотиться затем и в живые образы его литературных произведений. Возможно в некоторых, особо оговоренных, случаях рассматривать подобные графические миниатюры в качестве отдельного типа шукшинских рабочих записей. Автор статьи доказывает на конкретных примерах возможность использования рисунков для интерпретации художественных и нехудожественных произведений (рабочие записи) В.М. Шукшина.

D.V. Maryin. Drawings by V.M. Shukshin in the Aspect of Literary Analysis. Drawings by famous writers have long been an object of study in literary criticism. They can provide some valuable information for reconstruction of the writer's biography, serve as an important source for studying the history of particular literary texts. Most often, they are geometric figures and forms, simple drawings, sketches of men's heads. But there are also drawings more complex in composition and design. This way the writer fixed some point of thinking, a psychological state that could well be embodied later in the characters of his literary works. There is an idea that in some cases, drawings are interpreted as characters, as a separate type of Shukshin's working notes. The article presents an analysis of graphic pictures by the famous Russian writer V.M. Shukshin. He drew them in his workbooks, drafts, letters, etc. The author proves that the drawings may be used to interpret fiction and nonfiction (working notes) texts by V.M. Shukshin.

Т.Н. Никонова, Л.И. Толстых. Коммуникативная культура старообрядцев Уймонской долины. Коммуникативная культура человека – сложное явление, связанное с особенностями его воспитания, местом рождения и обучения, со средой, в которой он привычно обща-

ется, со всеми свойственными ему как личности и как представителю социальной группы, а также национальной общности особенностями. Интерес к исследованию старообрядчества в Горном Алтае как исторически сложившейся небольшой по численности части русского народа продиктован тем, что в последнее время оно является не только религиозным направлением, но и олицетворяет национальную культуру русского населения региона. Работа по изучению особенностей коммуникативной культуры старообрядцев Республики Алтай проводится в разных направлениях: коммуникативное поведение и особенности культуры в вербальной коммуникации, коммуникативное поведение при невербальной коммуникации, речевые жанры и календарные праздники в коммуникации старообрядцев. Итоги нескольких лет работы над этой проблемой подведены в коллективной монографии «Коммуникативная культура старообрядцев Горного Алтая» (Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2014. – 104 с.). Задача представленной статьи – отразить некоторые результаты работы по исследованию коммуникативной культуры старообрядцев, проживающих в высокогорном районе Республики Алтай на территории Уймонской долины.

T.N. Nikonova, L.I. Tolstyh. Communicative Culture of the Old Believers of Uimon Valley. Communicative human culture is the complex phenomenon associated with the peculiarities of his upbringing, place of birth and education, the environment in which he habitually deals with all his characteristics as an individual and as a representative of a social group, as well as the peculiarities of the national community. The interest in the study of the Old Believers of Gorny Altai as a historical low for the number of the Russian people is dictated by the fact that in recent years it is not only a religious direction, but also embodies the Russian national culture in the region. The work on the study of the characteristics of the Old Believers of the Altai Republic communicative culture is carried out in different directions: communicative behavior and characteristics of culture in verbal communication, communicative behavior of non-verbal communication, speech genres and calendar holidays in communication of the Old Believers. The results of several years of work on this problem are summarized in the monograph "The Communicative Culture of the Old Believers of Upper Altai" (Gorno-Altai: RIO GASU, 2014. – 104 p.). The challenge presented by the article is to reflect some of the results of the work on the study of communicative culture of the Old Believers living in a mountainous area of the Altai Republic on the territory of Uimon valley.

НАШИ АВТОРЫ

БЕЗКОРОВАЙНАЯ,
Галина
Тиграновна

– кандидат филологических наук, старший преподаватель Московского государственного университета печати им. И. Федорова.
E-mail: begati1@yandex.ru

БОГАТЫРЕВА,
Инна
Александровна

– кандидат филологических наук, доцент Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.
E-mail: anastasia1988@mail.ru

ГАСАНОВА,
Маликат
Шахбановна

– учитель МБОУ «Гимназия №37» (Махачкала).
E-mail: gimna37@mail.ru

ЕФИМОВА,
Надежда
Николаевна

– кандидат филологических наук, доцент Московского государственного лингвистического университета.
E-mail: caprico2009@yandex.ru

ИМАНКУЛОВА,
Руфия
Муслимжановна

– аспирант Алтайского государственного педагогического университета (Барнаул).
E-mail: rufiyusha_13@mail.ru

КАРПУХИНА,
Виктория
Николаевна

– доктор филологических наук, профессор Алтайского государственного университета (Барнаул).
E-mail: vkarpuhina@yandex.ru

**КОЗЛОВ,
Алексей
Евгеньевич**

– кандидат филологических наук, доцент
Новосибирского государственного
педагогического университета.
E-mail: alexey-kozlof@rambler.ru

**КОНОВАЛОВА,
Мария
Владимировна**

– кандидат филологических наук, доцент
Челябинского государственного университета.
E-mail: makonovalova@yandex.ru

**КУДРЯШОВА,
Наталья
Владимировна**

– кандидат педагогических наук, доцент
Хакасского государственного университета
им. Н.Ф. Катанова (Абакан).
E-mail: nataliya-15.72@mail.ru

**КУКУЕВА,
Галина
Васильевна**

– доктор филологических наук, профессор
Алтайского государственного педагогического
университета (Барнаул).
E-mail: kupala@inbox.ru

**ЛАПТЕВА,
Наталья
Александровна**

– магистрант Алтайского государственного
университета (Барнаул), преподаватель
Колледжа АлтГУ.
E-mail: natalya_lapteva89@mail.ru

**ЛОМАКИНА,
Ольга
Валентиновна**

– кандидат филологических наук, доцент
Православного Свято-Тихоновского
гуманитарного университета (Москва).
E-mail: rusoturisto07@mail.ru

**МАНСКОВ,
Сергей
Анатольевич**

– кандидат филологических наук, доцент
Алтайского государственного университета
(Барнаул).
E-mail: dozent2@yandex.ru

**МАРЬИН,
Дмитрий
Владимирович**

– доктор филологических наук, доцент
Алтайского государственного университета
(Барнаул).
E-mail: dvmaryin@mail.ru

- МИНИНА,
Ольга
Викторовна** – аспирант Алтайского государственного педагогического университета (Барнаул).
E-mail: cherenzeva@mail.ru
- МИШАЕВА,
Марианна
Владимировна** – кандидат филологических наук, преподаватель Дагестанского государственного университета (Махачкала).
E-mail: mishmar78@mail.ru
- НИКИТИН,
Олег
Викторович** – доктор филологических наук, профессор Московского государственного областного университета.
E-mail: olnikitin@yandex.ru
- НИКОНОВА,
Татьяна
Николаевна** – кандидат филологических наук, доцент Горно-Алтайского государственного университета.
E-mail: nikonova_tn@mail.ru
- ОСТРОВСКИХ,
Ирина
Николаевна** – кандидат филологических наук, доцент Алтайского государственного педагогического университета (Барнаул).
E-mail: irina.ostro@yandex.ru
- ПОСТНИКОВА,
Екатерина
Анатольевна** – преподаватель Северного (Арктического) федерального университета им. М.В. Ломоносова (Северодвинск).
E-mail: ekaterinanatolievna@gmail.com
- ПРОКОФЬЕВА,
Наталья
Анатольевна** – кандидат филологических наук, старший преподаватель Санкт-Петербургского государственного университета.
E-mail: n.prokofieva@spbu.ru
- СЕМИЛЕТ,
Тамара
Алексеевна** – доктор философских наук, профессор Алтайского государственного университета (Барнаул).
E-mail: 7let@mail.ru

**СОКОВНИНА,
Вероника
Владимировна**

– аспирант Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург).
E-mail: tugamy@yandex.ru

**ТОЛСТЫХ,
Любовь
Ивановна**

– кандидат филологических наук, доцент Горно-Алтайского государственного университета.
E-mail: lit08ga@yandex.ru

**УХВАНОВА,
Ирина
Фроловна**

– доктор филологических наук, профессор Белорусского государственного университета (Минск).
E-mail: ioukhvanova@gmail.com

**ФИСУН,
Сергей
Александрович**

– проректор по научной работе Барнаульской духовной семинарии.
E-mail: cans.bds@mail.ru

**ХАБИБУЛЛИНА,
Алсу
Зарифовна**

– кандидат филологических наук, доцент Казанского (Приволжского) федерального университета
E-mail: Alsu_Zarifovna@mail.ru

**ЧЕРНЫШОВА,
Татьяна
Владимировна**

– доктор филологических наук, профессор Алтайского государственного университета (Барнаул).
E-mail: labrlexis@mail.ru

**ЧУВАКИН,
Алексей
Андреевич**

– доктор филологических наук, профессор Алтайского государственного университета (Барнаул).
E-mail: chuvakin@inbox.ru

**ШИРОКИХ,
Ирина
Алексеевна**

– кандидат филологических наук, доцент Алтайского государственного университета (Барнаул).
E-mail: shirokih.irina@mail.ru

Журнал распространяется по подписке
Подписной индекс 36795
в каталоге «Газеты. Журналы» Агентства «Роспечать»

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия.
Свидетельство ПИ № ФС77-30179 от 02.11.2007 г.

Журнал включен в «Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук (редакция февраль 2010)». Согласно решению Президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки России от 10 октября 2008 года № 38/54, с 10 октября 2008 года к изданиям, рекомендованным для публикации основных научных результатов докторских и кандидатских диссертаций, относятся все издания, включенные в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, выпускаемых в Российской Федерации, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Сдано в набор 03.09.2016. Подписано в печать 05.09.2016. Дата выхода издания в свет 09.09.2016. Формат 60×84/16. Гарнитура Times New Roman. Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 12. Тираж 500 экз. Заказ № 216.

Издательство и типография Алтайского государственного университета.
Адрес издателя: 656049, Алтайский край, г. Барнаул, ул. Димитрова, 66, оф. 204.

© Издательство Алтайского государственного университета, 2016

Требования к оформлению присылаемых в редакцию материалов

1. Редакция журнала принимает статьи объемом до 30 тыс. знаков с пробелами, научные сообщения – до 16 тыс. знаков с пробелами, другие материалы – до 6 тыс. знаков с пробелами. Для аспирантов – объем не более 16 тыс. знаков с пробелами!
2. Электронные материалы должны быть представлены в формате Word for Windows. Для знаков, отсутствующих в шрифте Times New Roman (для транскрипции, иноязычных примеров и т.д.), используются стандартные распространенные шрифты (Symbol, Lucida Sans Unicode). При использовании оригинальных шрифтов их файлы (формат *.ttf – True Type Font) необходимо выслать вместе со статьей приложением к электронному письму. Для создания схем, графиков, иллюстраций используются программы стандартного пакета Microsoft Office; графика должна быть внутри файла.
3. Примеры в тексте статьи оформляются *курсивом*.
4. Примечания к тексту оформляются в виде постраничных сносок и имеют постраничную нумерацию.
5. Библиографическое описание изданий оформляется в сокращенном варианте (без указания издательства, страниц и вида издания – учебное пособие, монография, сборник и т.п.) и приводится в конце работы по алфавиту. Источники на иностранных языках располагаются после источников на русском языке.
6. Ссылки на литературу в тексте даются в квадратных скобках, где указываются фамилия автора, год издания, цитируемые страницы. Например: [Виноградов, 1963, с. 46]. Если в библиографии упоминается несколько работ одного и того же автора и года, то используется уточнение: [Горелов, 1987*a*]. В списке литературы делается такая же пометка.
7. Статьи следует направлять по адресу: 656049 г. Барнаул, ул. Димитрова, 66, Алтайский государственный университет, факультет массовых коммуникаций, филологии и политологии, ауд. 405-а, отв. секретарю журнала Дорониной Светлане Валерьевне. Электронная версия отправляется вложенным файлом по адресу: soveto1@filo.asu.ru (В разделе «Тема» просим указать: «В редакцию журнала»). К статье прилагается справка об авторе: фамилия, имя, отчество, место работы (полное название организации с указанием адреса и почтового индекса), должность, ученая степень, ученое звание, служебный и домашний адрес, номера телефонов / факса, электронная почта. **Наличие адреса электронной почты обязательно!**
8. Статьи, оформленные с нарушением приведенных правил или плохо отредактированные, редакцией не рассматриваются.
9. Требования к оформлению основного текста статьи: 12 кегль, шрифт: Times New Roman, междустрочный интервал одинарный, абзацный отступ – 0,8 см. **Неосновной текст**, предвещающий статью (научное сообщение), состоит из следующих компонентов: и.о. фамилия автора (на русском и английском языках, выделяется полужирным), название (на русском и английском языках, выделяется полужирным), аннотации на русском и английском языках (не менее 1000 знаков с пробелами каждая). Далее следует **основной текст** статьи: название (на русском языке, прописными буквами, выравнивание по центру), и.о. фамилия автора (полужирным, курсивом, выравнивание по центру), ключевые слова на русском и английском языках (не более 6-ти на каждом языке, отступы слева и справа по 0,8 см., выравнивание по ширине), собственно текст, список литературы.

Примечания:

1. Научные тексты, присылаемые аспирантами и соискателями ученой степени кандидата наук, должны отражать основные результаты исследования, соответствовать жанру научного сообщения и сопровождаться рекомендацией кафедры, при которой выполняется диссертационная работа (оформляется в виде выписки из протокола заседания кафедры), и отзывом научного руководителя (с оценкой актуальности темы исследования, новизны полученных результатов, их теоретической и практической значимости) и рекомендацией к печати в журнале «Филология и человек». Сопроводительные документы (скрепленные печатью организации) сканируются и высылаются в редакцию по электронной почте или передаются по тел. / факсу (3852)366384. 2. **Обращаем внимание, что указанный в п. 1 объем научного текста учитывает все его компоненты (от названия до примечаний и источников материала включительно).** 3. Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.